

The background of the entire page is a detailed illustration. It depicts a woman's face and upper torso in the lower right corner. Her hair is voluminous and styled in a way that incorporates the heads of various animals. At the top left, there is a large eagle with spread wings. Below it, a lion's head is shown in profile, looking towards the left. To the right of the lion, there is a small, winged, cherub-like figure. Further up and to the right, a deer's head with large antlers is visible. Below the deer, a horse's head is integrated into the hair. To the right of the horse, a bear's head is shown. The woman's hair also features a small, light-colored, winged creature near the bottom right. The overall color palette is dominated by earthy tones: browns, tans, and muted greens.

КАДЫН

ЛЮДИ ЗОВУТ МЕНЯ
АЛ-АШТАРА.
МОЕ ИМЯ ОТ ДУХОВ
НЕДОСТУПНО СЛУХУ
СМЕРТНЫХ.
СУДЬБА НАРЕКЛА
МЕНЯ ЦАРЕМ
МОЕГО НАРОДА –
ВЕЛИКОЙ
КАДЫН.

ИРИНА БОГАТЫРЕВА

Этническое фэнтези

Ирина Богатырева

Кадын

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Богатырева И. С.

Кадын / И. С. Богатырева — «Эксмо», 2015 — (Этническое фэнтези)

В стране золотых гор, где обитают духи древних шаманов, сокрыт от людских глаз вход в Шамбалу. Правит этой страной Кадын – великая госпожа. Еще девочкой прошла она обучение у старой шаманки, в схватке с духами обрела новое имя, и ей открылись тайны устройства мира и обретения могущества. «Кадын» – книга о силе и власти, о неизбежных переменях и великом Пути, о любви и настоящей верности.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Богатырева И. С., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	50
Глава 10	60
Глава 11	67
Глава 12	77
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Ирина Богатырева

Кадын

© Богатырева И., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

*Кто принял на себя унижение страны – становится государем,
и кто принял на себя несчастье страны – становится властителем.
Дао дэ Цзин*

Часть 1

Воины Луноликой

Глава 1

Выбор духов

Меня зовут Ал-Аштара. Это потому, что я родилась на рассвете: ал-аштара – красный цветок. Еще по-разному люди зовут, кто быстрой, кто меткой, только я не слушаю: отец говорил, от лести человек изнутри гниет, как дерево от воды разбухает. Пусть, как хотят, называют. Имя же свое я никому не скажу. Его старая Камка на кости вырезала и зарыла под кедром, одной ей известным.

Это так было: каждую осень выходила из леса Камка и уводила на посвящение девочек, у кого в тот год пришли крови. Матери их на коновязь вязали красную тряпку, чтобы знала, к кому идти. Ведь девочка такая до посвящения – уже не ребенок, но еще не человек, опасное самое время. И все ждали осени, ждали Камки, торопя время, точно сноровистого конька.

Тот день я помню, будто вчера был: вдруг поплыл из-под холма, со стана, гул, словно бы поминальный плач. Я в доме была, выскочила за дверь: вереницей шли девочки, а за ними плелись мамки-тетки, рыдали в три ручья. Последней же Камка шла, дряхлая старуха, каких уже и земля не держит. Еле-еле ковыляла. Шуба на ней дрянная, сама вся черная, космы спутанных волос и грязный мех старой шапки прикрывали лицо – говорили, его никто никогда не видел.

Сердце во мне забилося: вот оно, началось, пришло мое время! Бросилась в дом одеваться. Мамушка все поняла, руками всплеснула, засуетилась, за что браться, что делать, не знала. Она из местных была, из темного народа. Ее отец в дом взял, когда родная моя мать в бело-синюю высь нырнула, ни капельки молока мне не дав, а у этой женщины дитя только-только в дупле схоронили. Выходило, что некому было по мне реветь. Но я отчего-то твердо знала, что мать моя и не стала бы: воином из кузнецкого стана была она. И, вспомнив об этом, я сразу успокоилась. Оглядела дом и решила: ничего мне с собой не надо. Привязала к поясу нож, мамушке кивнула, чтобы сидела тихо, да и пошла.

И половины пути к отцовскому дому не успели еще пройти люди. Унимая сердце, я вглядывалась в приближающиеся знакомые и незнакомые лица. Мамки ревели, девочки хныкали, малые дети бегали и визжали, радуясь непонятно чему. В ту осень семь девочек из нашей долины взяла Камка, четырнадцать из разных урочищ – и еще Очй. Невысокая, хрупкая, в старой овчине, в перевязанных на щиколотке крепких охотничьих сапожках, растрепанная, чумазая, она больше была похожа на духа, чем на человека. Люди ее не знали, смотрели с испугом, а я была рада: она одна была мне подругой с самого детства. Я и не мечтала, чтобы вместе посвящение проходить: она младше меня на две зимы, но в лесу росла, земля рано в ней свои соки открыла. Вот и вела ее с собой Камка.

Тут разглядела меня у порога и остановилась, тяжело дыша.

– Те, нечего по горам лазать. Поворачивай, – сказала хрипло и пошла вниз. Все развернулись за нею. В этот момент мамушка выглянула из-за двери, стала мне в руки сверток с хлебом совать, но я отмахнулась и поспешила за всеми, боясь даже обернуться на отцовский дом.

У леса мамки стали отставать. Потом и малые дети, бросив сестер, убежали домой. Вот уже покосные поляны кончились. Тропа в тайгу взяла. А Камка все шагала, и даже быстрее как будто и ловчее, и сиплой одышки не долетало от нее, и никому не удавалось ее догнать.

Но вдруг остановилась и обернулась к нам:

– Не ходок я ногами, – сказала громко, и голос ее как будто окреп. – А с такими рохлями до зори топать. Отсюда вперед пушусь. А вы следом будьте. Отстанете – не стану ни звать, ни искать. В тайге сгинете!

И вдруг заверещала, закрутилась на месте, поднялся ветер, пыль, листья. Мы рты разинули. Закрутился ураган, что, где – не разберешь, только вижу: нет Камки. Лишь Очи звонко крикнула: «Вон она!» – и зайцем бросилась в лес. Я – за ней.

Как мы бежали – будто жизни спасали свои. Ничего не разбирая, не видя ни земли, ни деревьев, ни камней. Не отстать, не потеряться боялась я – боялась на посвящение не попасть и остаться еще на год ребенком.

Только вдруг все стихло: выскочили мы на берег озера. Ветер и тьма остались позади, а под кедрями перед костром сидела Камка и с ложки пробовала похлебку. Переводя дух, мы с Очи уставились на нее. Она же не сказала ни слова и приказала молчать, только кивнула, чтобы садились. Из тайги стали выходить девочки и падать рядом, будто ноги их уже не держали. Одна, самая толстая, достала из рукава кусок лепешки и принялась есть, жадно впиваясь зубами. Я отвернулась.

Наконец приготовила Камка похлебку, разлила по свежим, только вырезанным деревянным чашам и раздала нам. Ели тихо, только слышно было, как ветер гнет кроны да как ложки выстукивают дно.

– Славная была у меня охота, – молвила Камка, прерывая молчание и вытирая ладонью жирные губы. – Добрая маралуха накормила вас собою. И у духов нынче добрая охота будет, – добавила, оглядывая обступающие кедр, будто кого-то за ними различала. – И вам от них не отбиться, – засмеялась негромко, словно заскрипело старое дерево. – Но как маралуха, себя вам отдавшая, звездой на небе станет, так и вы, себя духам скормив, тем станете, кем вам быть должно. Так что готовьтесь: выдержите бой – укажет вам дух вашу долю. – Она оглядела нас, будто ожидая вопросов. Но мы молчали. Девочки с испуганными лицами смотрели на нее. – Поели? А чего сидите? Стройте себе дома: жить вам тут до зимы.

Мы разбрелись по поляне собирать шатры. Я не знала, с чего начать, и кинулась к Очи.

– Давай вместе дом ставить.

– Те! – отмахнулась она. – Это для домашних девочек. Я себе на дереве гнездо совою. Я, когда в лесу ночью, всегда на дерево залезаю и сплю. Ты тоже так можешь. Только на другом дереве.

– Нет, я так не могу: зимой и замерзнуть недолго. Надо, чтоб огонь был.

– Дело твое, – усмехнулась Очи.

Пришлось работать одной. Сначала я сложила дрова под очаг. Наметила место, чтобы и сесть, и лечь не близко к огню и не далеко. Потом пошла под гору. Там много деревьев ветром повалило. Нарезала прутьев, надрала коры, долго таскала, собирала да крыла.

Очень боялась до сумерек не успеть. И правда, уже стемнело, когда последний кусок коры укрепила. Оглядела шатер и хотела идти к костру, как вдруг почувала неладное: девочки собрались вместе и недобро косились на меня. Потом вышла самая высокая и преградила мне дорогу:

– Чего это, царевна, ты себе выстроила? – начала она. – Думаешь, особая? Смотри, какие мы себе шалаши поставили: низенькие, только залезть и спать. А ты чего гору вымахала?

И другие загудели: пусть будет как все, нам ровня будет... А первая продолжала:

– Это в стане ты – царская дочь, а как вытащат тебе духи прялку, станешь как всякая. Чего тебе выделяться, пока ничего не решили духи? Разбей!

И все загудели: разбей, разбей! Я сжала зубы. До того и не думала, что духи могут мне вытащить прялку. Всегда, когда пыталась почувать свою долю, видела себя воином на коне, с чеканом и луком. Кулаки стиснулись сами.

– Те, какая ты смелая! – крикнула я. – Выходи же один на один! Посмотрим, чей шатер разбирать!

И, не дожидаясь ответа, бросилась на нее, как телок, стараясь боднуть головой в живот. Но промахнулась: она выгнулась и ударила меня кулаком по спине, меж лопаток. Немного сильнее – и мне бы упасть, но я устояла, успела схватить ее за талию и остановиться. Она тоже перехватила меня поперек туловища, и так мы застыли, широко расставив ноги, пытаясь свалить друг дружку, как делают мужчины в борьбе.

Но мы не мужчины, чтобы так бороться: они крепкие, как быки, а мы были верткие, как змеи. Я вывернулась первой и кинулась снова. Она была выше и тяжелее, однако я – злее, решительнее и понимала, что защищаю, а это главное: все время помнить, ради чего дерешься. Так отец учил, еще когда ребенком была. Я крутилась вокруг нее, как белка по дереву, она же толкала и ударяла каждый раз верно, сильно и больно. Любой ее удар мог бы свалить меня, но я терпела, била, кусала, только старалась не сцепляться, чтобы она не могла перевесить.

Вдруг я ощутила, что выбила ее ногу, и она вот-вот упадет навзничь – но тут словно бы ярко вспыхнул костер, и в его свете я увидала перед собой вместо девичьего лица, вместо человеческой головы – морду горного барса. С прижатыми ушами, ощерив серебристую голову и оскалив клыки, он смотрел холодными сияющими глазами. Все во мне сжалось, а барс завизжал, и я почувствовала, что мы оба падаем на землю.

Мне показалось, что горы дрогнули. Но в тот миг я уже знала, что это и есть мое посвящение – и не отпрянула. Мы покатались вокруг костра. Барс визжал и шипел, бил меня о деревья, прижимал к земле, драл кожу, грыз плечи. Я видела, как кровью налились его глаза и как покраснели клыки, но скорее дала бы сожрать себя, чем отпустила.

Несколько раз он затихал, думая обмануть меня, но я не верила, и все начиналось сначала. Так он трепал меня, как собака суслика, и все же наконец затих. Пасть его закрылась, глаза потухли, взгляд стал спокойным и холодным, каким и должен быть взгляд царя – будь то духов царь, люда или зверья.

Я думала уже, что он молвит сейчас человеческим голосом: встань – но он молчал, только смотрел, и я откатилась в сторону и с трудом села. Тело мое было избито, я едва не теряла сознание. Но тут поняла, что рядом есть кто-то еще – за костром стоял Хозяин гор, ээ-торзы. Его желтая шкура казалась от огня красной, у него были крылья и голова хищной птицы с изогнутым клювом, но с чуткими, острыми ушами, а глаза, как и туловище о четырех лапах с хвостом, принадлежали кошке и были желты, узки и спокойны. Барс подошел ко мне, и мне удалось подняться, чтобы сделать поклон духу-хозяину, – после я упала и ничего больше не помню.

Чудилось мне, что я дома. Пахнет пряным, теплым. Сквозь прикрытые веки красно мерцает огонь. Мамушка сидит у очага и варит молочную варку. Сучья трещат, а мамушка тихо поет: *чату-чату-чату-ти-и, стрела быстрая лети-и...* И хорошо мне, спокойно, так бы и спала.

Только тут всплыло в голове, что я билась с духом и он меня терзал. Все мое тело в глубоких ранах, но я не чую боли. Сжалось тогда у меня сердце: решила я, что не пережила посвящение, канула ввысь, и это не мамушка, а моя родная мать поет, сидя в шатре на пастбище Бело-Синего, на берегу Молочной реки... Подумала так – и чуть не заплакала: как переживет отец такой позор!

И открыла глаза.

Передо мною возле костра сидела Камка, резала ножом по маленькой костяной бляшке и пела.

– *Чату-чату-чату-ти, стрела быстрая лети...*

Ни боли, ни ран, только память о битве, и, как привкус крови, осталось во рту новое имя.

Камка заметила, что я очнулась, отложила работу, протянула мне чашу с душистым отваром, а потом наклонилась, и я ей имя шепнула. Прямо в ухо оно ей влетело. Как ни в чем не бывало Камка продолжила резать по кости.

– Что ж, теперь вы воины, – проговорила она напевно, будто бы слова вышли из песни. Закончила резать, сложила кости в кожаный мешочек и плотно завязала. Голос ее, обычно старушечий, хриплый, звучал прозрачно и ясно. – У каждой из вас теперь своя доля. Как вернетесь в станы, приметесь кто прясть, кто шерсть мять, кто узоры шить, кто на зверя ходить – кому что достали духи. Доля у каждого своя, иной не бывать. Духи всем по силам раздают. Чужая доля – по чужим плечам, другому не осилить, как бы мила ни казалась. Но среди вас есть дева, кого Лунолика мать к себе зовет. И с нею должны быть еще воины. Духи вождю подскажут, кто это будет. Подойди ближе, – сказала она мне, подзывая к костру, и все обернулись.

Я растерялась. Смотрела на Камку и не понимала ее. Хотела верить – и боялась. Ведь кем была я – и кем были воины Луноликой: самые смелые, самые красивые, сильные духом и телом, вечно юные, вечные девы. Они всегда вдохновляли мое сердце, с детства мечтала я быть похожей на них. Иной год троих, пятерых, а иной год – никого не выбирали духи в посвящение Луноликой. Надеяться я не смела.

Но Камка по тайному имени определила выбор духов, и я не могла ей не верить. Только не знала, что делать, когда все девы с тревогой и ожиданием обернулись на меня. Собравшись с духом, я поднялась и жестом созвала их ближе к костру.

Над огнем у Камки оказался котелок не с отваром – в нем были круглые речные камни, горячие, трескучие, как в бане. Как мы подошли, она кинула на них горсть семян. Я знала, что отец вместе с главами родов дышит дурманным дымом, укрывшись шкурами или войлоком, когда просит духов подсказать решение в трудных делах. Но что и как нужно делать, я не знала. Сидела, замерев, будто оцепенела, боясь показать, что ничего не понимаю, что духи ошиблись, какой из меня воин Луноликой! Искоса смотрела на дев – они глядели в костер, а лица были странные, каждой как будто бы свой дух мерещился.

Я присмотрелась – и точно: перед одной на двух ногах прыгал заяц-русак, возле другой серебристый козел тряс бородищей, у третьей на плече сидела цапля, а сидела по-человечьи, ноги спустив, и крылом за ухо девочки держалась... У четвертой – барсук, у пятой – змея в человеческой одежде, у шестой – пастух ростом с ладонь, а вместо одной ноги у него – ящерица. У кого звери, у кого рыбы, у кого вообще неясно что, даже названия не подберешь.

Мне стало нестерпимо весело, будто кто-то щекочет. Захотелось крикнуть: чего скисли, девы, смотрите, кто вокруг! И бросила взгляд на Очи – она напротив меня, через костер сидела. Тут ее дух-ээ, крылатая рысь, подняла над головой боевой чекан. Я вздрогнула, но поняла знак и указала на нее:

– Она.

Еще раз, пристальней, оглядела дев и увидела Ильдазу из соседнего стана. Я ее знала, она приносила нам мягкий сыр. Это ее духом был серебристый козел, у козла на спине оказался красный петух, не то сидел, не то был с ним единым и поднял горит с луком и стрелами.

– Она, – указала я.

Третьей девушкой была толстуха Ак-Дирьы, та, что жевала лепешку, поднявшись на озеро. Она не выглядела воином, но дух с кривыми младенческими ножками и круглым животом, но с плечами и головою теленка, тоже достал оружие, и я повиновалась:

– Она.

Сколько ни оглядывала я сидящих передо мной дев, сколько ни ждала знака – больше не было. Но я твердо знала, что не может быть четыре девы-воина, потому что четыре – дурной знак, знак смерти. И продолжала искать.

И тут над ближайшей ко мне девой ее дух поднял кинжал. Это была черноволосая Согдай, дочь пленницы, скромная и лицом краше всех. Красота ее была даром, с которым без забот

могла бы прожить, но, когда дух ее, небольшой лесной кот в красной шубе, обнажил кинжал, дева подняла на меня глаза, и я увидела не скромницу, выросшую у материнского очага, а воина. О, то был настоящий воин: из всех она одна решила быть в воинстве Луноликой, сознавая, что это значит и что ее ждет. Я догадалась, всю борьбу ее увидела и ту твердость, с которой она это решила, и захотела тут же обнять ее. Но сдержалась и только сказала:

– Ты.

Глава 2

Учеба

После мы разошлись по шалашам, но я лежала без сна. Сперва все мечтала, как приеду в стан, как объявлю отцу и братьям о выборе духов и как они тоже станут гордиться мною, младшей. А потом стало грезиться, будто я в кочевье, что снялись наши станы и продолжили свой вековой переход, покинули эту щедрую землю и идут к Золотой реке. Вновь, как раньше, как отец мне рассказывал, разбрелись люди темным морем и идут, идут, влекомые древним кочевым зовом. От Белого моря до Синего моря, от льдистых пустынь до желтых песков ходил уже мой люд, но так и не нашел Золотой реки. И хоть я сама никогда не была в кочевье, всегда видела этот сон, от дедов мне доставшийся: что снялся люд, едет в повозках и верхом, в легких палатках ночи проводит, у огней под звездным покровом ночи проводит, коней плодит, коней ест – и идет, идет, идет к Золотой реке...

И всегда в этих снах кто-то пел древнюю песню на старинном, непонятном мне языке. Ее мне, маленькой, отец певал. На коленку сажал, качал, как конская спина тихим шагом качается, и пел. Длинная эта песня, протяжная, что-то в ней есть про ветер, про степи и ветер, что гонит и гонит наше племя. Только вот во сне эту песню всегда женский голос поет. Голос слышу, а певуны не вижу. И всегда думала: это моя мать.

Ой то гнитесь травы низко,
Собирайтесь облака.
Сокол в небе, конь на воле,
Впереди Итель-река.

Но вдруг почудилось мне сквозь сон, будто кто-то рядом поскуливает. Как лисица, тоненько так: *ять, ять*. Думала: правда лисы пришли кости из похлебки стащить. Потом вспомнила, что Камка на этих костях наши имена вырезала – и проснулась вмиг.

Тьма стояла вокруг, только по углям от сквозняка красноватая рябь играла. Выглянула – нет лис. Тихо и пусто у кострища. Вокруг темно и белый туман, лишь озеро отражает высь, будто бы вышним светом светится. Чернеют стволы и шалаши дев, точно рисунки на коже у воинов. И тут смотрю: это Очишка с дерева слезла, от холода прыгает и поскуливает.

– Очи, – позвала я. – Иди сюда! У меня тепло.

Она перестала прыгать, оглянулась. Смотрит, а не идет. Скорее замерзнет, чем признается, что ей холодно.

– Идем, переночуешь.

– Заря скоро. Камка будить станет. Это я пораньше проснулась просто.

– Хорошо, спать не будем. Идем, я спросить тебя кое-что хочу.

Она подошла, остановилась у входа, да, видно, тепло почуяла – как юркнет ко мне в шалаш! Там уже хворост занялся. Она села, поджала ноги, будто всегда здесь и была.

– Я думала, лисы пришли кости красть, – сказала я. – А на них наши имена.

– Те, – фыркнула Очи. – Камка давно все кости под корнями кедра зарыла.

– А ты знаешь где?

– Нет, – мотнула она головой. – Мне ни разу ее выследить не удавалось. Сколько ни пробовала, она замечает, водит, водит, а потом раз – исчезнет. Хитрая, – добавила, усмехнувшись. Очи всегда говорила о Камке так, словно та ей не мать. – В этот раз я и не пошла. Неинтересно уже, да и спать хотелось.

– А зачем зарывать? Ведь говорят, если человек теряется, Камка по тайному имени его находит.

– Да, по имени. Но имя она у духа испрашивает. А сама не хранит и не помнит. Думаешь, она могла бы помнить все имена? – Очи засмеялась. – А если хранить – любой украдет кость да наведет порчу. Нет, надо зарыть. Да и Камка говорит, что жить человек столько будет, сколько кость в земле пролежит и не сгниет.

– Но ведь она сама старая, как гора. Столько ни одна кость в земле не лежит.

– Она не старая. Ее жизнь только духам ведома, – мотнула Очишка стриженной головой. – Она говорит, духи ее кость давно слопали и не подавились. А я думаю, ее никогда и не было. Ведь с ней же неясно, на кости имя должно быть или на камне.

– Почему – на камне?

– Мужчинам имена режут на камне.

– Но ведь тогда бы мужчины не умирали, – удивилась я. – Камень в земле не гниет.

– Нет, у них жизнь – в поясе, а смерть – в клевце. У них все не как у нас и имя только для духов.

– Но ведь умирают мужи в стане, или в горах, в лесу, на кочевье. Не только же на войне или седые, кто с поясом расстался.

– Я тоже об этом думала, – кивнула Очи. – И у Камки спрашивала. Только она говорит, каждый по-своему с духами ладит, и лезть в это нельзя. Но я когда-нибудь узнаю.

– А откуда ты сейчас это знаешь, Очи? Мать рассказывала?

– Камка? Те! Она про свои дела ничего не рассказывает. Говорит, ее всему духи учили и меня научат. Нет, я сама лазала, видела, как она мужчинам на посвящении имя по камню высекает.

– Ты видела? – от удивления я наклонилась через костер, чтобы ей в глаза заглянуть. – Как ты видела? Чужое посвящение видеть нельзя! За это же смерть!

– Меня духи водили, – фыркнула она. – Я же не простая, я тоже камка. Я всегда это знала, а сегодня и духи сказали, – сверкнула она на меня дерзкими глазами. – Так что мне теперь все можно. А потом научусь духами повелевать, и имена давать, и все-все!

– Но – мужское посвящение видеть! Как такое возможно? – не могла я поверить.

Очишка только плечами пожала.

– Что в том дурного? Раз Камка меня родила, я, верно, такая же, как она, и тоже обращаться научусь.

Она будто с собой говорила. Меня словно и не было, или же я должна была все понять. Но я не поняла и спросила:

– Как? – шепотом. Потому что если Очи ответит, знать об этом не должны даже духи.

– Как? – Она посмотрела на меня и задумалась. – Пока не знаю. Но ты думаешь, как она мужчинам посвящение дает?

– Как? – еще раз, совсем неслышно выдохнула я.

– А она сама мужчиной становится, – сказала Очи спокойно, как о ветре.

– Не может быть. Откуда ты знаешь?

– Видела, – ответила она и пожала плечами. А потом отвернулась к огню, как зверь, оставаясь спокойной.

Вдруг раздался удар и поплыл по лесу медью рожденный звук: *донн!*

Очи встрепелась.

– Камка зовет. Идем! Быстрей выходи, а то плохо будет!

И выскочила первой. Я выглянула тоже. Совсем еще темно было в лесу, даже дыхания света не виделось за горами, а Камка уже стояла у кострища и ударяла рукояткой клевца по медному блину. «*Донн, донн*» – шел напевный звук и плыл меж деревьев, меж шалашей, путаясь в темноте и плотности ночи. Девы, протирая глаза, натягивая шубы и сапоги, вылезали из своих убежищ, и, глядя на них, мне стало легко и радостно – будто это во мне, а не в небе просыпалась заря.

Так началось наше ученье, и каждое утро потом повторялось: из темноты ночи, из густоты сна рождался круглый, гнедой, гудящий *донн-донн-донн* и плыл меж деревьев, заполнял наши головы, заполнял наши сны, и они разрывались, как переполненные бурдюки, а мы, зевая, выходили из шалашей в темноту и мороз, в туман дорассветный, а после – в дождь, снег, льдистый, свербящий ветер. Подтягивали шубки, терли глаза, встряхивались и собирались вокруг Камки. Если же кто-то мешкал, она рушила ей шалаш, и та вылезала из-под обломков заспанная под общий хохот. А потом, собравшись, мы бежали. И Камка, легкая, бежала впереди нас.

Вытянувшись друг за другом, мы неслись по тропе вверх-вниз, вдыхали холодный воздух, и скоро у нас появлялось общее дыхание, один ритм, один стук сердца. *Дон-дон-донн* – продолжало гудеть в жилах, и мы уже были не мы – молодым и сильным зверем мы были, едины друг с другом и с горой, по спине которой бежали, туманное дыхание которой пили. Внизу на реке умывались до боли холодной водой и бежали обратно к озеру.

Туман расходился, изморозь слетала с травы, когда мы возвращались, и первая заря являлась из-за льдистой горы. Я смотрела девам в глаза – в них были радость и ранний день. А день просыпался, и свет заливал лес, и, переводя дух, в приливе радости я видела: вот все вокруг родилось из пустоты и ночи! Вот явился мир в солнце и красках, и он прекрасен!

До первой пищи учились мы битве, на коротких ли кинжалах, на клевцах или без оружия. Поначалу драться умели плохо. Вместо кинжалов Камка велела нам нарезать игрушки в размер настоящих. Клевцы были тоже не боевые, из двух деревяшек. Такими мы не могли причинить друг другу увечья, только ходили все в синяках.

После первой трапезы стреляли из лука. Хотя это все умели, попасть в цель получалось не сразу. Потом стали учиться стрелять с коня. Поднимались в горы, на продутое ровное место. Туда пригнала Камка свой табун лохматых, низких, крепких лошадок. Ходили они тряско, были упрямы и почти дики, а мы должны были с них стрелять и друг с другом биться. Только Очи, привыкшая к таким конькам, училась быстрее других.

– Воины на хороших конях в бой идут, есть у них и седло, и узда, и полная сбруя, – капризничали девы. – Отчего мы должны обучаться без упряжи и на кормовых лошадях?

– Оттого, что потом ваши кони покажутся вам смирнее верблюда, – отвечала Камка.

Умаявшись за день, приходили мы к шалашам, и после вечерней трапезы Камка задавала работу: из шкуры той маралухи, что нас собой накормила, мы шили обвязки на ноги – мягкая обувь, в которой домашними девочками ушли на ученье, быстро стала негодной. Резали стрелы, растирали муку, творожили молоко кобылиц... Камка же в это время рассказывала, как все устроено в мире. Начиная она так:

– А вот скажите мне, девы, для чего на нас светят Луна и Солнце?

Мы терялись, мычали неуверенно «чтобы путь освещать», «чтобы тепло дарить» и другое, а она молчала, всех выслушивала, только после говорила сама:

– Кроме тепла и света они дарят нам время. Только звери живут, не отличая вчера от сегодня. Человеку так нельзя. Время и память – своя, семьи или рода – вот дары, которыми человек один владеет. Без времени мы бы жили как без памяти, не зная себя, не наблюдая собственной жизни.

– Такого не может быть, чтобы не было времени, – говорили девочки.

– Однажды так было, – отвечала Камка. – Наше Солнце второе. А первое Солнце упало и опалило землю. Настала тьма, лютая зима, люди гибли, скот и зверье гибли, и время остановилось. Времени не стало. И люди потеряли память, всех охватило безумие. В отчаянии бросались они со скал и топились в озерах.

– А потом? – в ужасе вздыхали девы. Позабыв о работе, все склонялись к огню, и тьма обступившей нас ночи казалась тенью той, давнишней тьмы.

– Жила тогда чистая Дева, дочь царя. Ее сердце тоже сжималось от ужаса, но рассудок был тверже, чем у многих. И вот, видя страдания людей, крикнула она, что готова отдать жизнь, лишь бы вернулось на небо Солнце. И вдруг содрогнулась земля, и из ее глубин вышел уродливый черный козел, страшней которого не было никогда. Он был из вечного мрака и мог видеть во тьме. Он посадил Деву себе на спину и двинулся на небо. Стала она Луной и осветила землю.

– А козел?

– Козел обернулся Солнцем, – сказала Камка.

– Вонючий козел – Солнцем? – сморщились девочки.

– Прекрасным оленем с золотыми рогами стал тот козел, – ответила Камка.

– Солнцерогий Олень! – воскликнули девы.

– Так и ходят они с тех пор друг за другом: первым идет Солнце-Олень, указывая путь, а за ним Луна-Дева, – сказала Камка.

Мы выдыхали и отстранялись от огня. Лес тоже как будто вздыхал. Мы поднимали головы и смотрели на звезды.

Глава 3

Суд царя

Мяса, заготовленного Камкой, хватило надолго, а потом она стала отпускать нас на охоту. Лук не давала. Лук был один, с ним стрелять учились. Девы ставили силки на зайца и птицу, однажды кабаржонок попался.

И вот как-то вместо стрельбища отправила Камка на охоту меня и Очи.

Уже все сходили за зверем по разу, и мы понимали, что наш черед близок. Наконец после утренней трапезы достала она силки и протянула нам. Только тут моя Очи глаза потупила, ноздри ширит, на Камку не смотрит и говорит:

– Я сама на всех мясо добыть сумею. Пусть она остается!

Я онемела.

– Вы меня слышали, – спокойно ответила Камка. – Ступайте. К темноте приходите.

– Я охотник, ты знаешь! – повторила Очи с вызовом. – Я на всех мясо добуду, и еще останется!

– Я сейчас не охотника вижу перед собой, а глупую росوماху, – ответила Камка спокойно. Девы засмеялись. Очи вспыхнула, подняла голову – вмиг притихли. – Идите обе, – сказала Камка, и Очи ничего не ответила, развернулась и бросилась бежать со всех ног. Я обомлела, но времени терять было нельзя: силки подхватила – и за ней.

Быстро, как заяц, мчалась Очи, только светлая овчина среди деревьев мелькала. Сначала по знакомым местам бежала, а потом в гору взяла.

– Очи! Куда ты! Стой!

Но она оторваться от меня хотела. Через камни, завалы, буераки повела меня. Я уже мест не узнавала, боялась ее потерять.

Вдруг выскочила к огромному валуну – а ее нет. Ни звука, ни следа. Тишина. Только слышно, как вдали шумит вода, речка камешки ворочает. Я перевела дух, огляделась.

– Очи!

Сверху хрустнуло. Я подняла голову: она сидела на дереве, да ветка под ней оказалась сухая.

– Чего раскричалась? – проворчала Очи недовольно. – Зверье спугнешь.

И смотрит, будто не бегала от меня, а всегда здесь сидела. Я усмехнулась. Она легко прыгнула и пошла вперед.

– Те! Нечего болтать! Пойдем, а то до заката не управимся.

– Ты знаешь, куда идти? – спросила я, снова еле поспевая. Вокруг был бурелом, пришлось продираться, но Очи шла уверенно, перелезая через поваленные деревья и обходя заросли.

– Еще бы не знать! Я здесь с молодых когтей охочусь! И одна! Без помощников!

Я не стала отвечать. Тут деревья поредели, потянуло ветром – и мы вышли на косогор. Перед нами было ущелье, крутое и обрывистое, внизу бежала река, как серебряный поясик Луноликой, а на другой стороне возвышалась новая гора, темная, суровая каменистая осыпь, только кое-где – редкие кедры. Выше и дальше поднимались другие горы, проглядывали ледовые шапки, снежные тучи зарождались над ними.

Ветер ударил, холодный и свежий, и я задохнулась от красоты. Столько дней жили мы в глуши, а тут – воздух и ширь, продутое место. Куда ни кинь взгляд – камни, темная, поздняя зелень кедров. Первый снег белел. И река внизу гудела, пенясь.

– Клянись, что тайну мою не выдашь, – вдруг обернулась ко мне Очи и снизу вверх посмотрела в глаза.

– В чем твоя тайна? – опешила я.

– Нет, клянись!

– Клянусь, что не выдам Очишкиной тайны.

– Червем слепым, скажи, станешь, росомахой ненасытной, жуком навозным, опарышем станешь, если тайну мою кому расскажешь! – И глаза жесткие, если не поклянусь – с горы сбросит.

– Клянусь, – сказала я и косу губами зажала, чтобы не смеяться.

– Нет, повтори.

– Клянусь, что стану жуком навозным, червем, росомахой, если выдам...

– Опарышем, – подсказала Очи.

– Опарышем, если выдам Очишкину тайну.

– Хорошо, – кивнула она. – Тогда отвернись.

– Зачем, я же поклялась?

– Отворачивайся!

Я отвернулась. Слышала только шорох, как будто бы по коре, – а она уже говорит:

– Все!

Я повернулась – она держала в руках большой горит из кожи с резной деревянной накладкой. На накладке вырезаны были звери – барсы, терзающие барана, крашенные красной краской. Из горита торчал пучок стрел и изогнутый лук, и застегнут он был красивой точеной пуговкой.

Очи достала лук – загляденье: из рога горного быка, поблескивал матово. Она его прижала ногой, набросила тетиву – на ветру запел лук, готовый к охоте и битве.

– Это же клад! – восторженно выдохнула я. – Откуда ты знала, что он здесь?

– Это мой. – Очи отвечала как бы невзначай, а глаза светились гордостью. – Мне Камка подарила, он ее был. Боевой, для битвы выгнутый! Но она увидела, что я, как хищник, охотиться стала, и отдала мне. Стрелы я сама приучилась резать, а за этими она в стан ходила – смотри: железные!

– Настоящий друг такой лук. С ним расставаться не захочется.

– Я и не хотела. Камка велела: на посвящение оружие брать нельзя. – Очи вздохнула. – Шеш, наговорились, пойдем. – Она кинула горит на плечо – слишком велик он ей еще был, чтобы на пояс повесить, – и побежала вниз вдоль обрыва.

– Очи! Камка велела силки ставить! Оставь лук! – крикнула я, пустившись следом.

– Те! – Она не обернулась. – Сегодня мы настоящее мясо добудем, а зайцев пусть лисы душат.

– Очи, недоброе ты замыслила! Камка злиться станет. Вдруг лишит посвящения!

– Так ты клялась тайну хранить! – Она остановилась и обернулась.

– Тайну горита смогу сохранить, но о смерти своей дичь расскажет, – сказала я, догнав ее.

– Не расскажет, – тряхнула Очи стриженной головой.

– А как ты рану скроешь?

– Мы ее с утеса кинем, как будто разбилась. А после разделим и мясом принесем. Оно от удара мягким станет, не догадается Камка!

Я не знала, соглашаться ли на такое. Мысль была хитрой, но и Камка хитра. Сердце ныло нехорошим предчувствием. Не хотелось обманывать Камку. За меньшее послушание лишала она посвящения. А что будет, если выгонит? Как жить год? А говорили еще, могла и убить. Бывало, не возвращались дети с посвящения, и никто не мог узнать, что с ними случилось: духи ли забрали, сама ли Камка в Бело-Синее путь указала...

Но Очи разбирал охотничий дух, и горит жег ей плечо.

– Те, ты боишься! – крикнула она. – Так не ходи! Здесь жди.

– Нет. Ушли вдвоем, вдвоем и вернемся. Хоть не лежит к такой охоте сердце, придется идти с тобой.

И мы стали спускаться к реке. Потом, перебравшись на другой берег, пошли у самой воды.

– Я эти места хорошо знаю, – говорила Очи. – Я здесь коз гоняла. Пока по реке идем – говорить можно. Как вверх выйдем – молчи и след в след ступай. Козы чуткие. Услышат – долго не будет их здесь. Сейчас козлы бодаются, а козочки выше стоят. Только надо быть начеку – где козы, там всегда *царь* ходит.

Царь – это барс. Охотники не зовут его иначе. Я внимательно слушала, шагая следом за ней по камням. Потом мы стали забирать направо и выше, карабкаясь по осыпи. Здесь были только камни, ни кустика не росло. Взгляд бежал вверх, не цепляясь ни за что, до вершины отрога, хребты сверху были в снегу, и ветер гнал острую ледяную пыль. Тучи над головами гор сгущались и шли к лесу. Было видно, что там уже сыплет белой крупой и крутит выюга.

– Завтра будет буря, – сказала Очи. – И если надует холода, останется зима в тайге.

Склон был крут и становился все круче. Как змеи, извивались по камням ветви можжевельника, твердые, корявые, где-то живые, где-то уже сухие. Наконец мы преодолели подъем, хребет перешел в покатый склон. То тут, то там попадались мелкие кучерявые кустики, а потом и козьи катышки. Гудели под ветром померзшие дудки травы. Вскрабкавшись, Очи огляделась и вдруг пригнулась почти до земли, махнув мне, чтобы сделала так же.

Тут и я увидела впереди, возле отвесной стены, трех коз. Рожки у них были небольшие, узкие головки на гибких шеях, светлые уши чутко ловили ветер. Спины были серые с черными ремнями по хребту. Они щипали еле заметную на камнях траву, то и дело поднимая головы.

Очи присела, снимая лук. Потом прислушалась и указала на звук. Среди свиста ветра и далекого гула реки я ясно различила грохот скатывающихся камней и удары. Очи показала жестом, что где-то за хребтом бодаются козлы.

Козы были далеко и против ветра. Очи прикинула расстояние, но не достала стрелу. Я поняла, что она пойдет дальше, чтобы стрелять наверняка. Я спросила ее жестом, оставаться ли мне здесь. Она медлила, соображая, потом показала, чтобы я шла выше, огибая склон. «Зачем?» – спросила я кивком. Она показала, что подберется ближе, но, если не удастся убить сразу, раненая коза побежит вверх, и я успею ее поймать.

Мы стали расходиться: я забирала выше, Очи спускалась вниз. Я шла так, чтобы все время видеть самую молодую козу, на которую указала Очи. Я не спускала с нее глаз и пыталась понять, куда она пустится, спасаясь. Чутье подсказало место, где остановиться.

Оттуда было видно, что склон немного прогнут, как блюдо. Коза и Очи были на одном краю, я – на другом. Мне было видно, как целится Очи, и, если б зверь был теперь ранен, он бежал бы к центру, и я, прыгнув вниз, успела бы его поймать.

Я стала проследивать путь для себя и для зверя и вдруг обнаружила, что охотника здесь не два, а три: ниже, еле различимый лунной окраской среди камней, из расселины целился *царь*. Он выслеживал ту же козу, что и мы. Его тело, спокойное в своей силе, недвижимое, казалось мне призраком, тенью, духом горы.

Я оцепенела.

Очи он не видел. И она не видела его. Их разделяла гряда камней, ветер дул обоим в спину. Но я отлично видела его и не могла отвести глаз, хотя знала: сейчас он почует меня, сейчас посмотрит, и с этого мига я, а не коза, стану его жертвой – охотники говорят, кто встретится с барсом взглядом, того он найдет, пусть и через много лет. Но он не поднимал головы: медленно, еле заметно, он двигался по склону, будто перетекала тень между камней. И тут краем глаза я различила, что Очи целит стрелу.

Сердце во мне обмерло: если б она ранила барса, это значило бы смерть не только нам с нею, но и всему люду. Я хотела встать, замахать руками, но не могла: я уже видела себя глазами барса, ощущала свое тело спокойным и сильным, ощущала, что смерть спит у меня на кончиках лап, и почуяла ту нить, что натянулась между зверем и зверем, между *царем* и его

жертвой. Это миг, когда их жизни сплетены воедино. И вот он прыгнул, коза успела сделать два скачка, и они покатались, посыпались камни, бросились спасаться другие козы, а я была барсом, и я была жертвой, я видела, что жизнь едина, что из одного сосуда в другой перетекает она, чтобы не кончиться никогда...

В тот миг я поняла ясно: смерти нет. Вот жизнь одна другою жизнью станет, как на плечах у охотников рисуют вечное вращение хищника и жертвы, – а смерти нет.

– Ал-Аштара! Ал-Аштара! – звала меня Очи через ветер. – Я убила! Одной стрелой убила! Идем, мне не поднять!

Я открыла глаза – ни барса, ни коз. Очи стояла с добычей. Я поднялась на ноги, но оступилась и скатилась по камням. Очи поймала меня.

– Ты живая? – спрашивала она, но я не чувала боли. – Идем, мне не поднять.

Коза была мертва, стрела попала ей в основание шеи, она смогла сделать два прыжка, но Очи сама настигла ее и перерезала горло. Я смотрела на дичь так, будто она была камнем, и не чувала радости. Тяжелое чувство, истоков которого я не знала, поселилось во мне.

Перекачивая, мы дотащили козу до расселины и бросили вниз. Я все оглядывалась, но ни одного следа барса не могла заметить. Был ли *царь*, нет ли? Я не поняла, а сердце молчало, сердце словно притупилось, предошущая беду.

Как куль, упала мертвая туша на камни. Прыгая, мы спустились вниз, и Очи принялась свежевать.

– Хорошо упала, морду разбила, – говорила она довольно. – Камка поверит. Даже если догадается, поверит, козлятины захочет. А мы теплую кинули, все мягкое стало. Те, спишь, Ал-Аштара? Помогай, надо до темноты успеть! Буря идет.

И правда: снег приближался. Ветер рвал воздух, хотя в расселине было пока тихо. Я стала помогать, не чуя на руках жара свежего мяса. Вдвоем мы сняли шкуру, очистили кости, кинули их, а куски мяса и сладкие внутренности уложили в кожу. Взявшись за два конца, как могли, потащили. Вышли из расселины, почти скатились по откосу вниз и поспешили назад.

Шли мы быстро и ближним путем: по реке к лесу, а там, спрятав горит и подобрав силки, Очи повела меня без буреломов. Еще не спустилась тьма, а я уже узнавала деревья, скоро мы были на месте. Девы собирались к огню. Над ним висел котел с водой, но Камки рядом не было.

– Как хорошо! – воскликнула Очи. – Успеем сварить. – И, не отвечая на вопросы, возгласы дев и похвалу нашей охоте, бросилась к огню и стала кидать мясо в воду.

Я опустилась на землю, чувствуя не столько усталость, сколько опустошение. Меня спрашивали, хотели узнать об охоте, я не могла найти слов и сил отвечать. Я слышала только ветер, который нес снег с дальней горы.

Камка упала, как камень с неба. Как коршун, упала на нас, ногой опрокинула котел, вода, шипя, вмиг потушила огонь. Стало темно, девушки закричали от неожиданности и разбежались. Котел откатился, куски мяса остались лежать на земле, точно камни. Камка, грозная, разящая, как война, стояла над кострищем, широко расставив ноги. Я одна осталась сидеть. Только оцепенение, что сковало меня, не дало мне подняться и в ужасе отскочить: я смотрела на нее, как в сновидении смотрят на духа.

Ее первые слова, гневные, громкие, не коснулись моих ушей. Как во сне, видела я, что девы, услышав ее, стали собираться вместе. Страх сбивал их, как овец. Как во сне, видела я, что Очи приблизилась и стала поодаль, вся сжимаясь и отворачиваясь, будто боялась, что Камка пустит в нее свой чекан. И только тогда стала я понимать, что все происходит по нашей вине, двери моих ушей распахнулись, и я услышала слова Камки, обращенные ко мне:

– Видя, что тот, кто поручен твоей власти, готов к преступлению, почему не остановила его? Ты знала, что нельзя совершать такого, но не помешала. Ты не вождь и не воин, и не смеешь больше себя так называть!

Я молчала. Все во мне знало: Камка права. Любые слова стали бы попыткой оправдаться.

– Вождь несет на себе гору, тогда как на всех возложены только камни. Вождь ведает сердцем, к чему приведут поступки. Ты же смолчала. Смерти достоин твой шаг.

Я слышала, как девы ахнули у меня за спиной, во мне же все осталось спокойным. Оглушившее равнодушие отошло, с каждым словом Камки ко мне как будто возвращалась воля.

– Ты неверно судишь! – вскричала вдруг Очи. Голос ее дрожал от гнева. – Это я охотилась, я взяла лук! Я обманула тебя, разве за это можно убить другого? – Не оборачиваясь, я поняла, что ее глаза вскипают слезами обиды. А я-то думала, не умеет плакать моя Очи.

– Ты живешь, как овца, не создающая связи между событиями, – ответила Камка. – Разве не думаешь ты, что каждое задание, как и любой мой запрет, имеют причину?

Очишка молчала.

– Думаешь, ты великий охотник? – продолжала Камка. – Им ты была, теперь забудь. После посвящения ты поняла бы, что раньше ничего не умела. Но нарушать постепенность нельзя. Пока только учишься стрелять, как можешь брать лук на охоту?

– Хорошо же, пусть так! – не унималась Очи. – Но за что винить Ал-Аштара?!

– Твой проступок – отступление от запрета. Царевна же не слово мое нарушила, а призывание упустила. Скажи, Ал-Аштара: ты видела там *царя*?

Если б не ветер, стало б смертельно тихо после этих слов. На миг возникло во мне удивление: откуда она знает? Но я тут же поняла: Камка всегда знает все. И спокойно ответила:

– Да.

– Он напомнить тебе пришел о том, кто ты. Но ты и тогда не остановила Очи. Ты у него жертву отняла. Теперь только он может тебя судить.

Девы молчали, молчала и Очи. Я же пыталась, но все еще не могла вобрать в ум, что говорила мне Камка. Вновь перед внутренним взором увидела *царя*, как он, вцепившись в шею козы, с ней покатился. И тут поняла: хищник не из гордости или злости убивает, он забирает то, что ему предназначено. Единая жизнь всего вокруг, Бело-Синее, что растворено во всем, перетекает в него из жертвы, – так нить жизни продлевается от начала начал. Очи же шла на охоту из гордости. Это не ее была жертва, и нить жизни ее стрелой оборвалась.

– Скажи, что мне сделать? – спросила я тогда Камку.

– Вернись и отдай *царю* его жертву. Если примет, станешь снова вождем. А не примет, себя ему вместо козы отдашь.

Странной радостью наполнилось мое сердце от этих слов. Без промедления я принялась собирать куски мяса в шкуру. Но тут Очи снова крикнула:

– Я с нею пойду!

– Твое наказание будет другое.

– Я пойду с Ал-Аштарой.

Не ответила Камка. Девы тоже решились за меня вступиться: стали говорить, что ночью будет пурга, но Камка будто не слышала. И я не ждала от нее ничего. Собрав мясо, обшарив каждый камень, я завязала шкуру, насадила на прут, и, вдвоем взявшись, мы с Очи отправились в горы.

Снег уже сыпал над лесом. Теперь я шла впереди, Очи будто не поспевала за мной. Мясо казалось тяжелей, или от воды набухло, или это тяжесть наказания легла на нас.

– Аштара! Давай остановимся, – стала звать Очи. Но я спешила и не оборачивалась. – Ал-Аштара, погоди! Буря уже легла на те горы. Мы не взяли с собой ни шкур, ни накидок. Не пойдем сегодня туда, *царь* и тот не сунется сейчас. Надо завтра идти, как уляжется ветер

и снег будет свежий. Я выслежу его и поднесу жертву. А сейчас давай переночуем в лесу, глубже уйдем, я покажу место, мать не найдет.

Но я не дала ей договорить:

– Нет. Все твои слова верны, но я не могу так поступить. Ты оставайся, Очи. Не твоя это доля.

И, подхватив шест, потащила волоком. Но Очи меня догнала, и мы снова пошли вместе.

Наконец вышли к обрыву – и черно-белая мгла предстала пред нами. Сам воздух, казалось, кипел и клубился, ни гор, ни реки не было видно, лишь ветер ревел и хлестал. Тропа, по которой спускались к реке, еле заметная днем, исчезла вовсе. Мы стояли перед обрывом, и вокруг нас была чернота и отсутствие жизни.

– Царевна, повернем! – долетели до меня вновь слова Очи. – Мы только замерзнем и даже дороги не найдем на ту осыпь. Сейчас там не поднимешься, Ал-Аштара!

Я сама понимала, что идти туда – верная смерть. А жизнь моя моей не была – я ее несла на суд *царю* и не могла просто так кинуть в бурю. Еле держась на ветру, пыталась понять, как поступить. Страх, смятения не было. И вдруг мне стало ясно, где сейчас ждет царь.

– Мы не пойдем туда, – сказала я. – Его нет на горе. Там – место охоты.

– Правильно! – обрадовалась Очи. – Он теперь спит в берлоге. И мы пойдем спать. Завтра найдем его по свежему следу.

– Нет, мы *сейчас* должны вернуть жертву. Я знаю, куда идти.

А я и правда твердо это знала. Потому не вниз стала спускаться, а пошла вверх, вдоль по обрыву. Очи – за мной. Хоть ни разу не была в этих местах, я словно внутренним взором видела, куда направляться.

Мы поднялись на каменистую плешь – пустое широкое место. Каменный язык спускался с горы, и снег заметал острые валуны. Через бурю я различала отвесные утесы. Они стояли поодаль, неприступные, как стены, за которыми начинается чертог Бело-Синего, и каменный язык вытекал между ними.

– Нам туда! – махнула я вперед и хотела идти быстрее, потому что радостью застучало сердце. Но Очи вдруг бросила шест:

– Нет! Нет, Аштара, туда нельзя! Камка говорила, здесь вход в мир алчных духов. Я туда не пойду, и ты не ходи.

– Но *царь* зовет меня!

– Это верная смерть! Духи тебя манят!

– Почему? Почему так решила Камка? – Я была в отчаянии: всего шаг отделял меня от искупления, а мне не давали его совершить.

– Она знает: здесь тропа в нижний мир.

Страх остановил нас. Я проследила вновь каменную дорогу, заносимую снегом. Как стражи, стояли утесы. Но духов я не видела, только снег и ветер.

– Я пойду, Очи, – сказала я твердо. – Если *царь* зовет меня в нижний мир, пусть будет так. Тебе же опять говорю: возвращайся.

И пошла, волоча мешок с мясом. Очи, ничего не сказав, догнала меня снова.

Наш путь был неблизок. Утесы оказались могучими горами. Долго, мучительно долго мы шли по камням, падая от ветра и снега, а они все нарастали и нарастали. И вот, подойдя к ним вплотную, мы оказались как бы перед границей: между скалами не задувал ветер, и камни лежали черные, без снега, словно мы стояли у входа в пещеру. Я застыла, не зная, идти ли дальше. «*Царь* ходит, не оставляя следов», – вспомнилось присловье охотников. Значит, для него это место: даже зимой он здесь следов не оставит. Подумав так, я хотела уже сделать шаг, но вдруг ко мне подскочила Очи, схватила за локоть и дико крикнула:

– Слышишь?

Из темноты, нарастая, вдруг пошел жуткий гул. Низкий, рокочущий, он начинался тихо, но рождал ужас, от него камни принимались дрожать и двигаться, потом становился все громче, поднимался и рос, после уже и свистел, и визжал, и словно бы хохотал над нами... Мы переглянулись: духов по-прежнему не видели, но кто еще мог издать эти звуки?

– Хорошо, – кивнула я, – буду звать *царя* отсюда.

И стала разворачивать шкуру. Она промерзла, мясо слиплось. Я откалывала куски ножом. Потом, разложив на камнях, взяла голову козы и пошла с ней в проход.

– *Царь!* – крикнула я что было мочи, чтобы перекрыть ветер. – *Царь*, это я! Я пришла вернуть тебе твою добычу! Чтобы нить жизни не обрывалась! Я осознала ошибку, *царь!* Приди и суди меня!

И кинула козью голову. Ветер унес звук удара, и я не увидела, куда она упала. Подождала, но никакого знака не давали ни духи, ни *царь*. Тогда вернулась и стала кидать в проход куски мяса, пока не раскидала все. Потом снова стала слушать и ждать.

– Он молчит, Ал-Аштара? – спросила Очи, подойдя ко мне очень близко, почти прижавшись. Она уже вся промерзла, тряслась, как в припадке.

– Я не слышу ответа, – сказала.

– А если он придет и убьет тебя?

– Это будет его суд, Очи. Но кто буду я, если не верну долю? Смерть лучше.

Тут опять загудело и загрохотало, словно из чрева горы, и Очи вцепилась мне в руку.

– Это не *царь*, – сказала я спокойно. – *Царь* молчит и ходит неслышно. *Царь* – это тень смерти. Нам нечего бояться: это поет хозяин гор, ээ-торзы, сидя на своем престоле. Он посылает зиму.

– Те! Как-то страшно поет, – через силу усмехнулась Очи. Эхо стихло, и она сказала: – Давай ждать под шкурой. *Царь* найдет тебя, если захочет, а мы согреемся. Давай меж камней натянем и сядем, как в шалаше.

Подумав, я согласилась. Мы отошли к скале. Натаскав камней, сложили их и накрылись шкурой. Устроившись, отдышались и прислушались. Вокруг была тьма, хоть открывай глаза, хоть нет. Шкура быстро задубела. Мы надышали под ней, стало теплей, и кожа на лице принялась гореть.

Так мы сидели – и время как будто отступило. Я вдруг стала странно себя ощущать. Сидела без движения, подогнув ноги и обняв их руками. Но тело мое будто от меня отделилось, окаменев, а сама я, вытянувшись, как дым, заструилась во тьме. Так удивительно и непонятно то было. Я пыталась почувствовать предметы вокруг: и камни, и шкуру, и свое тело, и Очи. Но не чуяла: такие же дымные сути, и я могла в них раствориться. Где же тогда я? – подумала и сразу ощутила себя сидящей, согнувшись, ногою касаясь руки Очи.

– Ты спишь? – позвала я ее.

– Нет. Я боюсь спать: вдруг провалюсь в нижний мир?

– Не бойся. – Я нащупала ее руку и сжала ладонь.

Мы замолчали. Потом Очи снова спросила:

– А как ты думаешь, что там – в нижнем мире?

– Вода и корни. Еще грибы.

– Да, а еще черви, кроты и землеройки, – фыркнула она. – То под землей! А я о мире, где живут алчные духи. Камка говорила, чтоб не совала носа туда, пока сильной не стану. Пока не обучусь. Но мне хоть и страшно, а манит туда. Как думаешь, – спросила она, – если человека закопать в землю, он попадет в нижний мир?

– Шеш, что говоришь! Разве можно зарыть человека? Он не проживет без света.

– Да, в нижнем мире нет света. Но быть может, там могут жить мертвые? Может, это тот мир, что после смерти?

– Камка бы тебя услышала! Откуда только ты это взяла? После смерти мы пойдем на вышние пастбища, к Бело-Синему, в нем растворимся. Об этом все знают.

Она замолчала, ничего не ответив. Мы посидели еще, но времени не было, как той ночью, когда упало Солнце. Потом снова тихонько стала Очи меня звать:

– Аштара, ты заснула? Помнишь, как мы впервые с тобой повстречались?

– Я столько раз тебе говорила.

– Все забываю. Расскажи.

– Это было на праздник весны. После торжеств я пошла в лес и встретила тебя.

– Это было на Темном озере, да? Там, где трухлявая колода?

– Значит, помнишь.

– Нет, я плохо помню, как будто во сне.

– Там, когда стает снег, от коряги идет тепло. Туда сползаются змеи греться. И я, придя, увидела существо, обвитое змеями, хотя обликом было человек. Я решила, что это дух, и сказала: «Здравствуй, сестра».

– Почему ты так сказала?

– Чтобы задобрить духа. А почему ты сидела со змеями?

– Я не помню. Помню, что убежала из стана и пришла туда. А что было в тот день?

В тот день был праздник весны. Разложили большой костер, зарезали белую телку мохнатого яка, шкурой ее накрыли камень для подношений Луне. Потом вывели пленников. На праздник весны мы их всегда отпускаем, кто хочет, может уйти, а кто прижился – остаться. Но сначала они должны себя показать.

Тогда были пленники после похода вниз по Пенной реке. Люди, жившие там, рыли себе землянки, как лисы, а скот держали в загонах, сколоченных из шестов. Я помню их хорошо, хотя больше таких не приводили воины – говорили, их народ снялся и куда-то ушел. Обликом они были схожи с темными, но глаза круглые, а не раскосые, носы небольшие, а лица плоские и волосы светлые, как мучные. Женщины носили монисто из бронзовых круглых пластин в несколько нитей. Их клали на грудь, одну пониже другой, так что вся она сияла от чищенной бронзы. И пели они высокими голосами, сильно и резко, поворачиваясь и приседая, чтобы монисто звенело. Их было пятеро. Отец отпустил всех, но ушли только трое: самых молодых взяли в жены.

Но еще один пленник в то время жил у нас: сын царя степского народа. Уже несколько лет он жил в нашем доме, его отец взял в бою и держал, чтобы степские на нас не напали. Я мала была, мамушка меня к братьям редко пускала, и я плохо помню того мальчика.

Его звали Атсур – речной конь на языке степских. Отец учил его нашим словам, нашей жизни и *нашим* хотел сделать. Зачем, думаю я теперь, если все наперед поведала ему мудрая Камка и он знал, какую беду принесет царевич нашему народу? Или обмануть хотел Бело-Синего? Только волку собакою не обернуться: не захотел Атсур проходить у нас посвящение и стал проситься в степь. И на праздник отец обещал дать ему свободу, если отпустит сам *царь*.

В тот год охотники поймали в горах молодого барса. Он попал в ловушку на барана: прыгнул в яму, поранился о колья, хорошо – жив остался. Охотники привели его в стан. Всю зиму он прожил у нас, ему склотили клеть и через дырку кормили мясом. Это был третий пленник, которого на праздник собирались отпустить.

И сделали так: связали прочную клетку, большую, просторную, и пустили туда *царя* и степского пленника. Суд *царя* – самый верный, это у нас всегда знали.

Драться с *царем* степскому царевичу было нельзя. Барс сам решить должен был, что с ним делать: если б не тронул, отпустили бы обоих. Но пленник испугался. Я видела это и помню: *царь*, увидев людей, отошел в угол клетки, но тут Атсур вытащил нож и напал на него.

Люди закричали. Если б царевич убил барса, мы все были бы прокляты. А *царь*, прижав уши, зарычал и прыгнул. Царевич потерял нож и упал, и барс, верно, загрыз бы его, – но вдруг отошел и не стал убивать.

Я помню его холодный, злой взгляд, как шлепал он хвостом, забившись снова в глубь клетки. И какая-то женщина рядом сказала: все равно степской теперь не жилец, найдет его *царь*, где бы он ни был.

Отец тут же велел открыть клетку, и барс убежал в горы. У пленника кровь текла из раны на плече. Отец сказал ему, что суд *царя* – верный, и отпустил Атсура. Царевич взял коня и ушел в степь.

– Я помню, Ал-Аштара, – сказала вдруг Очи. – Я тоже была там и видела тот бой. Но я так ненавидела его тогда, что заплакала, когда барс пленника не убил.

– Отчего?

– Он был достоин смерти! Мне было так дурно, я думала, что умираю. Я убежала из стана и отправилась к Черному озеру. Я хотела, чтобы змеи укусили меня.

– Как странно, Очи, – сказала я. – А вот сейчас я на суде у *царя*, как когда-то Атсур.

– Мне кажется, мы уже знаем его решение, – сказала на это Очи, помолчав и послушав ветер за стенами шалаша. Я не ответила: ночь еще не завершилась.

Мы скоро заснули, хотя мне казалось, что я так и не закрывала глаз. Когда же проснулись, свет мутно пробивался сквозь щели в камнях, ветер по-прежнему выл. Лицо Очи я различала в полутьме – она спала.

Тело мое за ночь стало как камень. Пахло козой и сырым мясом – шкура согрелась и взмокла. Я встала, подняла ее – сверху намело снега, мы сидели как будто в берлоге.

Солнце ослепило глаза, но воздух жег кожу морозом. Ветер все дул, но буран прекратился, снега навалило за ночь выше колена. Только проход меж двух скал оставался чист. Снег лежал на уступах, белые облака, как дым, висели над их вершинами. Прозрачная голубизна была столь высока, столь чиста, что мне от восторга захотелось плакать.

Скрипя снегом, двинулась я вперед. Дойдя до бесснежных камней, остановилась и крикнула в ущелье:

– *Царь*! Я все еще здесь и жду твоего суда! Принял ли ты мою жертву?

Эхо унесло слова. Ответа не было, и я пошла искать мясо. Я шла и смотрела между камней, но не находила ни кусков, ни головы. Тут сзади меня окликнула Очи. Она показалась мне крохотной возле нашего шалаша, у ног великана-скалы. Я обрадовалась ей, будто не видалась давно, и замахала руками.

– Нашла? – кричала она.

– Нет!

– Он принял, царевна! Он принял жертву! – Она начала прыгать, и визжать, и смеяться. – Он принял, принял, принял ее! – вопила она и стала валяться в снегу, потом схватила ком и кинула в меня. Он не долетел, но я засмеялась, побежала обратно, и мы долго, хохоча, кидали друг в друга снежки. Потом я упала, она бухнулась рядом, и мы лежали, шумно дыша, и смотрели в бело-синюю высь.

– Почему мы не отражаемся? – спросила Очи. – Было бы так хорошо, если бы отражались.

– Смешная: мы бы сейчас лежали и сами на себя глядели. А все вокруг знали бы, что мы делаем – отражение издалека было бы видно.

– Да, но и мы бы всех видели. И крикнули бы Камке: ты видишь, он принял жертву!

– Она уже знает.

– Да, она именно так, через высь, на все смотрит. Она сама говорила. И я стану камкой, тоже научусь.

Мы лежали еще и представляли, как высь отражала бы все-все на земле, и мы могли бы видеть: вот мой отец седлает коня и едет в соседские станы, вот наши девы разводят огонь, вот в силки попался заяц и бьется, а вот охотник едет проверять эти силки... Потом, намечтавшись, взяли шкуру и отправились к озеру.

На сердце было хорошо и легко. Снежный лес сверкал, и мы обновляли тропу. Так и дошли до озера, и девы радостными криками встречали нас точно с боя.

Они боролись, но остановились и бросились к нам. Они и рады были, и не верили, что мы живы, даже трогали нас. Только Камка не двинулась с места, сидела у костра, вырезая ножом по деревянной заготовке. Мы с Очи подошли к ней.

– *Царь* принял жертву, – сказала я. – Всю ночь я ждала его у входа на тропу духов, но он взял мясо, а к нам не пришел.

Камка кивнула и продолжала работу. Завершив узор, она подняла на меня глаза и сказала:

– Ты вернула себе долю. Теперь ты дважды рожденный воин.

Радостью наполнилось мое сердце. Я хотела даже обнять Камку, но, конечно, не двинулась с места.

– Ты тоже родилась нынче второй раз, – обернулась она к Очи. – Но твое наказание другое. Вот, возьми и сожги, – сказала она и протянула ей красный горит с луком и стрелами. – Ты недостойна такого оружия.

Сердце упало у меня в груди. Со страхом я посмотрела на Очи. Она же будто не верила, но Камка молчала. Тогда, бледная и одеревеневшая, она взяла горит и неуклюже шагнула к костру.

Я не верила, что она сделает это. Очи, как замороженная, медленно достала все стрелы, по одной стала ломать и кидать в огонь. Как простой хворост принимал их костер. Лицо Очи было каменным.

Закончив со стрелами, она вынула лук, сломала о колено деревянную накладку горита и положила в огонь. Он охнул, но скоро стал пробираться наверх, прогрызая тонкую кожу и слизывая войлок, как снег.

Тогда, прижав к земле, Очи натянула на лук тетиву, достала нож и перерезала ее одним ударом. Звонко вскрикнула тетива. Только тогда Очи замерла, поняв наконец, что она делает, и не решаясь положить в огонь этот прекрасный, на солнце играющий, гнутый лук. Как на погибшего воина прежде, чем возложить на поминальный костер, смотрела она. Потом положила его меж двух камней и наступила, пытаясь сломать. Но он только прогнулся круче. Еще и еще пыталась Очи преломить, но не выходило. Тогда гневом зашлось ее сердце: схватив нож, принялась она терзать крутые его бока, колоть, царапать... Выплеснув гнев, швырнула поверженный лук в костер, отвернулась и отошла.

– Девы, возвращайтесь в пары, – сказала Камка, и все, как напоенные дурманом отваром, оторвались от зрелища, медленно стали возвращаться к занятиям. – И вы становитесь со всеми, – велела она нам.

Мы повиновались и молча бились друг с другом. Я все пыталась взглянуть в глаза Очишке. Но они оставались холодны, как и полагается воину в битве.

Глава 4

Гадание

После нескольких бурь установилась зима. Озеро замерзло, по утрам уже нельзя было бегать, такой глубокий выпал снег. Но Камка по-прежнему будила нас в темноте, после разных занятий, сбросив сон и согрев тела, мы занимались боем.

Так прошли две луны. Как молодые волки мы были: чем больше сил прибывало, тем больше были в движении. Девы стали стрелять с коней так же метко, как пешими. Но у костра все чаще говорили о доме, мечтали, как заживут взрослой жизнью. Иные замуж уже готовы были идти, другие о родителях вспоминали. Камка эти разговоры не пресекала, только сказала однажды:

– Воин о жизни не думает. Воин всегда помнит о смерти. Лишь в этом его сила.

Девы замолчали, а потом тихо зароптали между собой. Не хотелось им думать о смерти. Камка понимала это и не стала больше ничего говорить.

Уже ночь стояла. Небо было звездным, ледяные вершины гор светились, и белая ровная гладь озера светились тоже. Мы не готовили, но Камка еще держала над огнем котел с кипящей водой и то и дело подкидывала туда какие-то травы. Еле заметный их запах долетал до нас, но я не узнавала его: ни о еде, ни о духах он мне не говорил.

А когда стали девы собираться ко сну, Камка остановила их, вылила в котел с отваром сосуд молока и сказала:

– Ваше время здесь подходит к концу. Пусть вещий сон вам сегодня приснится. Кто о чем мечтает, кто куда жизнь свою повернет – пусть то и увидит.

Юные девы любят гадания. Вот и решили, что получают от Камки самое верное предсказание на всю жизнь. Обрадовались, расселись поближе к огню. Молоко закипело, разлила его Камка по чашам и раздала нам.

Пили потихоньку. Молоко было зеленоватого цвета. Вкус его оказался сладковатым, хотя оставлял горчинку. Хотелось пить его долго и медленно, прикрывая глаза и наслаждаясь, мечтавая о чем-то приятном, неясном. Мир и тепло поселились в нас, так хорошо стало, что и не сказать. В сон не клонило, хотелось сидеть всю ночь, и девы все казались прекрасными, верными друзьями. Что за травы варила тогда Камка, я и сейчас не знаю. Такое чувство единства со всеми я испытывала потом только в бою.

Тут свистнуло и брызнуло снегом – стрела ввинтилась в сугроб у ноги одной девы. Мы и не поняли, что случилось. Камка первой вскочила и принялась озираться.

– Оро, оро, оро, – затвердила тревожно, и мы тоже закрутили головами. – Оро, девы!

Еще одна стрела, с другой стороны, вонзилась возле Согдай, та вскрикнула, словно заяц, и отскочила.

– Оружие! Нас окружили! – крикнула Камка и молнией отлетела на край поляны, стала доставать боевые гориты из скрытого в земле тайника и кидать нам. Я повесила на пояс горит и выхватила лук – он оказался не натянут, но с ним я уже ощущала себя воином. Стрелы свистали вокруг, кто-то из дев кричал, раненый. Прижав к земле, я натянула лук, выхватила стрелу и стала целиться в лес – но никого меж деревьями не было видно.

– Оро, оро! – ободряла Камка, и я, оглянувшись, увидела, что все девы ощерились стрелами. – Айия! – крикнула Камка сигнал нападения. Я выстрелила, не целясь.

И тут сплошной черной волной двинулись на нас враги – мне показалось, звери вышли из леса. Со всех сторон, черные, огромные, как медведи, стрелы летели дождем, мы оказались оцеплены, как олени, и двигаться надо было без остановки, и стрелять. Но я быстро поняла, что целят они не на смерть, значит, не бить нас пришли, а захватить в плен.

Гневом всколыхнулось мое сердце. В огромных фигурах увидела я мужчин, облаченных в шкуры. Верно, прознали, что стоят здесь одни девы, и пришли захватить нас себе на утеху. Но для воина лучше смерть! И я закричала и выстрелила в грудь мужчины, который подошел ближе всех.

Он остановился и упал на колени, прогнувшись назад. Ни звука не издал, но все вокруг закричали. Я поняла: теперь нам не будет пощады – и кинулась на врагов.

У них оказались длинные и широкие мечи. Лиц не видно – их скрывали пасти медвежьих шкур. Но я только рада была, что не могу посмотреть им в глаза.

Впервые я тогда видела, как разит клевец, как пьет он кровь и жизнь из тел выпускает. Это меня опьянило. Я билась, не помня себя, и только, оглянувшись, понимала: мы все еще в окружении. Иногда кричали и выли от боли девы, но даже раненные продолжали биться. Были убитые, но врагов будто не становилось меньше: хоть и полегло их немало, а из леса прибывали новые. Камка, точно дух войны, носилась меж нами, разила медведеподобных и верещала как рысь:

– Айия! Айия!

Но вдруг, вонзив острую рукоятку клевца в грудь одного мужа, она выхватила его меч и двумя руками стала прорубать себе дорогу прочь из кольца. От ее ярости враги расступились, а она крикнула, устремляясь в лес:

– Очи! За мной!

Та юркой лаской успела проскочить прежде, чем сомкнулось кольцо. Я видела, как кто-то хотел преследовать их, но Очи, обернувшись, одной стрелой его остановила. И они скрылись в лесу.

Бой продолжался, но как не стало рядом Камки, боевой дух у дев сник. И я сама стала кричать, к войне призывая: «Айия-а, девы! Айия!»

И вдруг конский топот и крик Камки раздался из леса, и низкорослый табун выскочил на поляну. Вместе с Очи они мчались на передних коньках и стреляли по три стрелы кряду. Казалось, лавина новых воинов катится с гор. Враги обернулись, дрогнули и расступились. Мы вскакивали верхом и мчались в погоню. Так прогнали их до самой реки, но дальше не стали, остановились на берегу и криками, смехом и бранью провожали огромные косматые фигуры, пока те перебирались по льду и вязли в сугробах, скрываясь в лесу.

Разгоряченные, мы вернулись к костру, громко обсуждая битву и смеясь над бегством мужчин. Из нас пятеро дев было убито, трое (среди них моя Ак-Дирь) получили тяжелые раны и лежали в бесспамятстве. Другие же были только с ударами и порезами, но от радостной лихорадки не замечали того. Мы стащили тела врагов в кучу, дев же сложили у костра. Отдавать их огню следовало в станах, чтобы родные могли с ними проститься. Но эти мысли не омрачили нас, и, не чуя усталости, мы продолжали сидеть у огня, обсуждая битву.

Но вдруг кто-то закричал истошно:

– Ааа! Девы! Девы! Откуда у нас эти луки? Откуда боевые клевцы? Чем мы сражались?

Этот крик был ужасней для нас, чем вопли во время битвы. Как по тревоге мы вскочили. Кто-то к чеканам потянулся – деревянные поделки висели на бедрах, кто-то кинулся к лукам – там лежали кучей палки и сучья. Безумие охватило дев, в ужасе бросились мы к врагам – черные речные валуны валялись горою. Лишь холодные, заиндевелые уже трупы дев и горячечные тела раненых говорили о том, что битва и правда случилась.

– Камка! Камка! – завопили девы. – Что это?!

А она сидела у огня и хохотала. Сначала беззвучно, потом, чем больше на нее наседали с вопросом, принялась смеяться в голос, и мы замолчали наконец, вовсе опешив.

– Говорила я, девы: будет вам сегодня гадание в подарок. Окончено ваше учение, сами себе нагадали, кому каким воином быть, – ответила наконец Камка, когда просмеялась и села, стирая с глаз слезы.

– Но наши подруги погибли! – крикнул кто-то.

– Нет, они грезят сейчас, как и вы. Один вы видите сон, во сне они пали в бою. Это о том говорит, какими быть им воинами. Или лучше в доме засесть и рожать сыновей.

Девы молчали, не зная, как в это поверить. Я смотрела на бледные, стылые лица мертвых – пошел редкий снег, и снежинки не таяли у них на щеках, – и не могла поверить, что они оживут, встанут, опять начнут говорить... Смерть такой явной была – как и все, что в ту ночь случилось. И тогда, осознав это, я села на землю и начала хохотать. И над тем, что случилось, и над мыслями о будущей жизни – над всем. В тот момент так зыбко все было в моем сердце. Девы не понимали, над чем я так тяжело смеюсь.

Когда же поднялись павшие, а раненые не нашли на себе ран, Камка сказала, что спать нам ложиться уже не время, что сегодня будет баня. Пока жили на посвящении, мы не чистились, только набивали волосы золой от насекомых. И все поняли: раз хочет Камка устроить баню, кончается у нее наше время.

Еще во тьме мы спустились к реке. Утоптали снег, сломили тонких деревьев, составили и покрыли войлоками. Развели костер, стали носить голыши с реки и греть в огне. Одну деву посадила Камка растирать кору кедра, другую – скорлупу кедровых орехов, а сама сложила разные травы и, добавляя пчелиного меда, стала все это толочь.

Так не заметили мы, как наступил день. Тогда Камка велела нам раздеться донага. Расстелила на снегу войлок, насыпала золы из старого кострища и рубленой благовонной хвои, и мы стали складывать свою одежду. Складывали и пересыпали то морозным снегом, то вновь золою и душистыми травами.

Нагие и босые, мы стояли на снегу и дрожали всем телом, отводя друг от друга глаза и тела прикрывая. Камка глянула на нас и рассмеялась:

– Что жметесь, воины? Или думаете, сила ваша в одежде? Те! Разотрите друг дружку снегом, вмиг согреетесь!

И прыгнула к нам со смехом, стала кидаться снегом, тереть спины и грудь. И все мы смеялись и верещали, бегая по берегу.

Раскрасневшихся, Камка впустила нас в шатер. В центре на треноге висел котел с горячими камнями. На них стали лить воду и бросать травы и семена. Пошел густой, благовонный пар. После мороза и снега все тело ожгло, а потом бросило в пот, и тут же меня разморило.

Как из дремы смотрела я на Камку. Она же, стоя на коленях перед котлом, в большой широкой ступке продолжала растирать мазь, то бросая на горячие камни щепотку травы, то плеская воды, тихо при этом напевая.

– Посмотрите, девы, – заговорила потом нараспев, – посмотрите, как изменились вы. Девочками неразумными пришли сюда. Воинами уходите. Посмотрите на себя и запомните. Время это не повторится. Девочками сюда вы вошли – взрослыми выйдите. Посмотрите же на себя, девы.

Так же протяжно, напевно стала она поучать, как жить в стане, как выбрать оружие и коня, как мужа приветить, как готовиться к материнству. Не останавливая рассказ, раздавала мазь. Ею натерли мягкую, распаренную кожу с пяток до лба. Я ощутила жар, будто упала в крапиву, он через кожу проникал в тело, пробирая до внутренностей.

Я оборачивалась на дев, но все будто спали и плыли в тумане видений. Одна Камка ходила, то напевая, то что-то бормоча, словно ее не брал жар.

И вдруг я с изумлением заметила, что вижу ее не одну, а будто три женщины соединились в ней. Одна была дряхлой старухой. Ноги ее подгибались, смуглая кожа обвисла на тощих и страшных ляжках, груди болтались, как мокрые тряпки, волосы на голове – пепельные и клочками, остальные повывлезли, – голое сморщенное тело. Словно дерево, костлява, все сочлене-

ния торчали узловато и жутко. Но было в ней что-то такое, что не отпугивало, а завораживало, не отталкивало, а внушало уважение.

Другая была женщина прекрасная, закаленная в битвах: сильные ноги, одинаково привыкшие быть и на коне, и в беге, сильные руки, способные поднять и откинуть врага. Третья же была еще дева, тонка и худа. Стройны были ее ноги, груди – малы и остры, плечи, шея и стан худы, красивы и гибки. Как рысь, чутка и нежна. И как другие две женщины, прекрасна.

Все три образа сливались, один уживался в другом. И меня в тот миг это словно не удивило. Помню, подумала я, что этих трех женщин любая из нас носит в себе, но одна лишь Камка настолько гибка, что может в себе одной соединить: мудрость первой, силу второй, юность и притягательность третьей.

Несколько раз она выходила наружу, приносила котел с горячими камнями, и опять шатер наполнялся жаром. Плоскими скребками мы сняли остатки мази вместе с грязью, потом волосы мыли растертыми семенами горчицы с сывороткой.

Наконец Камка сказала:

– Теперь вон из шатра.

И принялась выгонять нас. Девы смеялись, выпрыгивая на снег, визжали. А Камка не останавливалась и гнала нас к реке, велела лечь в воду всем телом. Обжигающая вода крутилась меж острых ледяных краев. Сердце ухнуло, как легла я распаренным телом, все мышцы тут же подтянулись, и меня выкинуло на берег. Там, стоя на снегу и задыхаясь от восторга, я подняла голову к мутнеющему уже вечернему небу. Слезы стояли в глазах, и свет звезд дрогнул.

Потом мы надели одежду, освеженную, благоухающую. Радостны были девы, переговаривались и смеялись, ожидая новых велений Камки. Но та, сама одевшись, сказала:

– Все, от меня вы теперь свободны. Идите в станы да рассказывайте матерям, как нещадно колотила вас Камка на посвящении. Духи у вас есть, отныне они будут подсказывать вам в жизни. Я же все для вас сделала. – Так сказала, а потом ко мне обернулась: – Только ты, Ал-Аштара, и твои девы останутся. Ваше перерождение не закончилось.

Оторопев, девы стояли и смотрели на Камку. Никто не ждал, что так быстро все кончится.

– Вот овцы! – с досадой поморщилась Камка. – Чего застыли? Идите к родным очагам! – и махнула рукой. Те не тронулись с места. – Или оглохли? Прочь! – крикнула она и прибавила брани. Девы медленно потянулись вниз с горы, стали перепрыгивать через реку.

Мы стояли на берегу и смотрели им вслед – я, Очи, Согдай, Ак-Дирьи и Ильдаза, – и если бы не шатер, чаны и войлоки на снегу, ничто бы не говорило, что мы расстались миг назад: они уже начинали новую жизнь, а мы продолжали к ней готовиться.

Камка привела из леса конька и грубо окликнула нас, велел собираться. Мы повиновались, а когда обернулись, никого уже не было на другом берегу.

Глава 5

Личины

В ту же ночь, не дав нам отдохнуть, Камка собрала вещи, скрыла старое кострище и следы от шалашей, чтобы ничего не говорило посторонним, что здесь жили на посвящении девочки, собрала табун и, выстроив нас кочевым порядком, повела выше в горы.

Пять дней продолжался поход. Был он тяжелым: даже ночами Камка не позволяла нам остановиться и отдохнуть, лишь делали передышки и ехали дальше. Одинаково плеткой получали от Камки и кони, и мы, стоило замедлить шаг.

Первую ночь я запомнила крепко: мы шли по высокому хребту, ветра не было, от снега казалось светло. Я смотрела в спины коней, в пустоту, простор и темные горы, и кочевой дух во мне поднимался, даже усталости не чувала. Густой белый пар выходил с дыханием, густой белый пар тяжело шел от хмурых лошадей. Яркие звезды дрожали на морозе. Бледная небесная коновязь, Северная звезда – верхняя спинка малой небесной повозки¹ – стояла перед нами, и мы шли в полудреме, лишь ее различая через прикрытые веки. Как мудро, думалось мне, сотворил Бело-Синий: сколько более ярких звезд на темном своде, но ни одна не стоит на месте, лишь эта не дает сбиться с пути.

Несколько перевалов преодолели мы, однажды застала нас буря, один раз волки разогнали табун. Коней мы собрали, трех волков настигли Камкины стрелы. На пятый день стали спускаться в небольшую долину. Сверху она казалась вытянутой, точно молодой месяц. На дне лежало озеро, укрытое снегом. По горам, покато ее охранявшим, рос лес, а берега были голы.

Когда же стали спускаться, я поняла: мы шли вдоль реки. Незамерзшие перекаты глухо шумели где-то поодаль, русло лежало в долине, а голые берега были поймой этой реки. Весной разливалась она широко, зимой же лишь небольшую дорогу сохраняла в камнях.

Мы остановились, до нее не дойдя. Долина была тихой и снежной. Меня удивило, что Камка решила здесь отдыхать: как кони станут искать себе корм? Но она велела нам спать и не заботиться ни о чем. Мы спешили, развели огонь, разложили войлоки и, только укрылись, сразу уснули.

Проснулись следующим утром. Костер не горел, но на солнце было тепло. Коней рядом не было. Мы встрепнулись: думали, снова волки, – но тут показалась Камка и успокоила: сказала, что отогнала табун выше, на пастбище, и чтобы мы не думали о том.

– Дальше не пойдем? – спросила ее Ак-Дирьи. – Может, сложим себе шалаши?

– Дальше вы не пойдете, – кивнула Камка. – Но строить ничего не будете. Вы пришли сюда посвятить себя Луноликой. Доверьтесь ей, она возьмет на себя заботу о вас.

Больше ничего не сказала, села выделывать мерзлые волчьи шкуры.

Мы провели время в праздности. Выделывали шкуры, варили похлебку, ели. День был безветренным и не морозным, мы отдыхали после тяжелого перехода.

Стемнело, вышел узкий растущий месяц. Камка, вдруг все отложив, потушила костер и села прямо на снег, закрыв глаза и как будто прислушиваясь. Мы смотрели на нее в растерянности. Лес был тих, как всегда в первые часы ночи.

– Слушайте, девы, – сказала Камка. – Лунолика сейчас позовет.

Я вслушивалась так, будто от этого зависела моя жизнь. Но ничего не происходило. Только ночные птицы стали летать на мягких крыльях.

¹ Кохаб в созвездии Малой Медведицы была в то время Полярной звездой.

Так мы сидели долго, от напряжения не ощущая холода, но никаких звуков не было. И вдруг поняли, что Камки рядом нет.

Заметив это, мы вскочили, встревоженные, стали оглядываться. Месяц висел невысоко, в подлеске было темно, но мы различили, что следов ее нет. Много дневных следов вокруг, но свежих – нет. Да и как ушла по снегу неслышно?

Тут впервые раздался голос ночной птицы – и мы, не сговариваясь, пустились на этот звук. Он повторился в стороне, и мы повернули. Третий раз чуть подальше. Так уходили мы выше в гору, пока не достигли отвесной скалы. Неширокая тропа шла вверх и выглядела так, будто кто-то вырубил ее в камне. Не раздумывая, мы полезли, цепляясь, чтоб не сорваться: она обледенела и была покрыта снегом, ни зверь, ни человек давно не ходили здесь.

С огромным усилием давался каждый шаг, мы поднимались все выше над лесом, как вдруг услышали невероятное: удары в бубен, звон погремушек, мелодичные песни флейт. Очишка шла первой и замерла, своим ушам не поверив.

– Люди! – сказала она шепотом.

Мы переглянулись и двинулись дальше. Наконец, вышли на плечи скалы, но звуки были поодаль. Медленно стали красться вперед и увидели отблеск костра, идущий будто из-под обрыва. Очи присела и махнула рукой, чтобы мы сделали так же. Подобрались к краю и глянули вниз.

Перед нами был обширный, совсем лысый каменистый уступ. Попасть на него можно было только с того места, где мы затаились. Внизу горел костер и веселились пятеро женщин. Впрочем, были ли это женщины, мы точно не знали: на плечах их лежали звериные шкуры, на лицах были маски, волос не видно, и лишь по высоким голосам можно было распознать молодых дев.

К их одежде были привязаны бубенцы, звеневшие при каждом движении. Двое держали бубны, третья – флейту, на ней она выводила мелодии, остальные гремели коровьими копытами, дули в рожки. Инструменты все были, как делают в наших станах, но одежды, крики и танцы вокруг огня были нам дики и странны. Кто это, и откуда явились здесь? В оторопи наблюдали мы и не знали, что предпринять. В этот момент одна из них отошла к утесу и пнула большой сверток из шкур. Он казался мягким, катился плохо, она пинала опять и опять, толкая к костру. Остальные радостно завизжали и принялись танцевать быстрее.

– Девы, – охнула тут Согдай, – там наша Камка! – и указала на сверток. Мы пригляделись: из войлока торчали ноги, обутое в сапоги, какие только Камка умеет шить, из бычьих шкур. Такие одна Очишка еще носила, не узнать их было нельзя. Все ахнули.

– Отобьем! – сказала я твердо.

– Но оружия, оружия нет!

И правда, кроме детских кинжалов, у нас ничего не было.

– Камни! – сказала Очи и, не дожидаясь ответа, с пронзительным визгом «айия!» вскочила на ноги и метнула вниз камень. Я увидела, как он ударил в плечо одну из женщин. И не успели они опомниться, как Очи коршуном ринулась вниз и кинулась в бой.

Медлить было нельзя. Я тоже закричала и прыгнула вслед за нею. Скатываясь, схватила камень и метнула в женщину. Он попал в голову, если б была голова своя, не жить ей после такого удара. Но камень ударился о череп волка. Череп съехал набок, с женщиной же ничего не случилось.

Они побросали дудки и погремушки, выхватили кинжалы и стали драться. Дрались неистово. Ни ранить, ни повалить ни одну из противниц не удавалось. Они еще и потешались над нами: отпрыгнув, приманивали, кривлялись, но стоило только сделать к ним шаг, отскакивали – и так без конца. Они травили нас, быстро и легко двигаясь. Я ничего не могла сделать: моя противница была сильнее, быстрее и выносливей, к тому же плясунья отменная, гибкая и верткая. Меня разбирала ярость. Тогда я поняла, что не возьму ее силой, надо хитростью,

и принялась оттеснять к краю утеса. Она будто не догадалась, крутилась передо мной, но, когда отступать ей было уже некуда, я сделала выпад – и сама чуть не полетела с обрыва: она, легко оттолкнувшись от края, сделала такой невероятный прыжок, что не только перепрыгнула через меня, но и пролетела над всей проплешиной и уже хохотала с другой стороны.

Мне хотелось рыдать от обиды и зависти. Тут я увидела, как Очи пыталась обмануть свою противницу: бросившись вперед, в последний миг вся сжалась и нырнула ей под ноги, чтобы сбить наземь. Но женщина прыгнула, кувыркнулась над ней и приземлилась в десяти шагах от этого места. Я поняла, что сражаемся мы не с людьми, а с камами или духами. Что мы могли им сделать?

Мы начали задыхаться и терять силы – от долгого боя, от невозможности ничего изменить. Женщины же, казалось, были отлиты из железа и продолжали кривляться и хохотать. Тогда, придя в отчаяние, я вновь подняла камень и запустила в голову противнице, хотя понимала, что ничего тем не добьюсь.

Но мой камень попал в цель. Он снес с женщины маску, и я уставилась ей в лицо: на меня смотрела *я сама* и заливалась смехом.

Если б у нее была уродливая личина или звериная морда, я, верно, и тогда не испытала бы такого ужаса. Все девы увидели это и замерли, а женщины сняли маски: каждая из них была схожа с той, с кем дрались. Мы бились сами с собой.

Это длилось недолго. Как туман пропадает под солнцем, так эти лица стали вдруг исчезать, и на их месте явилось веселое лицо нашей Камки. Мы оцепенели, а все пять женщин сблизилась, и тут меня замутило до дурноты: они как бы вошли друг в друга, и осталась уже только одна Камка, хохочущая до слез.

Оторопь не проходила. А она приблизились к костру, кинула туда припасенный хворост и села на тот самый сверток. Сняла с себя волчью шкуру, что мы так тщательно сегодня выделяли, и сказала:

– Садитесь, девы. Отдохните. Как же вы повеселили меня!

Мы не тронулись с места. Не выпуская ножей, смотрели на нее. Наконец раздался глухой, полный злости голос Очи:

– Докажи!

– Что я человек, а не дух? Или что я мать тебе, лесной ты звереныш? – обернулась к ней Камка. Другие девы удивленно переглянулись: до того никто, кроме меня, не знал, что Камка родила Очи. Но та отвечала упрямо:

– Это не тайна. Докажи по-другому.

Камка вдруг издала звук, ни на что не похожий: как бы вороний крик и лебединое шипение вместе. И Очишка тут же опустила нож и подошла к ней: это был им одним ясный знак.

– Что это было? – спросила Ильдаза.

– Это наши войлоки, – ответила Камка, словно не понимая, и ткнула в тюк, на котором сидела. – А это сапоги, которые я не успела дошить. – Она вытащила заткнутые в тюк заготовки.

– Как возможно все то, что мы сейчас видели? – спросила я, понимая, что она продолжает над нами потешаться.

– Вы видели то, на что способна дева, посвятившая себя Луноликой, – отвечала она. – Я показала вам, чтоб знали, ради чего вы пришли сюда. Луноликой матери девы – это корень нашего люда. Если люд погибнет, хватит одной из них, чтобы восстановить люд и обучить всему заново. Если же не станет дев, весь люд, как песок, разметается по миру. Понимаете ли вы это?

Мы молчали, глядя на нее в упор. Сердце у меня в груди колотилось, и я не знала уже, от битвы это или от ее слов.

– Вы должны осознать, к чему вас призвали духи, – продолжала Камка, и голос ее был звонок и тверд. – Луноликой матери дева после учения не станет уже такой, как другие. Мужа

не будет у нее, знать вы должны. Детей не будет у нее, помнить должны. Всю себя без остатка отдает она Луноликой. Лишь в случае ужасных бедствий, чтобы спасти люд, может дева снять эти обеты и стать матерью и женой.

Всю себя эта дева битве отдаст, – говорила Камка. – Первой впереди войска поедет. В ней вся сила войска и его победа. Как у мужчины, смерть ее на коне ездит. Старости не узнает она. Болезни не узнает она. Мужчина, слабость в теле почуявший, пояс развязать может и, духам отдав себя, все же жить. Деву же, слабость почуявшую, Лунолика мать сама забирает.

Но почет и слава деве такой в каждом стане, – говорила Камка. – Лучшие ткани лучшие мастерицы в дар ей несут. Лучшую дичь лучшие охотники ей несут. На дороге мужчины с ней поклоном здороваются, женщины и дети не поднимают глаз. В дом к ней без подарка не ходят. Как случается беда, болезнь или голод, к Луноликой матери девам люди идут.

Все это было так, мы знали, но отчего-то никто в станах никогда не завидовал им, и никто не хотел, чтобы их дочери стали вечными девами. В отдельном чертоге стояли их дома, они редко общались с людьми, и стойбищенские, хоть и уважали, а больше боялись их. Только раз в году, на праздник весны, выходили к людям девы и для них танцевали.

А Камка так продолжала:

– Гордости и чванства девы не знают – Лунолика мать карает таких. Лжи, обжорства, жадности не знают – Лунолика карает таких. Как все дала, отобрать в любой миг может. Дверь в свой чертог отворив, выгнать в любой момент может.

Мурашки побежали у меня по спине. С детства питая любовь к этим девам, всегда с трепетом я за ними следила, но только в тот миг поняла, отчего они держались вдали от людей, лишнего слова не говорили, себя в строгости и почти нищете держали, хотя могли бы иметь все, как мой отец и главы родов. Представилось мне тогда, что, всегда Луноликой длань на себе ощущая, они боялись ее и слабости в себе подавляли. Представилось мне, что Лунолика, прогневавшись, в любой момент может ударить такую деву чеканом с неба.

И другие, верно, о том же думали, потому что Ак-Дирьи спросила:

– Как карает? Смертью?

Камка тяжело взглянула на нее и не сразу ответила:

– Смерти не боится Луноликой матери дева. Своего дара лишает Госпожа ту, что нарушит обет. Бесстрашной дева была – последней трусихой разом станет. Не знала поражения – дитя ее победит. Потерявшая дар быстро смерть найдет, но жизнь такая страшнее смерти.

Меня била лихорадка – так ясно представила себе эту кару.

– Сейчас вы вправе решать, принять ли вам этот дар, – сказала Камка. – Вы знаете, что вас ждет. Выбор духов – не приказ, а указание. Если же сердце чует, что не выдержать такой жизни, что быть матерью и женой милее, можете сказать и уйти. Сейчас стать простым человеком можете. Стать простым человеком, преступив обет, не сможете никогда: хуже худшего это, девы. Решайте.

Мы молчали, не поднимая глаз. Я пыталась заглянуть поглубже в себя: справлюсь ли? Но увидела только: другой жизни не может быть у меня. В чем же сомневаться? И первой подняла глаза:

– Я готова.

И все девы ответили так же. Радостно стало мне, будто скинула тяжкую ношу, но Камка по-прежнему строго сказала, будто не верила нам:

– Это лишь первый шаг. Еще будет возможность остановиться на пути.

Потом достала из куля, на котором сидела, кожаный сверток, развернула и подала каждой из нас тонкий пояс с серебряной пряжкой с головой барса, пожирающей голову барана. Это был пояс Луноликой. С гордостью мы препоясались – будто стали такие же, как они. Хотя как далеко еще нам было до них!

Глава 6

ЭЭ

Как и прежде, наш день начинался с гула: «Дон-дон-донн». На склоне утеса была пещера, в которой мы поселились, и Камка при входе повесила свой медный блин. Звук наполнял гору и нас самих, выносил из сновидений. Но после жизни у озера дни на круче были как отдых. В пещере было тепло и сухо, даже снег, принесенный на ногах, таял. Спали, укрывшись войлоками и шкурами, и после холодных ночей у озера это было как дома. Утром Камка уходила на охоту или к лошадям. До ее возвращения мы могли делать, что хотели, даже просто смотреть на долину, залитую солнцем, слепающую снегом.

Стрельбой и борьбой мы не занимались, теперь Камка учила нас танцам. Это были еще не те прекрасные, в единое движение слитые танцы, что Луноликой матери девы танцуют на праздник весны. В полном оружии, в боевом облачении, конные и пешие танцуют они, а глаза их будто видят невидимые бои. Но не были это и те хороводы, похожие на качание трав или тихий ручей, какие наши женщины в станах водят, какие даже с чадом во чреве танцевать можно. Нет, наши танцы походили на охоту барса, на бег оленя, на плескание рыб в реке. Вспоминать разных зверей заставляла нас Камка и их движения повторять. «Сила зверей к вам так переходит», – говорила она.

Мы учились до изнеможения, а вместо отдыха заставляла нас Камка играть. Сшила из лоскутов кожи небольшой мяч, заполнила каменной крошкой и хвоей, и мы играли в охотника и зайцев: охотник убивал зайцев мячом. Или играли в оленей и волка, в следопытов – во все, что припомнить могли. Еле на ногах держались к сумеркам.

Но главные наши занятия были не днем, а вечером, когда поднималась луна. Тогда Камка спускалась на утес, разводила огонь и звала нас.

Этот утес мы прозвали лунным, потому что растущий месяц стоял, казалось, прямо напротив, и оттуда видна была вся долина и русло реки, и видно было, что имеет оно тоже форму месяца. Камка собирала нас вокруг костра. Мы ложились и позволяли свету луны заполнить наши тела.

– Пока луна прибывает, она вам силу может передать, – говорила Камка. – Как сосуды пустые, наполнит вас собой. Сила женская в гнезде копится, – говорила она и клала руку на низ живота под пупом. – Лежите и наблюдайте, как свет будет вас заполнять.

И мы лежали, смотрели в чистое холодное небо. Лунный свет заливал утес, а Камка медленно ударяла в бубен, и каждый удар отдавался в нас. «Бом. Бом. Боммм», – пел бубен, и волны света стекали сверху. Долго мы лежали, пока мороз не пробирал до костей, потом поднимались и прыгали вокруг костра – чтобы согреться, но и оттого, что переполняла радость.

Потом возвращались в пещеру. На утесе каждая из нас по велению Камки нашла плоский голыш размером с ладонь. Этот голыш – Камка его назвала *оньго* – мы должны были класть на живот, когда ложились спать, чтобы ощущать его прохладу и вспоминать лунный свет. Так засыпали, и сны, которые тогда снились, были яркие и удивительны. Зверей были полны они, коней и ветра. Снился мне и барс, будто следит за мною. Снился и дом, и всегда я сидела с отцом и братьями как равная, а не как женщина или дитя.

А потом в одном сне барс приблизился и остался рядом, на меня глядя не так, как смотрят звери. И я поняла, что это мой дух-ээ.

На следующую ночь было первое полнолуние на круче.

В тот день Камка разбудила нас рано. Голышом погнала на кручу. Сыпал мягкий снег, за ночь у лиственниц на склоне намело сугробы. Камка велела нам искупаться в снегу и не разрешала одеться, пока не нырнули с головой.

– Сегодня луна полноты достигает, – сказала она. – И вы испытать ее силу должны.

Накормила потом нас жирной похлебкой и без отдыха стала гонять по круче. Ни сесть, ни вздохнуть, ни у огня погреться. Как кони на перегоне взмокли. Как олени загнанные дышали, вывалив языки. Но Камка не отпускала, все новые задания выдумывала. А когда не могли мы уже ни подтянуться на руках, ни присесть, разрешила играть и сама взяла мяч, и мы бежали от нее по круче, как полоумные.

К полудню я думала, что не дожить мне до вечера. Тогда начала Камка учить нас танцевать. Бешеным, неистовым был ее танец. Как дух ярости она носилась: то к земле припав, кружилась, то, оттолкнувшись, взлетала вверх, вокруг себя крутилась и земли не касалась. Нас же ноги не держали, воздуха не хватало, сердца готовы были выскочить, в глазах стояли красные пятна. А Камка как из камня была. Не выдержав, мы упали наземь, во все глаза на нее глядя, дыхание не могли возвратить.

Заметив, что больше не танцуем, кинулась она к нам и гневно закричала:

– Девы, чего вы застыли? Или не видите, кто носит меня? Слуг вокруг много! Берите себе любых! Только берегитесь!

Но мы стояли, точно глупые телки, и ничего не понимали. Тут она бросилась ко мне и ударила в грудь с такой силой, что выбила дыхание. Как рыба, раскрыв рот и выпучив глаза, я стояла, пытаясь хоть глоток воздуха сделать, и вдруг, глянув на Камку, увидела, что сотни бестелесных духов окружают ее. Держат и помогают двигаться: то подхватят в прыжке, и она дважды кувыркнуться успеет, то подбросят, и она перелетит на другую сторону кручи. Я глазам не верила. Обернулась на дев – они увидели то же и остолбенели. Тут Камка хлопнула в ладоши – и остановилась как изваяние. Как будто и не плясала так яростно, лишь немного покраснелась.

– Вот как двигаться надо! – хохотала она звонко. – А вы медлительнее волов!

– Ты не сама! – с обидой крикнула Очи. – Духи тебя носили. Мы видели!

– А, видели, видели! – по-детски закричала она и принялась прыгать на месте.

– У нас сил нет, чтоб за тобой поспевать, – сказала Ак-Дирьи. – Ты бы нам объяснила, мы не понимаем, как это делать.

– И вы можете так. Оньго свои попросите! – отвечала она и снова с хохотом сорвалась с места, продолжив бешеный танец.

Мы в недоумении переглянулись. Оньго-камень у всех был с собой, в мешочках на поясе. Мы их достали, но что делать с ними, не знали. Тогда Очи сказала, нарочито серьезно и громко:

– Помогите мне, мой оньго, двигаться без усталости!

И принялась плясать. Все быстрее, быстрее пыталась крутиться – но запнулась и полетела в снег, слишком устала. Ни один дух к ней не явился.

– Камень сам не поможет, – догадалась я. – Но, может, что-то в нем есть, что привлекает духов?

Камка была в тот момент на другом конце кручи, оттуда слышался ее хохот. Уже не для нас плясала, сама потешалась.

– Если может оньго чем-то духов привлечь, пусть берут это и мне помогают, – сказала Очи, вытянув руку вперед.

Но не договорила, как поднялся ветер, и вихрь, ниоткуда взявшийся, скрыл ее. Мы и двинуться не успели, но Камка метнулась через всю кручу в самое сердце вихря. Раздался жуткий крик – будто и не человек, не Камка кричала, а сама гора содрогнулась в гневе и завывала. И все стихло.

Мы лежали, оглушенные, заваленные снегом. Там, где стояла недавно Очи, снег был снят до самой земли, вывороченные, лежали черные комья, прелые иглы лиственниц, мшистые камни были разбросаны кругом. Очи лежала поодаль, Камка склонилась над ней и хлестала по щекам.

Я с трудом поднялась и хотела бежать к ним, но двигаться получалось медленно, тяжело, как в дурном сне. Другие девы, видела я, так же вставали. Потом словно вынули воск из ушей – стала все слышать и смогла быстрее идти.

Очи уже открыла глаза. Но неживой был ее взгляд, странный. Камка крепко растерла ей лицо снегом, потом принялась полную горсть запихивать в рот. Очи плевалась, отбивалась, но проглотила, и только тогда Камка отпустила ее. Она села, обводя нас мутным взглядом.

– Где онго? – спросила Камка. Очи протянула руку и разжала пальцы – камень по-прежнему был у нее. Камка кивнула: – Крепко держишь, – сказала она, – жить будешь. Пойдемте теперь за мной.

И двинулась в пещеру. Мы помогли Очишке подняться и потащились следом.

В пещере Камка разрешила нам отдыхать, развела огонь, заварила травы на молоке. Я куталась в шкуру, слушая, как бухает сердце. Потом напоила нас Камка густым вкусным отваром, посадила ближе и начала разговор.

От усталости ли, от трав ли, но меня стало клонить в сон, и я слышала слова Камки будто из-под воды. Трещал огонь, девы сидели с напряженными лицами, и все казалось сном, повторяющимся, бесконечным: и слова Камки, ее мягкий, баюкающий голос, и благовонный вкусный дым, наполнявший пещеру, и образы, которые плыли перед глазами и были ярче, осязаемее, чем все предметы вокруг. Сколько времени длилось это, не знаю, но каждое слово Камки, все-все, что тогда она в головы нам вложила, помню до сих пор.

– Трое создали мир, – начала она. – Тарбаган, Карбаган и Сеток.

– Тарбаган! – прыснула Ак-Дирьи. – Тарбаган-творец, мохнатый и жирный!

– Тарбаган всех зверей создал, Карбаган – людей, а Сеток – духов создал и в миры населил, – не моргнув, продолжала Камка. – Создав же, они в бело-синей растворились выси. Ибо они только творцы, но не они – всему начало. Скажите мне теперь, девы, что выше людей, зверей, духов, леса и гор, что выше птиц летающих, куда самая дальняя стрела не долетит?

– Бело-синяя высь, – отозвались мы.

– Бело-синяя высь, прозрачная голубизна – чертог Хозяина, чье имя не скажу. Это суть всего – зверей ли, людей ли, духов. Кто зарождает внутри себя наши души и куда уходим мы, свой путь пройдя, – на вышние пастбища, в долину Молочной реки.

Благовонный дым плыл у меня в голове. Слова Камки синими звездами загорались в этом дыму, и плыли передо мной олени, люди, духи – все, что сотворил Бело-Синий.

Потом говорила она о духах, о тех бестелесных тварях, что вокруг нас. До посвящения не видят их дети, пока ээ-помощник не придет и не даст долю. Говорили мне, что раньше без их помощи не обходился никто – пастух ли, охотник ли, пряха. Но теперь все реже с ними общаются люди, лишь царь, да кам, да из десяти охотников – один.

– Люди их стали бояться, – говорила Камка. – Люди думать стали, что бестелесные твари сильнее их. Это ошибка, знайте, девы. Лишь человек, в теле живущий, имеет силу, какая тонким ээ недоступна. Потому и тянутся они к людям, а без людей не способны ни на что. Помните это, девы. Вы можете духов подчинять, служить вам будут ээ из разных миров. Я научу вас, как это делать, пока же запомните: есть разные духи, и разных сил требуют они за службу. Чтобы не ошибиться, чтоб не отдать много, получив малое, умеете их различать.

Так говорила она, и выплывали из стен пещеры на волнах странного света, ни огненного, ни солнечного, мелкие, сверкающие, как роса на заре, легкие ээ-тай. Как бабочки, летали они, окружая нас, и весело становилось от их вида. Грезилось мне – или же правда? – что оставляли они след света на лице и одежде, легкий как пыльца. Я протягивала руки и чувствовала как будто уколы молодой хвои на коже.

А голос Камки звучал:

– Эти духи живут в светлых мирах. Как мотылькам, им надо мало, чтоб жить. Их зовя, вы отдаете немного. С ними устали знать не будете. Стрелу помогут без промаха в цель послать. Все, что я сегодня делала, с ними легко сделаете.

Подул ветер, и улетели все бабочки, а вместо них вышли из тумана странные звери, каких на посвящении я видела возле дев: волки, кошки, медведи, птицы...

– Вокруг нас, стоит лишь протянуть руку, обитают *ээ-тоги*. Они тяжелее, и им надо больше сил отдать, но и умеют больше: найдут человека или скотину в тайге, выследят врага и помогут в бою. Чаще других будете их звать. Помните только: себя они не забудут, доверитесь слишком, так же опасны станут, как алчные духи.

Видение пропало, и стала вдруг тьма, словно потух костер, и беззвездная ночь проникла в пещеру. И тяжело, и душно было в этой тьме, будто в мешок положили, но голос Камки звучал по-прежнему спокойно и твердо:

– Алчные духи – *ээ-борзы*, это страшные твари: малого не берут, жизнь или кровь надо им обещать. Их лишь в бою призывают, они несут смерть врагам, а нам – победу. Но у хозяина жизнь отнимут, если забудется. С ними пока не будете иметь дело, сил вам еще не достало.

– Отец рассказывал о племенах, у которых множество богов, – решила тут я задать вопрос, который давно меня тревожил. – Иногда животных или даже людей убивают им в жертву. Отчего у нас нет богов, нет жертв или других служений?

Камка ответила не сразу.

– У каждого народа свой путь, Ал-Аштара, но боги не нужны тем, кто помнит о Бело-Синем. Бело-синяя высь одна, она и в людях, и в зверях, и в невидимых тварях. Если же она во всем, как вызовем ее, чтобы ей служить? И зачем? Я думаю, боги других народов, – это наши духи-ээ. Их вызывают, чтобы чтить, вырезают на камне и дереве, рядом с жилищами ставят, кормят кровью. Но только подумайте, девы, разве не смешно это: возьмите собаку или корову, ходите вокруг нее с песнями, украсьте цветами, кормите лучше, чем любимого мужа, и посмотрите, не загордится ли корова, не начнет ли кусать вас, распухнув от чванства, собака?

Девы захихикали, а меня пробила дрожь: как хрупко неназываемое! Как просто жить с ним, но легко упустить! Но для чего все так: зачем Бело-Синий создал нас и что от нас хочет – если вообще хочет чего-то небесная высь? Для чего души в людей спускает, а потом забирает? И почему – всегда – молчит? Эти вопросы и поныне в сердце моем. Что-то внутри будто бы знает ответ, но сказать никак не смогу.

– А можно ли к духам в миры попасть? – раздался тут звонкий Очишкин голос. – И где вход? Или надо рыть землю или на дерево забираться, чтобы попасть к ним?

Камка захохотала.

– Шеш, рано тебе о том думать, – и продолжила рассказ об *ээ-торзы*, хозяевах гор и рек, и мне казалось, что снова я вижу круглый глаз золотого грифона.

– На других они не похожи, рядом с нами живут, как братья, только старше и могущественнее. Огромны они, но бестелесны, как духи, являться могут лишь в видениях, потому и зовут их ээ. Ветра они создают, реками движут, горы шевелят, озера из недр поднимают.

Говорила она потом, как призывать духов и давать им плату, как силу собирать и хранить.

– Онго скоро не будет вам нужен, – говорила она. – В женском гнезде больше сил копится, чем гора может в себя вобрать. Скоро научитесь сами ее собирать и отдавать духам. Но будьте жадными, будьте скрягами, только тогда сможете ими управлять и не погибнете, как сегодня чуть не погибла Очи.

Так странно все было, но и прекрасно. Стены пещеры изрисованы были зверями и охотниками, которые убегали, стреляли или играли друг с другом, были там люди в масках, а были в привычной одежде, и все они плыли в неясном, мерцающем свете, качались и плыли. Мы уже успели их разглядеть за дни, прожитые здесь, и думали раньше, это рисовали девы, кто до нас проходил посвящение. Но в тот момент нам казалось: это все духи нарисованы на стенах.

Вот алчные ээ-борзы, точно лютые звери, рычат, и устрашают, и терзают врагов, а воин, что звал их, в них целит копьё – чтобы не развернулись и не пожрали его самого; вот люди гонят оленей, а над ними кружатся птицы – это ээ-тоги помогают охотникам; вот в танце с ээ-тай кружатся люди в масках и перьях. А на потолке черные охотники бегут за красным оленем, как Луна за Солнцегомом: то девы-воины идут на вышнее пастбище за небесным оленем – как итог жизни, как последнее кочевье...

Так странно и прекрасно все было, и я уже не помнила, где мы и сколько времени здесь. Когда позвала нас за собой Камка и мы поднялись и пошли следом за нею, я не знала, во сне это или наяву. Духи по-прежнему окружали меня, их легкие уколы чувала я на коже. Как прошли по узкой тропе из пещеры, вдоль обрыва, как не соскользнули – не помню, только были уже на лунном утесе, и горел там огонь, а Камкин голос сказал:

– Пусть ваши духи к себе вас возьмут. Дайте мне свои зеркала.

И я не поняла еще, что сказала она, но уже доставала зеркальце, что всегда носили на поясе, чтобы не украли духи, чтобы не было сглаза. Никому чужому нельзя давать свои зеркала, но мы безропотно отдали их Камке.

И вот, как во сне, видела я: по очереди подзывала она дев, сажала напротив костра и велела смотреть через огонь в зеркало. Мне отчего-то смешно было глядеть, как всматриваются девы, пытаюсь найти свое отражение, и лица у них комично серьезны. Сначала Очи – но, не посмотрев долго, она упала в снег, будто заснула. Потом Ак-Дирьи – та и мига не посмотрела, клюнула носом и лежала недвижная. Потом Согдай и Ильдаза – но и с ними то же случилось. А я, подавляя приступы глупого смеха, все смотрела, как они, кувыркнувшись, падают и замирают.

Но тут и меня позвала Камка, мое зеркало уже держала в руках. И что-то испугалось во мне, сжалось. Сквозь расслабленность тела, пелену грез и видений с неожиданной ясностью я вдруг поняла: если взгляну сейчас в зеркало – изменюсь, и никогда уже не быть мне прежней. И все во мне закричало, чтобы не делала этого, – но ноги, мягкие, безвольные, уже несли к костру.

Я села, склонилась, чтобы увидеть зеркало сквозь пламя – и тут краем глаза заметила, как из черноты метнулся ко мне барс. В тот же миг мне удалось разглядеть зеркало, и я поняла, что не мое лицо, а его, барсова, морда смотрит на меня отражением.

И все в тот же миг исчезло, слово сдуло меня невиданной силой ветра.

Все вдруг стало ясно, но сам переход от туманной, сонливой дымки в голове до прозрачности ощущений был болезненным. Я поняла, что сижу на каменной плите, а передо мною – мой ээ. Я разглядывала его лунно-пеструю шкуру и длинный хвост. Вокруг бушевала буря, подобная той, что мы пережили с Очи на суде у *царя*, воздух крутился на расстоянии вытянутой руки, но не трогал нас. Я не видела ничего, кроме барса, но откуда-то знала, что сижу на узком гольце, а бело-черная круговерть скрывает обрыв.

Скоро ветер стих, все прояснилось, и я увидела, что права: вокруг была пропасть, дно которой терялось, а всюду, насколько хватало глаз, торчали такие же узкие скалы, как та, на которой сидела я.

Ээ сказал: «Ты можешь перемещаться со скалы на скалу».

Ни звука он не произнес, но я его слышала. Меня тут же поразил страх, даже ладони взмокли: я представить себе не могла, как перепрыгну такой обрыв и не сорвусь с узкого камня. Но царь повторил: «Можешь», – и прыгнул первым. Я собралась с духом, вся сжалась, чтобы совершить этот невероятный прыжок, и оттолкнулась.

Мне показалось, что я прыгнула, но я не двинулась с места.

«Тебе не надо перемещать тело, – услышала я. – Приближай скалы, и ты окажешься, где захочешь». Я не понимала, что мне делать. Стала смотреть на торчащий, точно гнилой

зуб, ближайший голец и представлять, что это всего лишь камень, одиноко лежащий на земле, я могу его сдвинуть, подкатить ближе.

Как только мне удалось представить это ясно, я увидела, что стою на нем, а царь перепрыгнул дальше.

Так повторялось снова и снова. Потом я присмотрелась к дальним утесам, попробовала их приблизить – и все вокруг принялось смещаться, а я увидела себя уже там. Небольшая, обкусанная ветром скала черного пористого камня была передо мной. Я обошла ее кругом, так же перемещая, и попала на пустынный берег. Желтое море раскинулось впереди, сколько хватало глаз. Небо над ним склонилось мутное, серое, словно надвигалась гроза. Мерзкие испарения поднимались с поверхности желтой воды, которая казалась густой, будто на небольшом огне грелась и парила похлебка.

«На той стороне начинается царство ээ-борзы, – сказал мой царь. – Мы не пойдем туда. Но запомни это место: отсюда в начале зимы выходят алчные духи и туда возвращаются, когда приходит весна».

Он вновь обогнул скалу, я поспешила за ним, а он вдруг прыгнул вниз, в темноту между гольцами. Сердце мое ухнуло, но еще больше я боялась потерять его. Я закрыла глаза и шагнула с камня.

Все во мне оборвалось, но я не успела и крикнуть – ни падения, ни удара не было. Я открыла глаза на залитой солнцем поляне. Было как будто раннее летнее утро. Вокруг росли деревья, которых я не знала. Пахло смолой, но ни пения птиц, ни других лесных звуков не было, как не было и ветра. Тишина удивила меня.

Царь оказался у правой ноги. Как собаке, я могла положить руку на его мохнатый загривок, но не стала: не знала еще, как общаться с ээ. Я спросила, не разжимая губ:

«Где мы?»

«А что ты видишь?» – услышала в ответ.

«Траву. Деревья. Небо. Цветы».

«Смотри лучше».

Я смотрела, но не видела ничего больше. Ни зверька, ни бабочки. Ни облака. Небо чистое, почти белое. Я никогда не бывала в таких местах.

Я присела, чтобы получше рассмотреть траву. У нее были крепкие стебли, широкие, острые листья. Я попробовала смять ее, но чуть не порезала руку. Попробовала сделать шаг, но стоило занести ногу, острые стебли чуть не порвали мне обувь. Я остановилась и сказала с недоумением:

«Нет, это не трава. Я не знаю названия этому, но такой травы не бывает».

Потом так же, как среди гольцов, я переместила себя к дереву и стала рассматривать его. Мне показалось, что эти плотные, блестящие черные стволы отлиты из железа. Я тронула – и обожглась.

«Это не деревья. У меня нет слова, чтобы назвать это».

Стоило мне произнести это, как случилось что-то странное. Показалось сначала, что у меня помутилось в глазах: вся поляна, трава и деревья потеряли свой облик, стали шипами грязно-желтого цвета. Я была в гроте или пещере, и эти шипы вырастали из стен со всех сторон. Но при этом как будто сохранили свои очертания, где-то на краю зрения мне казалось, что я по-прежнему вижу траву и деревья.

«Всегда смотри так, чтобы видеть суть», – услышала я царя.

Потом он велел мне присесть на корточки и сжаться как можно плотнее, обняв голову руками. Я сделала так – и тут же почуяла, что лежу в снегу на утесе, а рядом Камка раздувает костер.

Глава 7

ЧОЛ

Дни наши стали странны и туманны. Яркими, живыми были только видения, когда приходили ээ. Мы бывали с ним в разных местах, там могло быть лето, или весна, или осень, или же это были такие дикие высокие горы, где круглый год стоит зима. И я уже не понимала, что творится вокруг, сколько времени мы живем на круче и есть ли что-то, помимо видений.

С девами мы продолжали укреплять наши тела, но все это казалось сном в отличие от встреч с ээ. Мы жили, как в дурмане, но то был странный дурман, он не путал нам мысли, не ослаблял, однако все мои думы, когда я просыпалась, были только о том, чтобы быстрее вернуться к ээ. С другими происходило то же, я видела по глазам. Слабые улыбки, как воспоминания о видениях, блуждали по лицам. Друг с другом мы говорили мало, если одна что-то спрашивала, другая отвечала не сразу, а той уже и не нужен был ответ. В своих грезах жили.

Камка продолжала нас учить танцам, и мы сами не заметили, как они переменились. Она не говорила больше, что мы должны делать, движения сами выходили из нас. Как птицы мы подпрыгивали и летали, как звери кралась, как человек в порыве счастья неслась по круче. Но эта перемена, казалось, нас не обрадовала, мы будто и не заметили ее. Мы были слишком заняты нашими духами, все помыслы устремлены были в иные миры.

Я не смогу передать всего, чему меня обучал царь-ээ. Не смогу, да и не стоит. Кто не пережил того, как маску с меня – не перенять. Почти пол-луны продолжались наши с ним встречи, и все, о чем говорил он мне, переполняло меня, как вода переполняет реку весной.

Но вот однажды он мне сказал:

«Я хочу учить тебя бою. Ты воин».

«Хорошо», – ответила я.

«Но ты видишь меня в обличье зверя. Тебе же надо сражаться с человеком. Впусти меня в себя, чтобы я мог сменить облик».

Я хотела было согласиться – но что-то остановило меня. Камка говорила, что алчные духи, бывает, являются в приятном обличье и просят, чтобы человек впустил их в себя. Безграничную силу обещают, но пожрут его, никто не может справиться с духом, если он попал внутрь человека.

«Почему я должна тебе верить? Ты сам говорил, чтоб не верила ээ, что они все жадны. Что возьмешь ты, попав в меня?»

«Ничего не возьму. Я принадлежу тебе и должен учить тебя. Потому и зову тебя Кадын, что ты моя госпожа. Я выбрал тебя на посвящении из многих дев. В тебе царская кровь».

«Ты будешь со мной всю мою жизнь? Что ты получишь от меня?»

«Ничего. Я хочу получить от тебя только путь – путь к Бело-Синему».

И он назвал имя Хозяина вышних пастбищ, которое все мы знаем и про себя вспоминаем, но вслух произнести никому из людей нельзя. И не рухнула высь, не унесло его вихрем. Я стояла, оцепенев, будто молния меня поразила. А он сказал – и улыбка звучала в его словах, хотя морда барса не изменилась:

«Не бойся, лишь для тебя, тело имеющей, это имя страшно. Мы же бесплотны. Но я хочу уйти к нему вместе с тобой, когда ты сама будешь к нему уходить. Поэтому я с тобой. Верь мне. Впусти меня».

И я поверила и согласилась. Но в тот же миг решила, что он обманул меня и сейчас сожрет: его глаза сжались в щель, он присел и напрягся, как делают барсы перед прыжком, хоть и был в двух шагах от меня. Потом прыгнул – будто волной ветра обдало меня и развернуло: я сама, как в зеркале, стояла перед собой.

Все было мое: и овчинная шуба, и штаны, и высокие сапоги, кожаные грубые обвязки на ступнях, и пояс воина-девы, и нож, и мешочки на поясе... И лицо свое я узнала, две темных косы на плечах, худая шея. Показалось даже, что вот, шевельнусь я – и мое отражение шевельнется. Разве что глаза смотрели не человечи.

– Ты еще увидишь, до чего я могу быть похожим, когда станешь бороться со мной, – сказал ээ, и теперь слова его прозвучали вслух, а губы шевелились. – Легкого ветра, – попрощался он и вдруг исчез.

Стали проходить дни – а его не было. Я волновалась. Я боялась, что он меня обманул – обретя новую форму, скрылся. Камке сказать не решалась. Шли дни растущей луны. На утесе, когда девы блуждали со своими ээ, я лежала, как мерзлое бревно. Стояли морозные ночи, потрескивал костер, и Камка сама себе напевала. Глаза ее были закрыты, она сидела и тихо качалась, будто тоже была не здесь. Она вновь походила на старуху. Я смотрела на нее и дивилась, что мерзну, тогда как раньше, с ээ, совсем не чувала холода. Но подойти к огню не решалась. Только когда не чувала уже тела, подползала. Но Камка не задавала вопросов и вообще не говорила со мной.

Однажды ночью, измучившись в пустых снах, где не было ээ, я проснулась и не могла больше заснуть. Тогда поднялась, обулась, затянула пояс на шубе, вылезла из пещеры на кручу.

Морозное небо еще не просветлело, но я знала, что ночь на исходе. Небесная колесница, накренившись, лежала у горизонта. Я стояла на краю обрыва и смотрела в долину. Мне было видно, как небольшая группа оленей спускается в нее, растянувшись друг за другом. Они шли к лесу из-за перевала.

Эта долина не была богата дичью. Камка приносила зайцев и птиц. За козами надо было идти далеко, и она не ходила. Эти олени, верно, хотели пройти долину и уйти дальше в свое кочевье. К тому моменту, как Камка спустилась бы на охоту, она нашла бы только следы на снегу.

Смелая мысль упала мне в голову, стало страшно и весело: я подумала, что столько мяса хватило бы нам надолго и я могу его добыть. Строгого запрета спускаться с кручи нам не было. Других хищников, у кого я отняла бы добычу, не было тоже. Проследив все, что могло бы меня остановить, и будет ли злиться Камка, я решила и поспешила в пещеру.

Надо было взять охотничий лук, который был у Камки. Забрать оружие у нее спящей было почти невозможно, и эта затея даже больше самой охоты меня будоражила.

Я уже спускалась внутрь, но прежде, чем спрыгнуть из хода, при неясном свете тлеющего костра увидела фигуру, склонившуюся над ложем спящей в дальнем углу Камки. Я обмерла. Не успела даже сообразить, как поступить, а человек уже медленно, пятясь, стал отступать к выходу. Я тут же выкарабкалась наружу и встала с той стороны, куда бы он не повернул.

Но стоило ему появиться, я замерла и не двинулась с места: я узнала саму себя со спины. В моих руках был Камкин горит, я вскинула его на плечо, чтоб не мешался при ходьбе и уверенным шагом отправилась вниз с кручи.

Конечно, я помнила, что мой царь-ээ принял мое обличье. Но я так привыкла, что он приходил лишь в видениях, так привыкла думать, что духи бесплотны и не могут поднять никакую вещь, – а тут все было наоборот. Заставляя себя думать, что все еще сплю, я поспешила за ээ.

Дух – или я? – спустился с кручи и отправился в лес. Я спешила, держась поодаль, чтобы не быть замеченной. Но он не оборачивался, даже если догадывался обо мне.

Мы шли к реке. Я знала, что сделала бы так же, потому что олени, спускаясь с горы, шли по руслу, и мы могли опередить их, выйдя к разливу.

Двойник мой двигался быстро, но потом стал замедлять и прислушиваться. Я делала то же. Обе мы знали, что олени, спеша прочь, будут выбирать самые обветренные, бесснежные места.

И нам, не имевшим ни коня, ни собаки, следовало подстеречь их наверняка и надеяться только на меткость стрелы. Мы обе напряглись, чтобы понять, где идут олени.

Стояло безветрие, которое предшествует рассвету. Чутьем мы знали, что звери поспешат уйти до света, они искали пастбища, которых здесь не было.

И тут мы вышли на обрыв, после которого тропа уходила круто вниз и в сторону. Отсюда меж деревьев был виден кусочек долины с серповидным разливом реки – и олени, быстро уходящие по руслу. Они шли почти под обрывом. Мы обе поняли, что вожак решил поторопиться и провести стадо напрямую по самой опушке, вдоль русла. До них было шагов триста, но простора для выстрела не хватало.

И тут мой двойник сделал то, что мне не пришло в ту минуту на ум, хотя позже я поняла, что тоже, верно, поступила бы так, будь там, где стоял он. Дева бросилась к высокому кедру и принялась забираться наверх. Уже через миг я видела, что она укрепилась там, прислонилась к стволу и натягивает тетиву, целя в оленей.

И тут произошла новая странность. Обе мы понимали, что с такого расстояния, поверх деревьев, послать единственную стрелу в цель сложно, а второй оленю уже не позволят. Я только успела вспомнить слова Камки, что ээ-тай могут направить стрелу в цель, как увидела словно бы темный рой, возникший у корней дерева и устремившийся к деве. И в тот миг, как стрела покинула лук, рой окружил ее и понесся вместе с ней вниз.

То, что стрела достигла цели, мы поняли по испуганному топоту. Спины оленей замелькали между деревьев и, точно поток, понеслись к выходу из долины. На снегу осталась туша подстреленной оленухи.

Кубарем покатались мы с пригорка, кувыркаясь в снегу, поднимаясь и снова скатываясь. Радость охоты охватила меня так, словно это мои пальцы натягивали тетиву. Краем глаза я видела, что мой двойник бежит рядом, так же, как я, оступаясь в снегу, поднимаясь, теряя шапку, натягивая ее на бегу и опять падая... Я уже не думала скрываться, но и не могла догнать ее: она бежала так же, как я, и все ее движения были моими. И я вместе с ней чувствовала холод снега на лице, жар бега и боль от ударов. Кровь стучала в голове, и радость душила.

Выкатившись к реке, мы пробежали вдоль русла и скоро увидели подстреленного оленя. Еще на бегу обе потянулись к ножу, и когда я увидела, как дева опустила на колени и наносит удар по шее, чтобы выпустить дух оленя, пока он не пожрал мясо и не сделал добычу падалью, – я поняла, что это я сама стою на коленях и вонзаю в упругую плоть свой нож.

Солнце взошло, лес был рыжим с густыми синими тенями, когда я, изнемогая от усилий, но счастливая, волокла на двух палках тушу через лес. Когда я достигла кручи, от меня шел пар.

– Помнишь ли ты о запрете? – услышала я тут голос Камки и вздрогнула, хотя ожидала, что вот-вот встречу ее и услышу именно эти слова. Я обернулась – она выходила из леса с другой стороны кручи.

– Помню. Но я принесла много мяса. Этих оленей нельзя было упустить.

Она коротко глянула на мою добычу, и мне не понравился ее взгляд: она посмотрела так, словно та была тенью, которая исчезнет с заходом солнца.

– Да, вижу, – сказала она спокойно. – Но как принять нам этот дар, если он получен с нарушением запрета?

– Это моя добыча! Это только моя добыча, я ни у кого не отбирала ее! – вскрикнула я, испугавшись, что Камка опять велит вернуть мясо. Но она улыбнулась, забрала лук и сказала:

– Поднимайся. Девы уже занимаются. Занимайся и ты, о мясе я позабочусь.

Меня удивило, что она так легко меня отпускает, и быстро послушалась.

Девы остановились, увидев меня.

– Где ты была? – спросила Ак-Дирьи. – Тебя Камка пошла искать. Ты украла ее лук.

– Охотилась, – ответила я.

– Ты? – Очи с удивлением вскинула на меня глаза, но тут же отвела, словно ее это не интересовало. Ее угнетало, что она не зверовала уже очень давно. Я это знала и ответила, чтобы ее не обидеть:

– Не сама. Мне мой ээ помогал.

Все девы с удивлением на меня посмотрели.

– И ты добыла мясо? – спросила Очи.

– Да. Дух выстрелил и убил оленя. Он направил ээ-тай к стреле и попал в цель.

Я видела, что сомнение снедает моих дев. Они не верили мне. Наконец Ильдазка нашлась:

– Мой ээ тонок и не может держать лук в руках.

– Мой тоже, – сказал Согдай.

– Наши духи одной природы, – сказала я. – Если мой может, ваши тоже.

– Нет, – упрямо помотала головой Ильдаза. – Мой ээ говорил, что такого никогда не бывает.

– И мне говорил, – кивнула Согдай.

– И мне, – подтвердила Ак-Дирьи. Очи молчала, на меня не глядя.

– Верно, ты знаешь тайное слово, дающее силу духу, чтобы он обрел плотность живого тела, – сказала Ильдаза.

– Или твой ээ иного рода, – сказала Очи, вдруг сверкнув на меня глазами. – Говорят, ээ-борзы могут обретать плотность, когда для убийства их зовут и поят живой кровью.

– Я не общаюсь с ээ-борзы так же, как никто из вас, – отвечала я, вспыхнув. Волнение охватило меня: девы не верили мне, и я не знала, как им доказать. Нехотя, они вернулись к занятиям, но старались не встречаться со мной глазами.

Только когда мы принялись играть, девы забыли о споре. Но когда Очи была волком, она нагнала меня, повалила на снег и, придвинувшись к лицу так, что я ощутила ее тепло, шепнула с яростью:

– А я не боюсь ээ-борзы. Камка всегда про запас держит самое важное. Я сама их ищу!

И миг отскочила, указывая на меня: «Волк! Волк!»

Наконец Камка позвала в пещеру. Мы спустились – сладкий дух жаренного на углях мяса стоял там. Девы увидели, что я не обманула, и отошедшее было недоумение вернулось.

– Камка! Камка! – забыв про сдержанность, к которой мы привыкли на посвящении, закричали Ильдаза и Ак-Дирьи. Они сдружились за эти дни и всегда поддерживали друг дружку. – Ал-Аштара говорит, что ээ помог ей убить оленя! Она говорит: это он стрелял! Он, не она, твой горит унес! Зачем она врет?

Но Камка не отвечала, а когда они стали несносны, огрызнувшись – те замолчали. Только когда расселись и, утолив первый голод, стали спокойней, она ответила тихо:

– Конечно, это не так. Ээ-тоги не возьмут ни горита, ни лука. Это был *чол* – отражение.

Мы застыли. Никто не понял ее слов, и меньше других я сама. А Камка велела мне рассказать все, что было со мною.

Я рассказала подробно с того момента, как проснулась и вышла на кручу. Как видела, что двойник мой забрал у Камки горит, как кралась сначала за ним, но он так ни разу и не обернулся. Как он залез на кедр и выстрелил, ээ-тай призвав, а потом мы вместе неслись с обрыва, и он каждым движением меня повторял – или я его повторяла.

– Где же сейчас твой помощник? – спросила Камка, и я растерялась. Я не заметила, как он пропал. Но духи всегда так уходят. Я знала точно, что сама, а не он, резала ветки, чтобы собрать волокуши и принести тушу, и на мне уже был Камкин горит, и даже смола кедра была на одежде, словно это я залезала наверх и стреляла...

Я так и ответила ей: не знаю.

– Он в тебе, – сказала Камка. – Он вышел из тебя и в тебя же вернулся. Это *чол* – двойник, отражение. Они осязаемы и плотны, они могут действовать, как велит хозяин, но другие

не могут их видеть: нет ни тепла, ни следов, ни запаха, ни тени. Потому я не проснулась, когда ты взяла горит. Чолы не думают, не рассуждают. Они способны только действовать. Это само ваше действие, происходящее без вас. Помните, девы, что моих образов было пять, когда пришли вы на кручу? То были мои чолы. Их можно создать столько, на сколько вам хватит сил. Я вижу, – сказала она, посмотрев на меня ласково, – твое ученье с ээ успешно.

Мысли мои смешались. Если бы Камка велела мне сей же миг создать чола, я бы не смогла. Признаться ей, что ээ не является несколько дней, я тоже не могла. От всего этого было чувство, словно меня обманули. Разочарование и досада поразили меня, хотя девы смотрели с завистью. Мне хотелось крикнуть Камке: «Скажи, как у меня получилось это? Как это сделать? Я не знаю!» – но я боялась опозориться перед девами.

За меня этот вопрос задала Ак-Дирь:

– Камка, научи всех. Мы тоже так хотим, чтобы делать, но не делать самим.

– Нет, – засмеялась она. – Ваши ээ вас научат.

– А все Луноликой матери девы умеют так? – спросила Ильдаза.

– Всем приходит в свое время. Кому-то рано. Кто-то добивается после. Кто-то не умеет вовсе. В том нет гордости, девы, нет и особой искусности. Это дар.

Такие слова успокоили дев, хотя, я видела, зависть не покинула их. Мы доели и вновь пошли на кручу. Я решила тоже не мучить себя вопросами и задать их ээ, когда бы ни появился он снова.

Глава 8

Мост через желтое море

История с чолом была для меня больше болью, чем гордостью: уже через день мне казалось, что или не я совершила то, или этого просто не было. Хотя мясо мы ели еще несколько дней, а Камка разрешила мне покидать кручу, что для других дев оставалось запретом.

Теперь мы ходили вместе с моим ээ по долине, следили за духами и зверьми, он учил меня призывать ээ-тай, стрелять с их помощью и перемещаться. Но главное, что он учил меня делать, это бороться с ним – с самою собой бороться. Это было непросто, и ни разу победить мне не удавалось. Все движения у него были мои. Все приемы, любимые мною, были просты для него, а поймать его на слабости, которую за собой знала, было сложно: для этого надо было стать сильнее и ловчее, чем я была.

Он говорил мне: «Смотри не на то, что я делаю, а на то, что сделаю в следующий миг». Я пыталась так делать, но только скованнее становились движения: я чего-то ждала и всегда пропускала. Тогда двойник говорил: «Не думай» или «Забудь о себе», – но это не получалось совсем.

Многое случилось в те дни на круче, но я не стану тем полнить рассказ. Лишь еще об одном случае не могу умолчать. Вся Очи моя в нем, та страсть, которая всю жизнь не отпускала ее. Через много лет развела нас с сестрой эта страсть, но тогда показаться могла детской ошибкой.

Это случилось на убывающей луне. Воздух, так долго бывший спокойным и чистым, начал мутиться, снег посыпал колючий и резкий, ветер крепчал. Еще утром мы занимались на круче, но ветер стал нестерпимым, и Камка велела укрыться в пещере. Самой же ей надо было спуститься в лес, снять силки и перегнать табун в закрытое место.

В пещере было тихо, но мы понимали, что буря может продлиться несколько дней. Это нас удручало, слабый праздный разговор то возникал, то затихал меж нас.

Вдруг заговорили о наших занятиях с духами. Мы почти не рассказывали друг другу о том, но вдруг принялись вспоминать о мирах, где бывали. Начала Ильдаза. В ее мирах были горы с пещерами, глубокими и разветвленными, по которым она ходила и искала сокровища: руды, камни для красок, драгоценные светящиеся камни и, конечно, *красный цветок* – камешки темно-красного цвета, вечные спутники и предвестники золота, которые кузнецам помогают очищать его и делать тонким листом². Дух учил ее, чтобы потом и в настоящих пещерах эти сокровища ей открывались.

– В кузнечьих станах красный цветок зовут еще кровью грифона, – сказала я. – Моя мать оттуда, я знаю.

– Так и есть: ээ-торзы грифон охраняет золото, – согласилась Ильдаза. – Пока что я не умею обойти его, но мой ээ научит меня этому.

Потом Ак-Дирьи принялась рассказывать о своих путешествиях. Ее дух учил знанию трав и их свойствам. Потому все ее впечатления обладали запахом и вкусом: она не столько видела образы своих миров, сколько воспринимала их вкус.

Очи рассмеялась:

– Готова поспорить, там все реки полны молоком и медом, как на вышнем пастбище, и ты уже не одну из них выпила!

Девы рассмеялись, но Ак-Дирьи надулась. С обидой она спросила у Очи, что та сама видела и делала в мирах у ээ. Та отвечала:

² Киноварь – минерал кровавого цвета, из которого добывают ртуть, используется для изготовления тонкой золотой фольги. Иногда залегает поблизости от золотоносных жил.

– Мне неинтересно лазать, как неразумному дитяти, когда люлька кажется пещерой, а котел – кипящим озером. Я занимаюсь только одним, но не отступаю в этом: я ищу мост, чтобы перебраться на другую сторону Желтого моря, в мир ээ-борзы.

Девы ахнули – оказалось, все встречали это мерзкое море, границу с мирами алчных ээ. Но никто не знал, как перейти его.

– Шеш, Очи! Это опасно, да и Камка запретила, – говорили девы. Но Очи только усмешку скривила.

– То, что требует много сил, даст несравненно больше. А кто боится выйти в тайгу, не будет иметь обед.

– Мне говорили, что ээ-борзы требуют заложника от того, кто решится ступить в их мир, – сказала вдруг молчавшая до того Согдай. Она сидела, потупившись, и лицо ее было болезненным, словно она сама не хотела говорить того, что сказала.

Ильдаза спросила:

– Откуда ты знаешь? Или тоже ищешь пути к вечно голодным духам?

Но та не ответила, и тогда Ак-Дирьи начала насмехаться над ней:

– Нет, то ей открыли духи из стана ее матери. Что, Согдайка, отличаются духи у разного люда? Ты с материнскими на каком языке говоришь? Или по песьи лаешь?

Согдай промолчала. Она была дочерью пленницы, из дальних походов привезенной ее отцом, и красива не по-нашему: глаза чуть раскосые и черные, как у оленухи, черные волосы в нескольких косах, а кожа – нежная, смуглая и с румянцем, как самая ранняя заря. Я любила ее за эту странную, чуждую, но яркую красоту, а еще больше – за твердый дух и кроткий нрав. Однако Ильдаза и Ак-Дирьи не могли простить ей чужеродности, бывало, травили и насмехались над ней. Согдай всегда сносила нападки терпеливо, и я не понимала ее. Она же говорила, что с детства привыкла и научилась не замечать. «Раньше ты терпела. Теперь можешь дать отпор!» – говорила я. «Мать учила меня, что силой добиваются страха, но не любви», – отвечала кротко Согдай.

И хотя я ее жалела, а Ак-Дирьи за злой язык часто ругала, никогда бы не сделала того, что Очи: она кинулась коршуном на Ак-Дирьи, повалила на спину и так ударила в грудь, что дыхание выбила. Потом отошла как ни в чем не бывало и спокойно сказала:

– Ты больше не смеешь оскорблять Согдай. За нее теперь я отвечать буду.

Ак-Дирьи сидела, выпучив глаза, хватала ртом воздух. Но когда прошло это, произнесла вдруг зло, ни к кому не обращаясь:

– Сейчас буря начнется, алчные духи будут метаться по лесу, падших, слабых, заблудших забирать. Самое время жертву им дать. Уж не для того ли Очи бережет Согдайку?

И все мы обернулись к Очи. Она же, казалось, не слышала этих слов, но что-то странное происходило с ней: лицо потемнело, будто тень легла, и жестокая маска отразилась в чертах.

– Помолчи, Дирьи! – сказала я гневно. – Или горячие угли заставлю тебя есть!

Я думала, и других возмутят эти глупые слова, но смотрю: Очи и Согдай глаза прячут. Что-то злое вокруг собиралось. Гнев меня взял.

– Что же вы молчите, как рты зашили? Или вам не дики эти слова? Очи! Согдай! В глаза посмотрите и отвечайте: задумано ли что между вами?

Словно бы в толстый войлок кричала я – не касались слова дев. Медленно, как опоенная дурманом, Согдай на меня посмотрела.

– Не задумано ничего, царевна, – сказала тихо и снова отворотилась.

– А ты что скажешь, Очи?

– В станах детей пугают, чтоб не ходили в тайгу: унесут алчные духи. Мы не дети. Я не понимаю слов Ак-Дирьи, – сказала Очи, но я слышала, что голос ее лжет, и снова гневно воскликнула:

– Забудь, Очи, о том, чтобы в мир ээ-борзы попасть! Нет у тебя сил на то, знаешь сама!

Но тут вспыхнуло у нее лицо.

– Те! Вы трусливые куропатки! Делаете все, что Камка велит, и не думаете! Только много ли вы этим добьетесь? А я сама камка! И в советчиках не нуждаюсь!

И, так сказав, выбежала вон из пещеры, не успела я крикнуть ей вслед: «Очи!»

Тяжело стало. Меня обуяла тревога. Хотя и знала, что Очишка непременно вернется, а все не могла унять ее. Девы на меня смотреть избегали.

Прошло время, и Согдай вдруг сказала:

– Я волнуюсь за Очи. Пойду поищу ее.

– Очишка не дура, сидит где-нибудь рядом, нас слушает и смеется, – сказала Ильдаза. – Сама вернется.

– Нет, я волнуюсь. Там буря, – упрямо ответила Согдай и поднялась, чтобы идти.

– Не ходи одна, – сказала я. – Пойдите с Ильдазой вдвоем.

И, как ни упрямылась Ильдаза, послушаться побоялась: ушли вместе. Совсем тяжело в пещере стало. Я к огню ближе села и стала резать по кости, чтобы хоть как-то от тревоги отвлечься.

Прошло немного времени, раздался шорох из лаза, обернулись мы с Ак-Дирьи – это вернулась Ильдаза.

– Те, какая буря! – сказала она и села к огню, стряхивая с себя снег. – За пять шагов ничего не видать.

– А где Очи? – спросила я. – Где Согдай?

– Разве не приходили? – Она только тут подняла глаза. – Я видела, как вместе пошли по круче, думала, в пещеру.

– Не было их.

– Придут, некуда деться.

Мне не понравилось это. Очень хотела я, чтобы девы вернулись прежде Камки. Но тут снова послышался шорох в лазе, и не успела Ильдаза сказать: «Вот и они», – как в пещеру спустилась сама Камка. Скинула силки у входа, снег с плеч сбила – и одного взгляда на наши лица хватило ей, чтоб догадаться, что у нас что-то стряслось.

– Где они? – спросила, и девы тут же наперебой ей все рассказали: и весь разговор, и про ссору Ак-Дирьи и Очи, и о том, что видела их Ильдаза на круче. «Вернутся сейчас, сейчас вернутся», – беспрестанно причитала она плаксивым голосом, будто ее собирались ругать. Камка не выдержала и огрызнулась:

– Если так боишься, сейчас снова пойдешь их искать, пока за руку не приведешь обеих! Ильдазка заныла пуще, но тут из лаза посыпался снег, и упала замерзшая Очи.

– Одна? – Камка взглянула на нее грозно. Но та словно не слыхала. Ни на кого не глядя, насупившись, подошла к огню, протянула руки.

– Одна? – повторила Камка громче.

– С кем мне быть? – буркнула Очи. Держалась она так, словно не забыла еще обиды, и только пурга заставила ее вернуться.

– Где Согдай? – спросила Камка.

Но Очи только плечом повела, мол, мне-то откуда знать?

Грозным, тяжелым взглядом взглянула Камка на Ильдазку. Та даже взвыла от страха.

– Видела, видела! Своими глазами их вместе видела! От сдвоенной лиственницы уходили. Потому и звать их не стала, в пещеру пошли, думала. С нее спрашивай, не с меня!

– Не видела я Согдай, – хмуро отвечала Очи, и мы все поняли, что она не врет. – Я на утесе под склоном сидела, – добавила, хлюпая носом и потирая слезящиеся от ветра глаза.

– Но ведь я видела! Видела! – закричала пуще Ильдаза, но Камка перебила ее:

– Замолчи, курица! Верим тебе, только не Очи ты видела.

– Очи, Очи! Кто ж еще такой, как она? Ее не спутать!

– Лишь ее чол будет такой же, – ответила Камка.

Но Очи спокойно сказала:

– Не умею я их создавать. Как Аштара рассказала, пробовала, но не вышло. Только ей это, видно, дано.

– Недостаточно сильным желание было. Сейчас же ты очень хотела. Или скажешь нет?

Темным опять стало лицо у Очи. Будто за узду, поневоле ее тянули. Нехотя отвечала:

– Да, думала.

– А про Согдай? Чтобы ее ээ-борзы отдать?

– Н... нет... не помню такого... Нет, не могла я... – Как баран, тяжелой головой Очи мотнула, но в глазах ее появился страх.

– Это глубокие были мысли. Но я вижу их у тебя, – сказала Камка.

Повисла тишина. Мне стало холодно, будто надуло в пещеру ветра. И тут словно до всех одна мысль дошла, и Ак-Дирьи истошно завопила:

– А-а, что же делать! Ээ-борзы Согдайку взяли! Живьем! Очи к ним Согдайку отправила!

– Молчи! – огрызнулась Камка. – Чолам нет хода в миры ээ!

Тут Очи вскочила и дернулась к выходу. Но Камка перехватила ее за руку.

– Раз по моей вине это случилось, мне ее и искать! – крикнула Очи, выкручивая руку и пытаясь освободиться.

– Сейчас ее не глазами искать надо. Убирайтесь подальше, буду сама ее звать, – сказала Камка, быстро стала снимать котел с огня, а мы на нее, оцепенев, глядели. – Рты зашейте и тихо сидите. Куда я пойду, не следите, кого звать буду, не слушайте. Рано вам, и так слишком смелые стали.

Мы разошлись к стенам, а Камка села у огня и принялась сзывать духов. Скоро своды наполнились ими. Медленно они кружили над ней, но не приближались. Ильдаза и Ак-Дирьи друг к дружке прижались, вокруг не смотрели, но я не могла оторвать глаз от мрачного кружения духов под сводом пещеры.

Только стала я замечать, что есть другие ээ, которые не к Камке, а к Очишке слетаются. Я тихонько подсела к ней:

– Зачем это делаешь? Думаешь, не заметит Камка?

– Не мешай, царевна, – отмахнулась Очи. – Мой чол Согдайку увел, мне ее и находить. Камка меня долго еще в скорлупе держать будет, ей не нужен второй кам рядом! Отойди, Ал-Аштара.

Сказав так, она меня оттолкнула. Мне не понравились ее слова. Тут я заметила рядом моего ээ.

– Очи власти хочет, силы хочет, – сказал он.

– Я боюсь за нее. Камка Согдай по имени искать будет, а Очи как?

– Она хочет от чола узнать, куда отвел деву. Смотри, Аштара: Очи давно с алчными духами общения ищет, если согласятся сейчас взять жертву, которая сама к ним попала, что она ответит?

– Не посмеет отдать Согдай!

– Очи не жалеет людей. Пока мала ее сила, сама, как алчущий дух, ее кругом собирает.

– Но живого человека отдать духам! Не верю, чтобы Очи на такое пошла!

В это время ээ с шумом наполняли пещеру: одних Камка посылала искать Согдай, других – Очи. Обе закатили глаза и сидели как в обмороке.

– Я хочу следовать за Очи, – сказала я твердо. – Я не допущу ее к ээ-борзы.

– Будь по-твоему, – только и ответил мой ээ, и все потемнело передо мной.

Я тут же увидела, где блуждает Очи. Без верха и низа, без четырех направлений – голубоватое пространство, как бы теплым густым костным клеем полное. В нем проплывали шары,

точно пузыри в кипящей воде. И Очи была в одном из них, и ее ээ – крылатая рысь – рядом. Я поплыла за ними.

Тут открылся берег Желтого моря, над которым смрадные испарения не проходят. И прямо перед Очи вдруг упал на другую сторону мост. Тонкий, тоньше человеческого волоса. А на середине его, в таком же шаре-пузыре, – Согдай, бледная, как будто бы неживая. И я поняла, как и Очи в тот момент понимала: если отдаст она им Согдай сейчас, не рухнет мост, перейдет она в мир ээ-борзы духов и получит над ними власть.

Хотела я броситься к Очи и остановить ее, но все во мне слово оцепенело. И царь мой твердил: «Действуй, действуй, Ал-Аштара», – но я не могла сделать ни шага, поверить не могла, что отдаст живого человека алчным духам моя Очи.

А она колебалась. На берегу Желтого моря стояла и не делала шаг. Я у царя спросила:

– В их ли власти уже Согдай?

– Нет. Жива пока. Но кружат вокруг алчные и не пустят других духов, чтобы имя процвет и ее найти. А когда замерзнет, достанется им уже без воли Очи.

– Что может отвлечь от нее алчных?

– Только живая кровь.

– Хорошо, – я сказала и, сжавшись, вернулась в пещеру. Потом быстро, пока не заметил никто, выскочила вон, в бурю и ветер, поднялась на кручу, сжала в левой руке лезвие кинжала – и дернула из кулака, разрезав кожу. Пусть идут, думала, малое пусть возьмут, но большого не получают.

Страх не было во мне. Сомнений не было. Лишь о том, что я вождь и жизнью своей, как учил отец, за людей отвечаю, – лишь об этом я помнила в тот момент.

В кругу алчных духов я стояла, как камень в водовороте, стояла и не подпускала их близко. Видела, как выскочили Камка и девы вон из пещеры и стали спускаться с кручи – значит, открылось им, где Согдай. И только когда царь мой сказал, что нашли ее и несут обратно, я стала медленно отступать, – но как вернулась в пещеру, не помню.

Согдай живую нашли, только померзшую. Под кручей она была, с тропы упала. Как с кручи ушла, не помнила. Что за Очи ушла, не помнила тоже. Несколько дней она пролежала в пещере, не вставала. Камка ушибы, раны да померзшие места мазала мазями и жировыми притирками. Нас наказала: ээ запретила к нам подходить и много работы нашла. Не разгибая спины, с утра мы трудились: дрова рубили, на кручу таскали, за Согдайкой ходили, пещеру убирали, из шкур, что скопились у нас, одежду шили... И только когда поправилась Согдай, услышали мы утром знакомое «дон-дон-донн», призывающее к учению.

Но подошло время, в один вечер собрала нас Камка и сказала:

– Девы, сзывайте духов, будете танец Луноликой матери танцевать.

Весело сказала, но мы удивились: неужели кончается наша жизнь на круче? Не верилось, что уже походим мы на дев-воинов, живущих в чертоге.

Но мы созвали духов. В первом обличье, как барс, пришел ко мне царь. И я поняла, что, верно, кончилось учение.

И Камка начала танец. Что скажу я о нем, если в первый и последний раз его тогда танцевала? Уйдут девы-воины, и кто вспомнит его? Как взмывали девы, к Луне вознося оружие, – и вокруг них сонмом ээ кружили. Как скользили по земле, с тенью своей сливаясь, – а за ними вихрь ветра кружил. Как собирались вместе, а потом распадались, как стелились змеею, скользили лаской, кидались барсом, как нежны, как порывисты, как яростны и прекрасны девы люда Золотой реки, Луноликой себя посвятившие, – о том был их танец. Вся память люда, от Золотой реки пришедшего, к Золотой реке стремящегося, была в тех движениях, – кто после нас вспомнит о том?

Без сил попадали мы на землю, окончив танец. Не могли подняться на ноги, пот рекой катил, пар, как с коней, шел.

А Камка сказала:

– Вы научились многому, девы, и, вернувшись в станы, увидите, как от других отличаетесь. Но большее впереди. Вы уже принесли обет Матери, однако здесь легко его было хранить. Но Мать добра: не хочет отнимать жен у люда. Поэтому теперь вы вернетесь и станете прежней жизнью жить. Три луны дает вам Мать, за это время назад можете вернуть обет. Честно на себя взгляните: хватит ли твердости жить той жизнью, что Лунолика требует? Через три луны, кто останется верен, вернутся сюда. Остальных я не буду ждать.

С удивлением мы внимали Камке. Как будто уже позабыли, что жизнь другая, стойбищеская была у нас. Помню, одна мысль в голове у меня билась: «Пройдя полдороги, кто повернет назад? Найдя коня рослого, кто на конька сменяет?»

– За три луны найдите мастеров, кто вам сделает оружие, – продолжала Камка. – Сейчас на моих коньках уйдете, в станах же боевых коней получите и сбрую, достойную воина. И помните: сейчас обет можете возвернуть, после трех лун лишь с вашей смертью он к Матери вернется.

Невольно мы все отвели глаза. Больше не прибавила ничего она, спать отпустила.

Утром не от гула я проснулась – Камка меня за плечо тронула.

– Не спи, Аштара, вождь меньше других спать должен, – сказала, улыбнувшись. Ее лицо я различала смутно – темно было в пещере, и очаг почти не горел. Я села. – С тобой как с вождем пришла я говорить. Время в стане тяжелым будет для вас. Хоть сейчас вы хотите быть верными обету, не все выдержат его. В стане соблазнов много: ласки родных, слава, лесть и зависть подруг, да и чувство, что всех вы несравненно сильнее. Обильная пища, разговоры и игры, молодые парни, зимние посиделки. Если всех дев хочешь с собой в чертог привести, стать должна им близкой. Чем меньше девы от тебя в сердце сокроют, тем больше своей доле повесят. Они боятся ее сейчас, Ал-Аштара.

– Зачем же нам уходить? Оставь нас здесь, не будет соблазнов, не отрекутся от обета девы!

Но она только улыбнулась тепло, как никогда до того на меня не смотрела.

– Нет, Аштара. Тот, кто не знает жизни, не станет воином. Потому об Очи хотела просить: возьми ее к себе в дом. Если сейчас со мной уйдет в лес, так и останется лесным зверем.

Я не успела ответить – она отошла неслышно, и через миг пещеру наполнил гул: «Дон-дон-донн».

Глава 9

Мужчины

Не пять дней занял наш путь назад, а больше. Дорогу мы не узнавали – угадывали, плу-тали и сбивались. Но вот облик гор показался знакомым. Мы принялись понукать лошадей, и уже пошли по плечам той горы, на которой посвящение принимали, спустились к реке, а после и родные места узнали. «Йерра! Йерра!» – завизжали мы, коньков принялись хлестать и скоро спустились в долину царского стана. Тут велела я девам коней придержать, и неспешно, с достоинством поехали мы к золотой царской коновязи.

Собаки лай подняли, люди крик подняли, как увидели нас, из домов выходить стали. Кто просто глаза на нас ширил, кто руками махал, а ребятишки, особенно девочки, бежали за нами: «Луноликой матери девы! Луноликой матери девы!» – кричали. Подруги мои огля-дывались, кому-то отвечали, но я по сторонам не смотрела, ехала к царю, чтобы его привет-ствовать первым.

Он ждал нас. С ним рядом стоял мой холостой младший брат Санталай, другие же, пятеро взрослых мужчин, понукая коней, из всех концов стана на гору спешили. По шубам отца и бра-тьев я поняла, что не знали они о нашем приезде, не были готовы – простые, не праздничные шубы были на них.

Мы подъехали к дому, спешились. Отец смотрел на нас как на чужих. Я подошла, робея, на одно колено опустилась и молвила:

– Люда Золотой реки отец, белого скота хозяин! Мы, посвященные Луноликой матери девы, прибыли к тебе. Верных воинов ты видишь перед собой.

– Ты ли вождь этих воинов, дева? – спросил отец голосом, каким говорил с иноземцами. Я быстро на него взглянула – нет ли улыбки? – но тут же опустила глаза.

– Я, царь.

– Не мне принимать вас, – сказал он. – В чертоге вам жить.

– Нет, царь, рано нам идти туда, не окончено наше посвящение. Три луны нам в станах с людом жить. Таково веление Камки.

– Поднимись, дева-воин, – сказал тогда отец. – Что вашего посвящения касается, не нужно мне знать. Назови своих воинов.

Я назвала дев, они по очереди опускались перед отцом на колено. Только Очи замешка-лась, и отец чуть дольше в нее вгляделся. Я сказала, что это лесная дева, и просила разрешить ей пожить с нами. Отец кивнул и отпустил всех.

Мы вошли в дом. Вокруг очага уже были расстелены ковры, мамушка на скорую руку мешала тесто для лепешек. Служанки растирали кориандр, и его драгоценный пряный аромат разливался по дому. Братья хотели садиться, но отец к очагу не подошел, а снял со стены расписной дорогой горит с железными стрелами, Санталаю что-то коротко сказал и вывел меня из дома.

Недоумевая, мы потянулись за ним, обошли дом. Оттуда был виден спуск с холма и открытое поле, на нем боевые, подседельные отцовы кони гуляли зимой. Белая, под скат идущая пустошь, до чернеющего со всех сторон леса – лет стрелы.

Тут прибежал Санталай и принес клеть, а в ней – живой заяц. Его, верно, на петлю только в тот день поймали. Отец молча отдал мне горит, а брату кивнул – и он открыл клеть.

Заяц мешком вывалился из нее, но тут же встрепенулся и большими скачками пустился по пустоши. Под горой кувыркнулся через себя и еще сильнее припустил. А отец и все братья на меня молча тяжело смотрели.

Ни о чем в тот момент я не думала. Все движения быстры и точны были, хотя самой казалось, как во сне все делаю, через силу. Медленно-медленно открыла горит, извлекла лук,

прижала на колене и натянула тетиву. Медленно-медленно достала стрелу, вложила и в белую пустошь вслед за зайцем пустила – и ээ-тай с нею.

Вскрикнула стрела, и словно я сама с ней полетела. Вмиг настигла она зайца. Всем нам хорошо было видно с холма, как в прыжке она его поймала, как от удара отлетел он в сторону и замер.

И тут братья закричали в голос, а Санталай подпрыгнул и кубарем побежал с холма. Старшие меня окружили, как парня хлопали по плечу, хвалили, называли меткой. А я словно проснулась – и только тут осознала, что произошло. Подошел и отец, обнял за плечи, тепло посмотрел, будто только сейчас признал, и сказал:

– Думал я, шестеро сыновей у меня да дочь, что нарожает внуков. Но ошибся: семь у меня сыновей. Видите? – обратился он к братьям. Санталай как раз принес зайца, насквозь пронзенного стрелой, это вновь вызвало крики и похвалы. – Видите: брат ваш младший, с нами на равных сидеть будет.

– Э, Санталай, ты теперь жениться можешь: не тебе наследовать отцу, есть у нас младшенький! – пошутил брат Бортай, и все засмеялись.

У нас было принято издревле, что младший сын наследует отцу и до того не может жениться. Только чтобы женщина наследовала, такого не бывало, и мне не понравилась шутка. Да и Луноликой матери девы, в чертоге живя, не получают наследства. Отец тоже сдвинул брови, но ничего не сказал и пошел в дом. Там отдали зайца служанкам, а сами расселись вокруг очага. Братья переговаривались, хвалили мой выстрел, а я впервые сидела с ними как равная и очень гордилась тем.

Только вдруг вспомнила про Очи. Она села у двери, не решаясь ступить на цветной войлочный ковер. Верно, впервые была под крышей и видела все в первый раз. Тепло, запах дыма и кориандра подействовали на нее, как Камкин дурман. Я стала подзывать ее, но она не шла, будто не слышала. Я догадалась, что она еще никогда не видала близко так много мужчин и стесняется.

Мамушка уже доставала из казана вареную баранину, вылавливала кипящие в масле лепешки. Служанки принесли сосуд с хмельным молоком и блюдо с лакомством – кедровым орехом в меду. Еще поставили пустое блюдо на ножках, туда насыпали благовоний и залили теплой водой. Терпко, приятно запахло. Братья стали макать руки в воду, брать лепешки и мясо. Веселый разговор начали, все обо мне да зайце. А Очи голодными глазами глядела, но не подходила. Тогда отец сказал:

– Воин-дева, сядь с нами. Ты и гость нам, и не чужая.

Служанка положила на месте гостя набитую травой подушку. Крадучись, Очи все-таки подошла и села. Как мы, скрестила ноги, но ни на кого не смотрела и боялась шевельнуться, как замороженная. Я не знала, говорила ли Камка ей про наши обычаи. Учить ее при всех не решалась, только пыталась подсказать, чтобы за мной повторяла. Левую руку сначала опускала в воду, потом, стряхнув капли, брала мясо и хлеб. Так воины едят: в правой руке только чаша может быть, она должна оставаться всегда свободной и чистой, чтобы в любой момент схватить кинжал. Замужние женщины наоборот: они левой рукой дитя у груди держат и едят правой. Дети же до посвящения едят как хотят, хоть обеими сразу, им никто ничего не скажет.

Смотрю – она правой рукой тянется. Я страшные сделала глаза – Очи поняла и отдернула руку.левой потянулась, но опять сразу к мясу. Тут средний брат, Истай, что ближе к ней сидел, поставил ей чашу с водой. Очи вспыхнула, резко опустила руку в чашу, разбрызгала воду, а потом, еще с пальцев капало, – к мясу опять. Я не стала уже ее поправлять, после привыкнет. Она мясо взяла, откусила, в правую руку переложила и потянулась за лепешкой. Но воины так не едят, лишь детям можно сразу несколько кусков брать, а воин жадным или голодным за трапезой себя показать не должен. Но не успела она хлеб схватить, как услышала за спиной шушуканье и смешки. Вспыхнула, резко обернулась – служанки прыснули друг от дружки.

– Шеш, белки! – прикрикнула я на служанок. – Зайцем займитесь, дела вам нет, глазами стрелять. – Я поняла, над чем они смеялись: не было у Очи узоров на подошве. Очи догадалась тоже, смутилась и поджала ноги, чтоб не показывать своих грубых сапог. Мне стало жалко ее, всегда такую смелую. – Не волнуйся, сестра, – обратилась я к ней. – Я тоже в первый раз со взрослыми сама взрослая сижу, заново всему обучаюсь. Ты не бойся, что не знаешь чего-то. Будем вместе учиться, нам теперь в стане жить. И братья помогут.

– С такими учителями, дева, быстро станешь своей! – воскликнул Санталай, и все засмеялись. Очи взглянула на него мельком, но уже смелее. Теплым ветром меж нами подуло.

После трапезы стали братья собираться, стали нас с Очи с собой звать. Все хотели похвалиться перед соседями, какая у них сестра. Но Санталай сказал:

– Те, надо ли девам с вами сидеть! Им к молодым надо. Пойдем, сестра, со мной, молодежь в доме Антулы-вдовы собирается. И лесную деву с собой бери, пусть на стойбищенских парней посмотрит.

Очи вспыхнула от этих слов, и глаза ее засветились.

– Отпустишь знатных гостей, отец? – обратился к нему Санталай. Тот смотрел на нас задумчиво, оглаживая бороду, и не ответил брату, только кивнул. – Пойдем, сестра, – сказал Санталай, понизив голос, и подмигнул мне. – Пока царь думу в глазах держит, лучше убраться с глаз долой.

Антула была еще молодой женщиной и без детей. Два года она вдовела, но к брату мужа не шла, чтобы второй женой ему стать: мужа Антулы забрали духи – ушел он на охоту и не вернулся. Такая смерть не считается смертью, Антула хоть без мужа жила, а к брату его идти не могла. Как бы зависла она, ни туда, ни сюда не сдвинуться, пока духи мужа не отпустят или не откроют, где его кости. К Камке обращалась она, но та сказала: «Сама духов прогневала, как хочешь живи». А как одной женщине жить? Вот Антула и пускала к себе в дом молодежь. Тем все равно, где собирать зимние посиделки, а заодно Антуле помогали: нитки вместе сучили, еду, подарки приносили. Тем и жила.

Все это нам рассказал Санталай по дороге. Очи слушала молча, словно неинтересно ей, больше оглядывалась по сторонам. Я тоже радостно смотрела на знакомые дома, слушала скрип снега под конскими копытами, вдыхала жгучий воздух. Ночь была морозная, тихая, звездная, в самое небо поднимались дымы с крыш. Снега было много, и тропы протоптаны меж домами – сразу видно, кто дружен с соседями.

Вдруг скрипнула дверь, красный свет упал на снег, со столбом пара выскочил малец, как по дому бегал, в одной рубаше из материнной юбки, проскрипел босыми ножками к углу, отвернулся, быстро помочился – и вприпрыжку кинулся обратно. «Ать! Ать!» – как собак науськивая, ему вслед прокричал Санталай. Мы хохотали с братом, а Очи с удивлением на нас глядела.

У коновязи возле дома вдовы было уже несколько лошадей. Брат заулыбался, узнавая по ним друзей, спешился, пошел к дому. Мы – за ним.

Парни и девушки, все свободные воины, сидели там, не соблюдая мест у очага. Антула, одна среди всех в юбке, как замужняя, меленкой терла зерна в муку. Лицо ее было намазано белым, и под черным париком казалось особенно бледным, болезненно серьезным и словно застывшим. Все другие смеялись, волной смеха и нас окатило, как вошли.

В этот момент охотник Ануй рассказывал, как с другим парнем, тоже тут сидевшим, ходил зверовать. Показывал, как тот на четвереньках, утопая в снегу, подползал к удобному для выстрела месту. Ануй изображал это, опираясь на руки и высоко задрав зад, двигался медленно, как беременная самка яка. При этом делал такое лицо, будто несет в зубах горит, и держит голову как можно выше. Выглядело это до того нелепо, что все давились от смеха.

Охотник-растяпа, весь красный, тоже смеялся, и мы, войдя, не удержались от хохота. Все к нам обернулись.

– Легок ли ветер? – приветствовал Санталай собравшихся, прошел к очагу, опустился на колени и коснулся сначала остывшей золы, а потом – кончика носа. – Добрый огонь, – сказал, улыбнувшись хозяйке.

– Грейся, гость, – ответила Антула. Голос ее был низок и тягуч. – Кого ты привел?

– Ал-Аштара, моя сестра, – сказал он, обернувшись к нам. – Очи – ее воин. Это девы Луноликой, с посвящения сегодня спустились.

– Легок ли ветер, легкий ли ветер? – заговорили все, приветствуя нас. Смотреть стали с удивлением и так, будто видели не только Очи, но и меня впервые, хотя некоторых парней, друзей брата, я знала.

– Добрый огонь, – отвечала я, приветствуя очаг. Очи не двигалась с места, молча смотрела на все.

– Луноликой матери девы – большая честь, – сказала хозяйка. – Счастье, говорят, приносят они, посетив дом. Никогда не видала я их близко, честно признаюсь. Проходите, будете почетными гостями.

Я смутилась – Луноликой матери девы и правда не придут на посиделки. Мне не хотелось, чтобы брат представлял нас так, но отступать было некуда. Я прошла к очагу и села. Но только успела сделать это, как Ануй, злой на язык, спросил:

– А что же дева твоя так и будет в дверях стоять? Или это страж твой? Или лошадь, к коновязи привязанная?

Люди засмеялись. Я обернулась – Очи стояла у двери. Я догадалась: она помнила о своей неукрашенной обуви и стеснялась. Что стало с моей смелой девочкой, дивилась я! В лесу она бы уже отлупила задиру Аную, но сейчас стояла, потупившись.

– Эта дева – великий охотник и воин. К тому же ей духи назначили долю стать камкой. Я бы остереглась ее дразнить, зубоскал! – сказала я.

– Из каких же земель привели ее духи? – продолжал, однако, Ануй, ничуть не испугавшись. – И одета не как мы, и говорить не умеет. Уж не из темных ли она? Верно, кто пленил ее в дальнем походе!

Все захохотали, Ануй явно был заводилой. Один Санталай не смеялся, сидел растерянный, смотрел на меня, будто просил прощения. Дев, кто с нами посвящался в этом году и знал бы Очи, не было в доме. Она же молчала, даже не поднимала голову. Я начала злиться.

– Она нашего люда. На ней камская одежда. Не тебе судить о ней, горе-охотник!

– А почему же тогда... – хотел он продолжить, но его прервала Антула:

– Шеш, Ануй! Хватит! – и все замолчали. – В моем доме и так достаточно бед, чтоб еще осмеивать камов, – сказала она, поднялась с места и подошла к Очи, протянув ей на ладони золу из очага. – Легок ли ветер, гостя? – сказала мягко. – Грейся у моего огня.

Очи подняла глаза, посмотрела на золу на ладони, метнула на меня быстрый взгляд – так ли она поняла? Я кивнула, и тогда она коснулась пальцем золы и поднесла к кончику носа.

– Доброго огня тебе, – ответила. И вдруг глянув быстро в глаза Антулы, тихо добавила: – Скоро перестанут скрытничать духи.

Как молния попала в Антулу – такое лицо у нее стало. Все притихли: никто не знал, что история вдовы известна Очи. И я смотрела на нее, не понимая, отчего так сказала. Не заметила я, чтоб она советовалась с духами.

Придя же в себя, Антула за руку, как дорогого гостя провела Очи к очагу и усадила на лучшее место. Поставила блюдо с лепешками, хмельного молока налила, смолку дала, чтобы жевать. Очи увереннее стала смотреть, а все притихли, не зная, что теперь говорить или делать. Молчал даже Ануй.

Тут, когда уже тяготить всех стало молчание, открылась дверь, и вошел статный воин.

– Легок ли ветер? – сказал он громко. – Так тихо у вас, будто нет в доме гостей, – и, приветствовав очаг, сел. – Я встретил Бортая, – обратился он к Санталаю. – Он сказал, что ты повел к Антуле чудных гостей. Вот и пришел посмотреть, каковы они, Луноликой матери девы. А лесных дев вообще не доводилось встречать. Зверей, птиц, духов видел, а девы в лесу не попадались. Уж если б попались, я бы не пропустил!

Все засмеялись шутке и оживились. Санталай стал представлять нас с Очи, но я уже узнала этого воина: то был Талай, вождь линии всадников, он не раз приходил к отцу, и я встречала его в доме. Но в те дни, когда была ребенком, я будто и не замечала его, не выделяла среди других просителей у отца. Теперь же, как он вошел, мои глаза приковало к нему, и я словно увидела его заново. У него было сухое лицо, темное от солнца, буро-рыжие волосы в длинной косе и карие глаза, они смотрели спокойно и с интересом, но на дне их играла улыбка. Держался он очень прямо, не как обычно конники, сутками не покидающие седла. Согревшись, он скинул шубу с одного плеча, и стали видны рисунки, которыми он был отмечен: конь на лопатке скакал, вздымая копытами в небо. Когда он опустил на меня глаза, приветствуя, я не смогла удержаться и потупилась, как обычная дева, внутренне порицая себя: он показался мне очень красивым в тот момент.

– Ты меня не видел, а я тебя знаю, – сказала тут Очи, отвечая Талаю.

– Неужто? Чем же привлек я лесную деву? – улыбнулся он.

– Тем, что песни громко поешь, как по лесу едешь, – отвечала она, и все засмеялись, как веселой шутке. Талай улыбнулся.

– Да, правда, как станет легко на душе, так пою. Но не думал, что громко. Ты что же, с дерева за мной, как рысь, следила?

– Те, за тобой не надо следить! И так слышно, когда ты в тайгу едешь. Добрый ты охотник: заранее о себе предупреждаешь зверье!

Все снова смеялись, и Талай усмехнулся, глядя в огонь.

– Ему не охотника долю достали духи, – вставил слово Ануй. – Он у нас конеправ. Он, верно, и в лес для того ходит, чтобы зверей лечить. Правда, Талай? Часто тебе оленей править приходилось?

– А, помню! – сказала Очи. – Ты посвящался четыре года назад. Камка тогда сказала, что для всего люда ты дар от духов, таким лекарем станешь.

– Сколько сладких слов о себе слышу, – пробормотал Талай, не поднимая глаз. – Как бы плохо от того мне не стало. Я же вот слышал, что Луноликой матери девы – сильные воины, – сказал вдруг, посмотрев на нас в упор. – Слышать слышал, а видеть не приходилось. Правда это, что нельзя вас в бою победить?

– Те, Талай, ты будто не знаешь: все девы – непобедимы, пока замуж не выйдут, только каждой хочется, чтобы кто-то из парней ее побыстрее победил, – сказала какая-то, и все опять рассмеялись.

– Нет, – протянул растяпа-охотник, о котором говорил Ануй. – Луноликой матери девы другие: у воинов сила в поясе, а девы как для мужа пояс снимут, так силу теряют. Только у дев-воинов от безбрачия пояс с ними срастается. Оттого такие злобные они, говорят!

Парни и девушки снова принялись хохотать. Меня смутили эти шутки, я не знала, что ответить. Санталай заметил, что не по нраву мне такой разговор, и сказал:

– Я видел сегодня, как Ал-Аштара убила зайца одной стрелой, когда он был на другом конце поля.

Но людей уже трудно было остановить.

– А что же она его так далеко упустила? – крикнул кто-то, и все опять хохотали.

Тогда я сказала в сердцах:

– Вижу, что у вас нет добрых слов для новых людей. Что ж, мы готовы себя показать. Выходите, кто желает бороться с Луноликой матери девой!

И все сразу притихли. Я смотрела на них гневно, но и парни, и девушки – все отводили глаза. Потом кто-то проговорил несмело:

– Не гневайся, царевна. Мы верим в вашу силу, мы просто шутим. Чем еще, как не шуткой, зимний вечер полнить?

– Нет гнева во мне, – отвечала я спокойнее. – Но раз сомневаются люди, можно им доказать.

– Не то сейчас время, чтобы устраивать скачки, – сказал Талай. – Но я хочу увидеть тебя на коне и состязаться с тобой. Вызываю тебя на скачки в праздник весны. – И с улыбкой посмотрел мне в глаза.

Я смутилась. Я знала, что Талай был лучшим всадником, в скачках приходил всегда первым, а если не скакал сам, мог точно сказать, которая лошадь победит. О нем говорили, что дух лошади вместе с ним родился. Я же никогда не была легка на коне, никогда не чувала тягу к скачкам. Я смутилась и отвечала тихо:

– У меня еще нет своего коня.

– Я помогу тебе выбрать, – ответил Талай. – И помогу приучить к седлу. Есть время до праздника.

Люди зашумели, недоумевая от таких слов, я тоже удивилась, но согласилась. Он тут же протянул мне руку, и мне оставалось только ударить по ней своей рукой. Будто бы что-то вспыхнуло во мне в этот миг. Маленькой и худой показалась мне собственная рука. Поймала я себя на мысли, как хорошо, что не придется мне бороться с таким сильным воином. Но тут же устыдила себя: дева-воин может победить любого врага, даже сильнеешего, так учила нас Камка.

– Далеко отложил ты состязание, Талай, – послышался тут чей-то голос. Из угла поднимался парень, до сих пор сидевший молча. Он казался старше всех, кто здесь собрался, его голос был сильным, но говорил как бы с ленцой. – Праздник весны еще нескоро. А девы уже сейчас хотят, чтобы их испытали.

Ничего дурного он не сказал, но чувство от его слов было как от непристойных. Раздались приглушенные смешки, но все тут же притихли. Он вышел к очагу, переступая через ноги сидящих. В его глазах мне показалось что-то неприятное, скользкое, как только что пойманная рыба.

– Не будем откладывать. Кто из вас будет со мною бороться? – спросил он и скинул шубу со второго плеча.

Он был сильным воином, с широкой грудью и большими руками. От кисти до локтя на его правой руке был нарисован волк, терзающий горного барана. При этом орел отнимал добычу у волка. Такой рисунок показался мне странным: в самом его хозяине был, верно, раздрай. На груди его белели шрамы от медвежьих когтей. Шапку он уже снял, но по шубе, сшитой из шкурок соболя, отороченной бурыми лапками лис, я догадалась, что он охотник: только они такие шубы могут носить, так как много пушнины бьют. Волосы у него были гнелые, как у коня, собраны в тугую косу, а на лбу выбриты – тоже знак охотника. Глаза были маленькие и острые, как у куницы, и что-то в них меня оттолкнуло. Мне не хотелось биться с ним, но сама вызвалась. Только не успела я подняться, как вскочила на ноги Очи и твердо сказала:

– Я буду, – а после кинула на меня насмешливый взгляд, как, бывало, на круче, когда побеждала в борьбе: сиди, мол, царевна, на своем месте.

– На снегу будем бороться или здесь? – спросила она.

– Идем на снег, – ответил охотник. – Мы Антуле дом ломаем. Пожалей бедную вдову.

Я глянула на нее в этот момент – она поднялась с места и выглядела испуганной. Позже я узнала, что охотник (его звали Зонар) был в те дни самым частым гостем у Антулы, так что поговаривали уже, что он заменяет ей мужа.

Вышли к коновязи, кинули на снег кусок грубого войлока, вынесли жировые светильники и горящие палки. Противники встали, а мы их окружили. Одна Антула осталась в проеме двери, зябко кутаясь в шубу, и смотрела издали.

Лишь скинул охотник оружие и спокойно, с самоуверенной насмешкой во всей расслабленной позе встал напротив Очи, как она, не издав ни единого звука, наскочила на него. Не все даже успели это заметить. Но охотник заметил, в последний момент присел, и удар прошелся вскользь по плечу. Тут же хотел он Очи перехватить под коленку, но она будто от него самого оттолкнулась и прыгнула, как научилась у Камки, – словно взлетела, даже будто замерла на миг в воздухе. Все ахнули, а она уже приземлилась сзади охотника. Он тут же развернулся и шагнул к ней.

Зонар боролся холодно, не упуская ни одного движения, не удивляясь необычным приемам Очи. Он словно хотел ее измотать. Очи тоже старалась быть равнодушной к исходу битвы, но ярость вырывалась из нее, как кипящая вода из полного котла. Она боролась молча, лишь иногда взвизгивая, пытаясь его испугать. Я видела, что она дралась еще вполсилы, будто проверяя, с кем имеет дело. Охотник тоже больше кружил. Люди вокруг распалялись, кричали и подбадривали – больше Зонара, чем Очи.

– Ты совсем не волнуешься за свою деву? – услышала я над собой. Это был Талай. – Зонар – сильный воин, он не раз побеждал в поединках. К тому же он старше.

– Почему же он здесь? Почему не женат?

– Он говорит, духи ему запретили жить домом, пока не сделает он чего-то – я не помню чего. Он бродяга, Зонар. Летом не появляется в станах, высоко в горах его охотничьи места. Зимой спускается, чтобы выменять пушнину. Думаю, он не спешит выполнить условие духов, ему по душе жить одному.

Охотник-бродяга. Мне показалось, что я слышала о нем. Говорили, он охвачен каким-то ээ, даже зимой охотился только в одиночку. И хотя своего хозяйства не имел, все считали его богачом, так много пушнины он мог набить.

Я стала пристальнее вглядываться в него. Духа, его пленившего, я не видела. Но и ээ-помощника не удалось мне рассмотреть. Охотник был пуст, как до посвящения. Я не могла понять, как возможно такое. Чтобы проверить, я взглянула на Очи, но ее крылатая рысь была рядом.

Тут закричали сильнее, и я опомнилась. Зонару удалось сбить Очи с ног, и он уже готов был придавить ее, как она, изогнувшись вся, опираясь на предплечья и ступни, выбросила одну ногу вверх, целя в голову, и тут же вскочила. Зонар отпрянул, кровь брызнула на снег из разбитой губы. Люди закричали, парни бросились останавливать бой, раз кровь показалась. Очи была готова драться дальше. Ее оттащили.

Стали спорить, кто победил. Одни говорили – Очи, она закончила поединок кровью. Другие – Зонар, он повалил Очи. Спросили их, что думают сами. Очи отерла лицо снегом и сказала глухо:

– Я не знаю ваших обычаев.

Зонар жевал снег и сплевывал кровавую слюну. Из разбитого носа текла кровь, но зубы остались целы. Он долго не отвечал, потом, отплевавшись, натянул шубу и молвил – и теперь голос его был не ленив:

– Луноликой матери девы – крепкие воины. Я рад, что испытал это. Не знаю, кто из нас победил. Но знаю, что ей больше нужна моя победа, как кобылице – усмирение.

И он метнул на Очи взгляд. Она вспыхнула, порывисто подхватила шубу и нож с земли, взяла свою лошадь и умчалась.

– Те! – словно с досадой, но между тем усмехаясь, сказал Зонар.

Возбужденные боем люди вернулись в дом. Снова расселись вокруг очага, но теперь говорили только о поединке. Зонар же сел в свой угол и не принимал участия в разговоре. Я видела, как Антула подала ему чашу, но он с такой усмешкой взглянул на нее, что, хоть ни слова не проронил, вдова отошла как обруганная. Он развалился на подушках, но шутки больше не веселили его, больной рот мешал жевать смолку. Скоро он поднялся, натянул шубу и ушел, ни слова никому не сказав.

Мне тоже уже не в радость было сидеть в этом доме. Все думала об Очи, куда она ушла. Надеюсь, конечно, что вернется в дом к отцу, но она слишком была своенравна. Могла и в лес убежать. Потому, распрощавшись со всеми, я ушла. Поднималась выюга, и я все оборачивалась: вдруг откуда-нибудь вынырнет моя Очи, вдруг ждет меня, в дом не решаясь ехать. Но не было никого, лишь тьма. Только собаки изредка взлаивали на выюгу, пугая бродячих ээ.

Дома Очи не оказалось. Отец спал на своем ложе открыто, как полагается неженатому воину: толстые войлочные занавеси давно были убраны от его постели, давно он уже вдовел. Мамушка дремала у очага по своей привычке. Сколько помнила я ее, она редко ложилась. Если кто приходил или головешка падала, она просыпалась, поправляла огонь, не надо ли чего, спрашивала. Я ей улыбнулась, махнула, чтобы спала дальше, и к своей постели пошла.

Ее никто не трогал с того дня, как я ушла на посвящение, никто детской соломенной занавеси не убрал, и я, подойдя, остановилась, не решаясь ее сдвинуть. Вспомнилось мне, как хорошо спалось за нею, как проникал в щели свет очага, а проснувшись, лежала я и подсматривала, как служанки хлопочут, нюхала запахи и улыбалась тому, что мне их видно, а им меня – нет. Забавно так становилось, будто щекотал кто-то нежно. И смеялась я сама с собой.

Вспомнилось это, и так дорого мне стало собственное детство, что не стала снимать занавесь. Еще хоть ночку посплю как дитя – так я решила и юркнула за нее. Там шкуры лежали, подушки мои душистые, набитые травами. Растянулась я и заснула вмиг, родным уютом успокоенная.

Только вдруг проснулась. По дому ходили тени, и слышался глухой шепот Санталай: «Вот тут, бери, клади там. И это, да». Выглянула я в щель: три фигуры в углу для гостей постель клали. Одна – Санталай, другая – мамушка, а третьей оказалась Очи.

– Шеш, что делаете? – позвала я шепотом. Они обернулись, а я махнула Очи: – Иди сюда. Спи здесь, обеим хватит места.

Они подошли все вместе, мамушка светильник держала.

– Какая упрямая она! – говорил Санталай, пока Очи ко мне залезала, обувь снимала. – Так бы и не пошла в дом, если б не я. Как ворона, на крыше сидела, за конька держалась. Я ей: слезай, говорю, а она молчит и не двигается. Те, думаю, примерзла дева-воин! – Он засмеялся, хотел продолжать, но я его перебила:

– Шеш, брат, спи иди, отца разбудишь, – отмахнулась я и за занавес залезла.

Санталай был пьян, шагом плавающим, как дурмана объевшийся конь, прошел к своему ложу и, пока мамушка с него, как с ребенка, стягивала шубу, а после и сапоги, долго еще рассказывал, как снимал Очи с крыши. Крыша у нас войлоком крыта и много разных зверьков на ней, как на праздничной шапке отца. У отца царь-барс на макушке шапки – барс и на крыше, знак царского рода. Еще конь был на шапке слева и птица справа, и знак доли охотника над лбом – олень на маленьком шаре. Все это в том же порядке и на крыше стояло. Я представляла, как, пьяный, лез туда Санталай и уговаривал Очи спуститься, и смеялась в кулак. Наконец он повалялся и уснул.

Очи же все не ложилась, шубы не снимала, сидела, колени руками обняв. Снег на ней стоял, шкуры намокли, и запахла постель овчиной, тепло и душно. Я сладко потянулась, натягивая шкуру на плечи, и кивнула ей: ложись. Но она не двинулась, только посмотрела на меня через красноватый мрак дома, и что-то странное мне показалось в ее взгляде. Я приподнялась на локте:

– Что с тобой? – Она не ответила. – Долго там сидела? Сильно замерзла? Может, есть хочешь?

– Я умираю, Ал-Аштара, – сказала она вдруг таким глухим голосом, будто отвечала из-за войлочной стены. – Я хочу убить его, но мне жалко его. Это колдовство, сестра? Камка не учила меня такому колдовству. Это мужское колдовство? Я думала подстеречь и убить его. Но я не смогла достать нож, как увидела его снова, когда вышел он из дома вдовы, – и разревелась. Как баба разревелась, Ал-Аштара! До самого дома его провожала и не могла убить, только слезы глотала, как битая. Что со мной, Аштара?

Она говорила тихо и с болью, серьезно очень говорила, а я поверить не могла, что слышу от нее такие слова.

– Очи, что ты! Почему ты хотела его убить? За такое убийство положена смерть, отец судил бы тебя и казнил. Если один оскорбил другого, то в открытом поединке решают, кто прав, а не так – ночью, тайно. Да и чем он тебя оскорбил, Очи? Тем ли, что хорошо дрался? Отец не принял бы такое обвинение даже для поединка!

– Нет, нет! – вдруг простионала она и легла навзничь. – Не убить, нет! Нельзя его убить! Но что он сделал со мной? Почему сказал, что мне его победа нужнее? И когда дрался, – ты не видела, Ал-Аштара, никто не видел, только я... он так смотрел мне в глаза... так, будто... будто внутрь меня глядел, будто я перед ним нагая! Что такое мужчины, Ал-Аштара? – вдруг с отчаянием спросила она и обернулась ко мне с горящими глазами. – Ты знаешь их, расскажи! Я их видела раньше, но никогда... никогда не думала... что буду чего-то бояться. А его боюсь. – И, не давая мне вставить слово, продолжала, захлебываясь: – Они не такие, как мы, я это теперь точно знаю. У них сердца нет, Камка не зря на посвящении его духам скармлиывает, чтобы они страха не знали, вот его и нет. Они боли не знают, я сильно дралась с ним, Ал-Аштара, а он только улыбался, будто ему приятно. У них тело из железа, имя на камне – у них все по-другому. А главное – запах! У них запах другой, Ал-Аштара! Я... – но тут она запнулась и договорила тихо, почти шепотом: – Я никогда не забуду этот запах, когда близко он был, совсем рядом... я утонула в нем вся... что со мной случилось?..

– Он охотник, – сказала я. – Он зверем и смертью пахнуть должен.

– Нет! – отрезала Очи. – Я тоже охотник, а пахну иначе. Он мужчина, он мужчиной пахнет – а это совсем другой запах, совсем. У меня... – Но она снова споткнулась и договорила так тихо, словно не хотела, чтобы я слышала: – У меня голова кругом шла. И так все сладко, будто в дурмане. И тут, – она положила руку на живот, – тут все ныть стало, Ал-Аштара. Не знаю, как и вывернулась от него. Верно, ээ помог. Что со мною, сестра? Он околдовал меня? Но как? Когда? Чем?

Наконец она смолкла, и только сильно, всем телом вздрагивала, вздыхая. Тут только я заметила, что глажу ее по голове, как ребенка. Я убрала руку и сказала:

– Очи, у меня шестеро братьев, с двумя из них я росла вместе, я знаю мужчин: это люди, Очи, такие же, как и мы. Ты мне поверь. Они чувствуют боль, тело у них мягкое, и пахнут они человеком. Не так, как мы, правда, но человеком. И сердце у них есть, это точно: я слышала, как бьется оно у Сантала в груди.

Очи молчала, не шевелилась. А я продолжала успокаивать ее, говоря о братьях и о других мужчинах, и о том, что воин не знает врага, с кем справиться бы не мог. С сильнейшим бороться – благо, воин учится побеждать. Я долго так говорила, но тут в занавесь ударило что-то мягкое – верно, сапог, – и брат недовольно проворчал:

– Шеш! Вот мыши завелись – спать мешают!

Я примолкла, и мы лежали какое-то время тихо. Я уже думала, что Очи спит, но тут она обернулась ко мне, обняла с неожиданной для нее нежностью и прошептала:

– Аштара, обещай мне, что завтра мы с тобою снова пойдем в тот дом. Я чувую, что не кончилась еще наша битва. Ах, Ал-Аштара! Почему же так сладко и страшно, так страшно мне! И ноет внутри все. Но ты обещай мне, обещай! Обещаешь?

Я кивнула, и она смолкла, свернувшись клубком и тут же заснула, посапывая, как зверек, спокойно и тихо. И я тоже ощутила, что странно все, непонятно, немного страшно – но больше сладко. Все, что было с Очи, словно бы и во мне отразилось: весь вечер и новые люди, эта странная битва, несчастная Антула, Зонар и Талай... И сама Очи, вдруг нежная, порывистая и жесткая. Странно все было, странно и сладко.

А когда наутро глянула я в глаза моей Очишки, не узнала ее: другая дева, лукавая, хитрая передо мною была. Как будто что-то открылось вчера ей, о чем я еще не знала.

Глава 10

Чертог дев

Так и пошли наши дни: с долгим сном, обильной пищей, долгими разговорами. Днем старшие женатые братья звали к себе, их жены одаривали нас – кто едой, кто войлочными носочками, новыми обвязками на ноги, мехом, нитками, бусами. Вели к нам детей, особенно девочек, чтоб мы их приласкали, – считалось, что так от Луноликой матери получают благодать. Потом кормили, а сами жены за столом молчали, разглядывали нас украдкой, особенно Очи. А братьям моим, зимой от праздности изнывающим, других дел и не было, как только нас по гостям водить: в род жены, к друзьям, к их братьям... Везде мы улыбались, и везде нас кормили, одаривали, подсовывали под правую руку круглых детей. За день все лица для меня в одно сливались, все дети одним становились, на еду уже смотреть я не могла и не понимала, откуда столько родных и друзей у моих братьев – весь стан без малого. Но обидеть отказом никого не могли. Как тяжелую ношу глупый верблюд несет, походкой не меняясь, так и я по гостям ходила, не меняясь лицом.

А вечером мы шли в дом Антулы, как я Очи обещала.

Там было каждый раз одно и то же, те же лица, те же разговоры и смолка, молоко хмельное, сбродивших ягод сок и крепкие травяные взвары, чтобы не спать долго, глядеть глазами бессонными, смеяться и говорить пустое. Мне не по нраву все это было, говорила себе, что только ради Очи хожу, но хоть не надо было и там улыбаться, слушать заученные разговоры и скучать. Я могла просто сидеть в сторонке, наблюдая за людьми.

Приходили туда каждый раз одни и те же. Смехач Ануй рассказывал разные, но одинаково нелепые истории про увальня Астая, а тот смеялся со всеми, не обижаясь. Были молодые воины, посвятившиеся в этом году или годом раньше, и несколько дев, и я могла уже, не спрашивая у ээ, сказать, кто с кем будет весною свадьбу играть. Приходили иногда воины постарше, девы и парни, одни сидели целый вечер, а другие только для того забежали, чтобы на нас с Очи посмотреть. Говорили, что у них были свои посиделки. Туда ходил Талай, у Антулы он и не бывал. Был он, как я узнала, младшим сыном Осварая, главы рода конников, и потому до сих пор не женился. Отец его жил в другом стане и, как говорили, был еще крепок, брал молодых жен и приводил пленниц с походов, но детей они ему не рожали. Талай ждал воли духов: будут ли братья после него или он будет отцу наследовать.

Зонар же бывал в доме Антулы каждый день. Когда приходили мы, он уже сидел в любимом своем углу с той же самоуверенной усмешкой. Губа его быстро зажила, и скоро он уже, как все, мог жевать смолку и щелкать орехи. Он почти всегда молчал, только блестел глазами да редко смеялся. С Антулой, как я замечала, не говорил, даже не смотрел на нее. Все, приходя, приносили что-то вдове в дар – еду ли, куски войлока или тканей. Приносил ли что-то Зонар, я не видела ни разу, и Антула, любившая хвастать подарками перед гостями, особенно перед парнями, подбивая их приносить больше и вкуснее, чем другой, ни разу не сказала о гостинце Зонара. Мне она казалась мрачнее, чем в первый день. Лицо сильнее мазала белой глиной. Иногда особенно резкой была, словно раздражена или держала в сердце обиду, тогда выглядела совсем дурной и старой. Было видно, что Очи она невзлюбила, но боялась.

А моя лесная дева совсем свыклась с жизнью в стане. Все подарки, какие получала, она сумела пристроить к одежде, чтобы больше походить на стойбищенских дев, но от этого только страннее смотрелась. На подошвы сапог нашила красные кусочки войлока каким-то странным узором и теперь всюду гордо садилась, не стесняясь показать ступни. Шуба у нее была видом совсем не такая, как у нас, сшита иначе и носилась мехом внутрь. Очи вывернула ее и к серому меху козы прикрепила кусочки меха черного жеребенка. Вроде бы так и украшают шубы обычно, но Очи сделала это по-своему, совсем непохоже. Еще ей достался теплый

цветной нагрудник, какие носят пастухи, и она надевала его, не задумываясь. Даже вырезала и хотела нашить себе на шапку рыкающую голову лесной кошки, но я остановила ее: посвящение наше было еще не завершено, чтобы зверьков носить, да и шапка у Очи была детская, а не воинская, смешно бы смотрелся зверек на такой шапке.

Да и все это выглядело бы нелепо на любом – кроме Очи. Она умела так носить одежду, что все невольно не могли отвести от нее глаз. Наша праздная жизнь не тяготила ее. Днем в гостях умела она так молчать и потупить взгляд, будто все детство взрослые ее при себе держали, и была она очень воспитана. У вдовы же быстро стала своей. Истории, которые она рассказывала, были дики и странны, но от того лишь более жадно ее слушали. Но даже если просто сидела она молча, глядя в огонь, все лицо ее, притушенный взгляд, вся фигура была какая-то звенящая, как натянутая тетива, и зовущая. Я видела, как зажигались глаза у молодых воинов, когда смотрели они на нее, и как косились девы – с завистью и скрытым испугом.

Я не узнавала своей Очи. Слабый звереныш – вдруг хитрым хищником стала она. Я видела, что все, что говорила она или делала, не для того было, как обычно у дев, чтобы стать кому-то женою, но для чего – не понимала. Во всем, что делала или говорила она в те дни, была странная, скрытая, незнакомая мне до того сила. Ничего не происходило, но я чувала, что вносит она раздор в дом Антулы, как холодный ветер кружит под крышей, и я уныло следовала за ней, не в силах противостоять этой силе.

Но день ото дня становилось все тягостней. Думала я, что Очи хочет отомстить Зонару, но она не делала ничего, они даже не говорили, лишь иногда бросали друг на друга взгляды – и все оставалось по-прежнему.

Все оставалось по-прежнему, пока отец не принес красного оленя, которого пообещал Луноликой за то, что призвала меня в свое воинство.

Он пришел в дом, когда мы с Очи только размыкали глаза. Все эти дни мы с ним не встречались: когда просыпались, его уже не было, он ездил на пастбища да охотничьи делянки, мы весь день проводили в гостях, а вернувшись, я видела его уже строго, по-воински спящим. И я, честно признаться, только рада была: все боялась, что спросит он, чем занимается его дочь, Луноликой матери дева, и что я скажу? Хоть ничего дурного мы не делали, но праздность меня так тяготила, что сама себя ощущала я дурно.

Потому и сжалась, как он вошел. Но отец ничего не спросил, сбросил тушу оленя у порога и вышел.

Мне стало горько, будто обидела его чем-то. Очи на меня взглянула с вопросом.

– В чертог дев поеду сегодня, – сказала я. – Передай братьям, что не буду у них.

Очи опять удивленно посмотрела.

– Одна поеду. Ты оставайся, – сказала я и подошла решительно к туше. Хотела ее поднять, как отец, на плечи вскинуть, – да не тут-то было! Не смогла даже сдвинуть. Большого, жирного оленя выбрал отец, не поскупился для Луноликой. Еле выволокла его на снег. Побежала в закуту, взнуздала коня, прискакала к порогу, хотела тушу поднять на седло – да куда там! Спрыгнула, снизу подкинуть пытаюсь – только в глазах темнеет с натуги. Бросила тушу, чуть не заплакала от отчаяния. Вот наказание за праздность! Вспомнились мне Камкины наставления, сочла все дни с нашего возвращения – получилось, что уже пол-луны живем мы в стане, похваляясь своей долей, но ничего не делая. Разозлилась я на себя, взяла лыжи, привязала накрепко к ним оленя, конец веревки прикрутила к седлу, влезла на конька и поехала. Неудобно было так везти, часто спрыгивала, поправляла тушу, чтоб рога не цеплялись, ноги снег не загребали. Так, с трудом и тяжелым сердцем двинулась я в чертог дев.

Девы эти жили и с человеком, и без людя. Когда кочевал наш народ, рассказывали мне, их кочевье шло отдельно. А как пришли мы в эти горы, они вдали от станов поставили себе дом. Были у них свои зимние пастбища для коней, овец и коз, занимались они охотой, рыбал-

кой да сборами, как и все, – но только это немного о них и знали. Чертог их был обнесен глухим забором, и что творилось за ним, какая у дев там жизнь, никто не знал.

На диком, неприветливом месте стоял чертог. Вокруг было тихо, тихо и внутри. От ворот снег был утоптан, сбит до земли конскими копытами – тропа потянулась выше, за дом, на гору – к выпасу. Осадила я конька у ворот. Думала звать хозяев, но тронула дверь – и она отъехала легко, незапертая изнутри.

Двор был еще больше утоптан, мерзлая земля со снегом и навозом взрыта комьями. Большой дом, в семь углов, стоял в центре, два малых, в пять, – поодаль. Как насмешка вспомнились мне тут слова Камки про богатство Луноликой матери дев. Войлок на большом доме и правда был белый, когда-то тонкий и дорогой, но его давно не меняли, он разлезся и потемнел. Другой дом был крыт пестрым войлоком, сшитым из кусков. Третий же – берестой. И никаких фигурок на крышах – странно выглядело это, точно пустая шапка на голове взрослого воина. На всем дворе никого, и дым не шел из домов – пусто в чертоге. И тихо так, что и мне голос подать было боязно, стояла, не зная, что делать: в дом без хозяев нельзя входить, хозяйских духов прогневаешь.

Вдруг медленно-медленно стали приоткрываться ворота, и задом, пятясь, вошла на двор сгорбленная старуха. Тучная, в старой потертой овчинной шубе, на голове – старческая шапка, без зверьков, из черной овцы и мехом наружу. И тащила она два больших ведра. Медленно – одно пронесет, поставит, второе несет. Так зашла во двор, остановилась, отдуваясь. Глаза ее, верно, видели плохо: прямо на меня глядела и не могла рассмотреть.

– Кто здесь? – спросила она, приподняв шапку со лба и отирая пот рукавом.

– Это я, старушенька! – отвечала я громко на случай, если она плохо слышит. Эта старая женщина, давно развязавшая пояс и отдавшая себя духам, вызывала во мне и неприязнь, и трепет. Таких древних людей я еще не встречала и пыталась перебороть отвращение.

– Кто? Кто? – стала спрашивать она и оглядываться, как если бы вокруг было много народа.

– Я, Ал-Аштара, царская дочь, Луноликой матери посвященная дева, – крикнула я. – Я принесла дар живущим здесь сестрам.

– А, тебе девочки мои нужны? – поняла она и снова взялась за ведра. – Нет их, нет.

Она приподняла одно ведро и собралась тащить, но оступилась и опрокинула. Вся вода разлилась по грязи.

– Те, я старая колода! Полшага осталось, и не вынесла, – запричитала она, а потом взялась за второе ведро. Я поняла, что сейчас с ним случится то же самое, подбежала к ней и сказала:

– Дай я, старушенька.

Она тут же отпустила ведро и, не схвати я его, непременно ухнула бы вода нам под ноги. Но я успела, и спина моя тут же прогнулась: не легче оленя показалось мне это ведро.

– Куда, старушенька? – проговорила я с натугой.

– Недалеко, сюда вот, сюда.

Она поковыляла по двору. Я плелась следом, но бабка шла очень медленно, а мне от тяжести хотелось избавиться побыстрее. Только гордость не позволяла поставить ведро и передохнуть, я шла след в след, то и дело спрашивая:

– Далеко еще?

– Что ты, близко, тут уже.

Мы обогнули дом, прошли по двору, где были стойла и привязи, чтобы доить коров и кобыл, дошли до дальней стены забора, и там оказался деревянный колодец.

– Лей, – сказала старуха.

– В колодец? – не поняла я.

– Да, в колодец, – равнодушно кивнула она.

Мне хотелось быстрее освободиться от ноши, я не стала больше спрашивать и ухнула воду вниз. Мне показалось, что ни капли не долетело до дна, все растеклось по обледенелому срубу.

Только я выпрямилась и развела плечи, как старуха выхватила у меня ведро:

– Дай сюда, некогда мне отдыхать.

И поковыляла к воротам, я – за ней:

– Старушенька, а когда девы вернутся?

– Ясно: до первых алых перьев не ждать.

Она говорила о закате. Только очень старые люди говорили так, молодые и закат, и восход называли рогами Солцерага.

– А ты что здесь делаешь? – спросила я.

– Разве не видишь? Воду таскаю.

– Но зачем воду в колодец лить?

– Уходит из него зимой вода, вот я за день натаскаю, а девы вернутся, колодец полнехонький, прямо из него черпай.

– Что ж сами они? Зачем ты, старая, им таскаешь? Тебе бы в шубу кутаться, у огня сидя, сама уже, как мать Табити, древняя.

– А ты думаешь, я много девочек моих старше? – спросила она и остановилась. Я чуть на нее не наскочила. – Думаешь, они молодые все, как ты?

Я оторопела. На меня смотрела древняя старуха, древняя, как старые лиственницы, которые изнутри уже сгнили, одна кора и осталась. Она не в силах была разогнуть спину, глядела снизу вверх, глаз ее я не видела из-под мохнатой шапки, но лицо было бурым, как кора, и так же изъедено морщинами. Рот был, как пропасть, а ноздри расширились, как у лошади. Из-за тяжести своей и старости она давно не была в седле, ноги ее были кривы, а руки схватило болезнью, она держала их, подгибая, ладоней не было видно из-под длинных рукавов. И это старое, умирающее дерево говорило мне, что ненамного старше Луноликой матери дев, вечно юных дев-воинов! Я не могла ей поверить.

– Те, замерзла, что ли? – спросила она. – Ты кто такая?

– Ал-Аштара, дочь царя, Луноликой матери посвященная дева, – проговорила я, будто во сне.

– Те? – удивилась она. – А и не скажешь: ни чекана у тебя, ни лука, ни меча боевого. Слабоватый ты воин!

Я смутилась. Я и не думала, что старуха разглядит меня своими слепыми глазами. Хотела сказать ей, что еще не прошла посвящения, но она уже развернулась и пошла дальше, ворчливо приговаривая:

– Все вы думаете, что они тут вечные, ваши девы. И что они не стареют. Те! Все стареет и умирает, девочка, все.

– Но Камка говорила... – начала я и замолчала, услышав, какой жалкий у меня, растерянный голос.

– А, жива еще старая? – сказала бабка. Она, казалось, очень этому обрадовалась. – Те, она-то знает, *что* на посвящении говорить, чтобы девочкам легче обеты давались. Только жизнь-то все равно – жизнь, вот что, царевна.

Мы дошли до ворот, она стала подбирать второе ведро.

– А как мне их увидеть? – спросила я почти в отчаянии.

– Дев-то? Да придут к первым перьям, придут. Я только вот... – но она не успела сказать, вдруг застонала, бросила ведра и схватилась за поясницу. – А! Не разогнись!

Она и правда не могла разогнуться, схватилась за напряженную спину, и вся эта огромная фигура казалась в тот миг слабой, как дитя. Мне стало страшно, вдруг умрет сейчас, я подско-

чила, и она вцепилась в меня намертво, чуть не опрокинула. Мне оставалось только довести ее до дому и усадить на лежащие у дверей поленья.

– Как же я так, как же так! Без воды остались мои девочки! – причитала она без умолку, слезливо и жалко. Я поняла, что другого пути у меня нет.

– Давай я натаascaю, старая.

– А сможешь ли? – с недоверием посмотрела она на меня. Я вспыхнула.

– Я крепкий воин! – сказала я гневно, хотела прибавить, что уж точно сильнее такого гнилого тюфяка, как она, но сдержалась.

– Хорошо. Показать тебе не смогу, сама найдешь: из ворот вдоль забора, а там тропа вниз, к реке, ее-то услышишь. Иди уже, а то до алых перьев не справишься.

Оставалось только послушаться и пойти. Вдоль забора шла тропа вниз с холма. Была она узкой, шла напрямик через лес, и летом, верно, не было тут тропы вовсе, только зимой протаптывали – прямо поверх поваленных деревьев. Дошла я до речки, очень бурной, лишь у берегов замерзшей, набрала два ведра и пошла назад.

И тут поняла, отчего так медленно шла старуха: сами обледенелые деревянные ведра были тяжелы, а с водой и подавно. Тонкие веревочные ручки резали ладони, пришлось натянуть рукава. Тащить в гору да через ухабы было трудно, но поставить, чтобы отдохнуть, некуда. Так и шла до самого верха, лишь на горке остановилась, отдышалась – и вошла на двор.

Коня моего уже не было на месте. Старуха хлопотала. Шкура с оленя была снята и растянута на заборе. Увидав меня, бабка кинула недовольно:

– Чего так долго? Поворачивайся, пока вода не простыла. – И ушла в большой дом. Это мне показалось странно, но я ничего не сказала, вылила оба ведра в колодец и снова пошла к реке.

Тут упало мне в голову: откуда взялась старуха? Не из нашего она была стана, там таких никогда не бывало. В чертоге только девы могли жить, но бабка не была воином. Подумать, что ходит она сюда из соседней долины, было сложно: сколько бы времени занял у нее такой путь? Уже у самой реки я вспомнила, что не видела следов, пока ехала в чертог. Может, конечно, иной какой путь был к чертогу, о котором я не знала? Набрала воды и пошла обратно, решив у старухи спросить. Но как дошла до ворот, только о том, чтобы отдышаться, думала. Старая же снова лишь поторапливаться велела и куда-то в глубь двора утопала. Я сжала зубы, доволокла до колодца ведра и пошла назад.

Не знаю, сколько раз ходила так вниз-вверх по горе. Пока налегке спускалась, новые вопросы возникали, как с водой поднималась, пропадали, как ни бывало. Несколько раз спотыкалась с полными ведрами, обливалась, шла назад к реке. К концу дня я замерзла и устала до отупения от этой тяжелой работы. Но ни с первым алым пером, ни со вторым, ни с сумерками не вернулись девы. Наконец в полной темноте поднималась я с реки, по памяти переставляя ноги. Когда подходила к чертогу, казалось мне, что сейчас упаду. Плечи и руки были как не мои, обувь обледенела, сосульки свисали с подола шубы. Но, войдя во двор, я застыла, обомлев, и даже об усталости позабыла.

Конями был полон двор: больше двух десятков похрапывали у кормушки вдоль забора, и пар валил с мохнатых спин. Светильники горели над коновязью. Дым стоял над всеми домами. Красный свет и теплый ароматный дух шел из приоткрытой двери большого дома. Оттуда слышались смех и разговоры, громкие слышались слова, и они меня ударили, как плетью.

– Я, говорит, царская дочка, подайте мне Луноликой матери дев! – кричал кто-то высоким голосом.

– А потом ведро взяла – и потащила! – Взрыв хохота заглушил остальное.

– А как она смотрела на старую! Как на тлен смотрела!

– Но ведь таскала, подумайте, девы! Весь день, как служанка, воду таскала!

- Не как служанка, а как дурочка. Не подумала, зачем заполнять колодец!
- Что ты хочешь – царская дочь!

И снова хохот.

Злоба колыхнула мое сердце, и слезы брызнули из глаз. Бросила я ведра, пнула их и, выхватив нож, кинулась в дом. Пока бежала, обругала себя, что впустую провела пол-луны, не достала хорошего оружия, и вот сейчас как девчонка буду, с маленьким ножичком. Но мне было все равно. Я готова была сразиться в тот миг со всеми.

Я ворвалась и без разбора бросилась на первого человека. Это была высокая женщина с длинными темными, вьющимися волосами. Ее лицо на миг стало удивленным, но тут же она отскочила, и я не смогла настичь ее. Я развернулась, передо мной были другие лица, другие девы. Весь дом был полон.

– Ать, ать! – закричал кто-то со смехом как собаке. Они прыгали передо мной и хлопали в ладоши. На ком-то были бубенцы, и их звон гремел у меня в ушах. Они смеялись надо мною и совсем не боялись моего ножа. От злых слез все поплыло у меня в глазах, я прыгнула вслепую, в надежде хоть как-то задеть. Но у меня тут же выбили нож из рук и повалили на пол.

Мне казалось, что умру от позора: я сидела на полу, меня никто не держал, но я не пыталась подняться, а лишь ревела, как дитя, как девчонка. Ревела, всхлипывая, и не могла остановиться. Вся слабость моя вернулась и навалилась. Я не могла бороться не только с девами, но и с собой. А они смеялись.

- Те, глупая, куда ты полезла! – кричали молодые, звонкие голоса.
- И ножичек вынула! Такой только на пиру держать.
- Э, воду как гонит, сейчас затопит нас всех. Держитесь, девы!
- Чего ты хочешь? Или тебя кто обидел?
- Вы... смеялись... надо мною, – выдавила я и пустилась реветь громче.
- А как над тобой не смеяться?
- Но я вам весь день воду носила!
- А кому это надо? Думать не учила тебя Камка? Хороший же ты воин!

– Но ведь я думала – правда! Я думала – вам так надо! – крикнула я в отчаянии и тут поняла, что скажи мне в стане, что кто-то наполнял зимой пустой колодец, я бы тоже смеялась до боли в животе. Поняла это – и еще горше мне стало, так заревела, что они даже прекратили потешаться, захлопали меня по плечам, шубу попытались расстегнуть, водой напоить. Но я не могла успокоиться.

Вдруг кто-то жестко растер мне лицо снегом – и я остановилась. Тут же дали мне чашу с молоком. Оно было горячее, и у меня началась икота, я пила медленно, стараясь ее подавить, и мельком бросала взгляды на дев – не смеются ли они надо мной снова.

Но они стояли молча и наблюдали за мной. Были они молодые и статные, были среди них и зрелые, но все сильные, никаких старух. Это успокоило меня. Одеты они были не как в стане – штаны кожаные, шубы мехом внутрь, как у Камки и Очи. Зато почти у всех под шубами были рубахи из тонких материй или даже из шелка, какие только с караванами приходят из далеких земель. Я решила, что это дорогие подарки от люда – не каждый в станах мог позволить себе носить рубаху.

– Успокоилась, – сказала потом одна из дев. – Те, и ты решила так просто нас всех убить? Слабовата ты для того, девочка.

Не по голосу, а по интонациям я узнала в ней старуху. И поняла, что они разыграли меня, так удивительно и жестоко. Во мне вновь всколыхнулась обида, но я ничего не сказала, устала в чашу. Икота не проходила, и я молчала, чтобы не опозориться снова.

Дева присела, чтоб заглянуть мне в глаза. Была она крепкой, широкой в кости, ее можно было бы назвать даже толстой, будь то женщина из стана. В этой же все дышало силой. Обнаженные руки были как у мужчины, под смуглой кожей проступали мышцы, и множество чер-

ных рисунков испещряли руки до самых плеч – жертвенные кони в масках оленей, барсы, грифоны... И даже пальцы были перехвачены изогнутыми рогами оленя, а на запястье – знак Солнцерега.

Я как замороженная уставилась на эти руки и не сразу подняла глаза к лицу женщины. Оно было смуглым, обветренным, а жесткие черные вьющиеся волосы были сбиты с висков и далеко со лба, так что лицо у нее казалось больше и выше. И от висков, по границе, где обычно растут волосы, бежал у нее ряд черных точек.

Я разглядывала ее с удивлением, но тут снова сжалась грудь, и я икнула. Женщины засмеялись, усмехнулась и она. Потом строго сказала:

– Духам виднее, кому какую долю давать, но я удивлена их выбору. Трижды подумай, девочка, прежде чем подтвердишь свой обет.

Я сжала зубы от бессильной злобы и произнесла, стараясь не икнуть:

– Тебе ли решать, подхожу ли я Луноликой?

– Не мне, – спокойно отвечала она. – Но как придешь сюда, я буду решать, какой работой тебя занять. А ты, Ал-Аштара, – не только по имени красный цветок. Ты нежна и красива, а в голове у тебя, как сладкая пыль, чаяния и мечты. Думаешь, здесь тоже, как у отца в доме, жизнь будет медом?

Я молчала, хотя икота уже отступила. Никогда не думала я о жизни в чертоге, не знала даже, зачем живут девы отдельно, чем занимаются и почему скрываются от людей.

– Ты думаешь, что уже посвятилась? – продолжала она. – Нет, ничего ты еще не прошла и не знаешь. Для того и отпустила вас Камка к родным очагам, чтобы поняли, что теряете. Ты поняла это уже, Ал-Аштара?

Я не отвечала. Я верила в свою долю, и не было в голове мыслей, чтобы ее поменять.

– Вижу, что поняла, – продолжала дева. – Иначе бы не проводила ночи на сборищах, среди парней и дев, мечтающих о браке.

– Откуда ты знаешь? – вырвалось у меня, но тут же спохватилась, что выдала себя. Все вокруг засмеялись снова. – Это неправда, тебе ничего не известно! Ты разве видела меня? Разве ты знаешь, о чем я думаю и к чему мое сердце стремится?

– Нет надобности следить за тобой, девочка, – сказала дева и отошла, села у очага и стала шевелить угли, как делает хозяйка в своем доме. – Достаточно посмотреть на то, как ты одета, на твое оружие и красные от бессонных ночей глаза. Мне этого достаточно. А о том, как слаба ты стала, словно никогда не бывала у Камки на круче, ты и сама знаешь. Все, что могла, ты уже рассказала нам о себе.

Опять между дев пробежал смешок, но стих. Они довольно натешились надо мной и теперь ждали ответа, но я молчала. Все это я знала, но не было в мыслях менять долю. Потому я поднялась, подошла к очагу, коснулась пепла и сказала:

– Благодарю вас, девы, за ученье и за то, что приняли дар от отца. Но я верю в свою долю. Я вернусь к вам после посвящения, чтоб стать достойной сестрой.

Никто не проронил ни слова. Только когда я натянула на плечи шубу, чтобы уйти, хозяйка сказала:

– Дело твое и твоих духов. Благодарю отца, скажи, что Лунолика приняла дар. А о своей доле еще раз подумай.

– Мне не о чем думать, сестра, то Бело-Синего выбор. Доброго ветра.

Глава 11

Снова учение

Ее звали Таргатай, она была старшей девой в чертоге, хозяйка большого дома. Хороший урок преподала она мне, и, конечно, окажись я сама на ее месте, такую же проверку устраивала бы приходящим девам. Я не могла на нее злиться, то было бы несправедливо, однако все равно, возвращаясь из чертога, чуяла злость и обиду – на саму себя. Не понимала, как жила в стане все эти дни – будто под лед попала и выбраться не могла. Твердо решила изменить жизнь тут же, вновь вернуться к воинским занятиям, и дев своих тоже вернуть, иначе какой я им вождь, если в узде держать не умею. Вспомнилось, как подобно зверям жили мы у Камки на круче, как мало нам было надо и какими сильными себя ощущали, и противным, хоть плюнь, показалось тепло домов. Правду говорят люди: на вольном ветру человек камнем становится, а в тепле – сырым тестом становится.

Нешадно стала я погонять конька к дому. Собаки подняли лай, как влетела я меж домов стана, за мной стали бросаться, но охватила одну плеткой – вмиг отстали. На шум выскакивали из домов люди – черные их силуэты возникали в красных проемах открывшихся дверей, – испуганно окликали меня, но я не отзывалась. Как дух, яростно летела я через стойбище, пока не услышала крик: «Йерра! Йерра!» – наперерез мне с холма катился всадник, охаживая коня плеткой. По щегольскому красному вороту и низу шубы узнала я брата Санталая. Но не стала останавливаться, лишь придержала коня.

– Горящая стрела в тебя попала, сестра? – спросил он, поравнявшись со мною. – Зачем всполошила стан?

– Очень спешу, брат. Дело у меня в нижнем стойбище.

– В нижнем? И не боишься ночи?

– Не боюсь сейчас ничего, кроме собственной лени. Потому и спешу: как бы не схватила меня за полу да не загнала в дом к Антуле, как все эти дни.

– Те, сестра! Уж не Санталай ли имя лени твоей? – засмеялся брат.

– Что ты! Моя лень без имени и тем для меня страшнее. Знала бы имя, так прогнала бы прочь.

– Точно укусил тебя в лесу пегий дух, – сказал он. – Так что, не ждать тебя сегодня?

– Не жди. Приду только увидеть Очи и сказать ей что-то.

– Так, может, я передам?

– Нет. Хотя, передай: скажи, Камкину шубу, с прошлой луны забытую, нашла Ал-Аштара, пусть завтра девы мои мерить ее до света приходят на опушку за станом.

Санталай рассмеялся и остановил коня.

– Приезжай сама, сестра! – крикнул мне, а потом добавил: – Да: Антулу духи жгут, сегодня все в доме братьев Ату собираются!

Я подняла руку в знак, что слышала его, и поехала дальше. Антула уже накануне казалась нездоровой, но я не видела вокруг нее духов болезни и думала, Зонар был причиной того: рядом с Очи он сел вчера и чашу с настоями ей подавал. Хоть ни словом, ни взглядом не обменялись они, Антула была горячечной и злобной, красные пятна ходили по ее мягкой, не покрытой глиной шее.

В нижнем стане жила Ильдаза, и к ней первой направилась я, решив собрать дев. Только у родного очага не оказалось ее. В том стане тоже был дом, где вечерами собирались бесемейные воины, и Ильдаза моя была там и смеялась звонко, блистая белыми зубами. На лице ее была краска, и запах ощутила я от ее тела сладкий, когда, удивленная и испуганная, вышла она ко мне. Но я лишь велела ей прибыть наутро и тут же уехала.

После направилась я в дом к Ак-Диры. Она жила на окраине стана, но и ее не было у родного очага. Все уже спали, одна лишь старуха, давно снявшая пояс хранительницы огня, как бы живая мать Табити, чаша с углями, сидела в полутьме. Ее и спрашивать я не стала, где Ак-Диры, у таких ум давно сохся.

Отправилась к Согдай. Дом у нее оказался новым, опрятным. Она рассказывала мне, что этот дом ее отец для ее матери поставил. Отец у нее был богатый, многоконный человек, мать Согдай была его первой женой, но рожала ему только девочек, поэтому он взял другую жену, а первую отселил, чтобы ее духи не мешали новой детей к очагу звать.

Отчего-то я думала, что Согдай не ходит на посиделки. К Антуле ни разу не приходила она, а пойти к старшим скромность бы ей не позволила. Но и ее не оказалось у очага. Мать ее ко мне вышла. Была она небольшой женщиной, с узкими глазами, запуганной и слабой. С трепетом смотрела она на меня, как если бы я была большущим мужчиной, ворвавшимся ночью в дом. В люльке заплакал ребенок, и другая девочка, до посвящения, пошла успокоить его.

Делать нечего, пришлось и мне отправиться в дом братьев Ату. Со смутным чувством поехала я туда. Оказалось, что все девы проводили вечера на посиделках, и от этого было мне противно, будто подвела я Камку. Ехала, не разбирая дороги, и сама себе вслух пеняла:

– Вождь примером для всех становится. Что он возьмет себе в голову, то его люди будут думать. Сам перед собой и перед людом чист и прозрачен он должен быть, как ручей. А я? Что я за вождь? Чему я дев за эти дни обучила?

Но тут услышала сзади хруст снега. Кто-то ехал за мной, а я не слыхала, погрузившись в мысли. Обернулась – и вздрогнула: меня нагонял конник Талай. Медленно вел он своего прекрасного долгоногого коня, верно, давно в мой след ступая. А как обернулась я, сжал коню бока и вмиг поравнялся со мной.

– Легок ли ветер? – спросил он с улыбкой. Я кивнула в ответ и сама себе подивилась: кровь бросилась в лицо, как заговорил он, и сердце сильнее забилося. В первый раз видела я его с того вечера, как пришел он в дом Антулы, а оказалось – только его и ждала. – Помешал тебе, дева? С духами разговаривала? Куда ты едешь?

– К братьям Ату.

– Хе, будет там жарко сегодня, столько людей соберется под одной крышей! – усмехнулся он. – Вместе поедem, или ты другую знаешь дорогу?

– Нет, поеду с тобой.

Шагом тронулись. Меня одолела робость, хотелось заговорить, но не знала о чем. Даже глаз не поднимала, все на гриву конька смотрела.

– Я помню свое обещание, царевна, а вот ты, верно, забыла, – сказал Талай, и я с удивлением глянула на него – не смеется ли? – Так и будешь на горном коньке ездить? К лицу ли то воину?

Я вспыхнула и отвела глаза.

– Ты, я вижу, не в духе сегодня, Ал-Аштара. Или не рада проводнику?

– Нет, Талай. Я рада тебе. Но я думала, ты пошутил о скачках.

– По рукам били – разве шутка? До праздника весны немного осталось. Найдем тебе хорошего коня и будем учить дороги стелить.

– Меня с детства не учили коней объезжать. Боюсь, не подойду я для скачек.

– Те! Ты царская дочь, в тебе белой кобылицы с Золотой реки кровь. Эта кровь сама тебя всему научит.

Тут подъехали мы к дому, у которого уже много было лошадей.

– Смотри, – засмеялся Талай, – братья твоего горняшки. Не их ли ты ищешь?

И, спешившись, пошел в дом.

Я вошла вслед за ним. Людей здесь было гораздо больше, чем у Антулы. Талая знали, его приветствовали, окликали, и он стал пробираться к месту, перешагивая через ноги и рас-

ставленные блюда. Я жалась к дверям, пока меня не позвал Санталай. Тогда пробралась к нему, сняла шубу с плеча и села на рукав.

– Пришла, сестра! – обнял меня брат сильной рукой. Он уже пах хмельным молоком и был особенно нежен. – Я передал все Очи, но она не поняла ни слова! – сказал он с пьяным восторгом.

Очи сидела недалеко. Рядом с ней был Зонар. Я этого ожидала. Увидела я и Ак-Дирьи – за это время она располнела, щеки ее горели, губы алели, сидела она у огня и хохотала с незнакомыми мне девами. Только Согдай не заметила я.

С мороза в тепле меня разморило. Хотя и думала сперва, что уйду сразу, лишь передам все девам, но не уходила, сидела. Вокруг говорили, шутили, смеялись, и я тоже уже смеялась, принимала у кого-то из рук чашу, наливала настойку. В этом доме мне было легче, быть может, потому что не было здесь мрачной Антулы. Близнецов-хозяев Ату я не сразу признала среди гостей, они не сидели у очага, да и вообще здесь мест не соблюдали.

Тут пошел разговор: «А кто из вас, девы, петь умеет?» Но все отнекивались и смеялись, прикрывая рты рукавами, как вдруг одна из тех, кто в этом году проходила посвящение, крикнула:

– Ал-Аштара вон, она умеет. Она у Камки хорошо пела.

– Да, да, Ал-Аштара может, – тут же поддержали другие. – Она про Золотую реку на посвящении сказывала.

– Ал-Аштара? Кто это? Ал-Аштара? И правда умеет? – зашумели вокруг, и я не знала, куда деваться.

– Спой, Ал-Аштара, – просили уже меня, а по рукам передавали трехструнную арфу-нун. Я думала отпираться, но увидела, как Талай показывает на меня одному из братьев Ату.

– Так ты – царская дочь? – сказал тот. – Большая честь для нашего дома. Неужто же не споешь, когда хозяева просят?

Он смотрел на меня, но я в тот момент видела только улыбку и глаза Талая, и он, как показалось мне, еле заметно кивнул.

– Хорошо, – согласилась я тут же и сама себе подивилась. – Я спою. Только Камка запретила мне просто так петь. Буду я духов звать и о прошлом сказывать. Станете слушать?

Но все уже оборачивались ко мне, снимали с огня котел. Я настроила арфу, позвала ээ-тай и своего барса и начала петь.

На великой земле, Золотой реке,
Седовласый жил царь, правил много лет.
Был он мудр, как сова, голова бела,
Словно мед, сладки все его слова.
Та земля жирна, круглый год цвела,
Много дичи лесной и скота дала.
Золотая река, золотые ее берега.
Хоть руками бери – не оскудеет она.
Чистое золото в посуду плавили,
Чистым золотом убирали коней,
Чистого золота пряжки ставили,
Чистого золота – петли дверей.
Так и жил народ, но пришла беда.
И прозрел старый царь, что не справится,
Ни с войной, ни с бедой не совладеет люд,
Весь исчезнет, следа не останется.
А сынов-то было у царя две дюжины,

А последние сыны – дети малые.
Вот он взял их двоих, положил в суму,
Да на спину кобыле навьючил.
Приторочил еды, хлеба он и питья
И сказал, кобылице в глаза глядя:
С этим даром теперь отпускаю тебя.
Ты несись во всю прыть, словно ветер в степи,
Тебе самое ценное я поручил.
Много злата есть на этой реке,
Но не стоит оно и слезинки детей.
Золотая река, золотые ее берега.
Хоть руками бери – не оскудеет она.
Ты несись как от смерти и там лишь встань,
Где не будет войны, – говорил ей царь.
Если выживут – в земли эти вернутся,
Если нет – по ним некому будет тужить.
Так сказал он, присвистнул, и стрелой сорвалась,
Кобылица без отдыха годы неслась.
Оставляя и реки, и горы крутые,
И моря голубые, и земли пустые.
Сыновья же росли, остановок не зная.
И один мудрым стал, зверей понимая,
А другой стал царем, духами управляя.
Только там свой бег уняла зверица,
Где и ветер не знал Золотой реки.
Там спустились братья, дома сложили,
И большой народ потом там взрастили.
Только помнили твердо слова отца:
Если выживут – вспомнят дорогу назад.
Потому, как окреп их народ, они снялись,
К Золотой реке опять потянулись.
Золотая река, золотые ее берега.
Хоть руками бери – не оскудеет она.
И пока у нас сердце стучится,
Будем слышать копыта мы той кобылицы
И искать дорогу назад.

Закончив, я открыла глаза и осмотрелась. Словно из глубокого сна, из темной воды поднимались люди. Лица стали строгими, совсем другими. Несколько дев, склонившись друг к другу, дремали у стены, а чуть дальше одна спала на груди воина. Видела я, еще не полностью сама в себя вернувшись, как он бережно обнимал ее за плечи и что-то, склонившись, шептал на ухо, верно, будил. Люди оживали, и видела я, как открывает дева глаза, как смотрит на воина, как улыбка зажигается на ее губах... И тут узнала и ее, и воина, глаз с нее не сводившего. Узнала – и как холодной водой обдало меня в тот миг. Потому что дева та была – моя Согдай, а воин – конник Талай.

– Вот о чем зимой надо вспоминать! Так всего и согрело, – говорили вокруг люди.

– Да, о былом хорошо вспоминать, о том, откуда мы родом...

И тут громче всех поднялся пьяный голос Санталай:

– Вот так сестра у меня! А я и не знал, что духи такой дар ей открыли! А она ведь еще Луноликой матери посвящена. Вот так сестра...

Но я не дала ему закончить. Вмиг проснувшись, я закричала:

– Как хорошим конем, ты мною хвастаешь, брат! Не смей больше говорить так про меня! Пока не дали мы обета, не ждут нас в чертоге! Пока здесь, с вами сидим, не бывать нам Луноликой матери девами!

Добрый мой Санталай смотрел на меня большими испуганными глазами. Что зажгло меня, я и сама не понимала, только вдруг больно и горько стало, словно бы дымом заволокло дом, и дым этот душил меня. Я видела, с каким недоумением глядят на меня люди, как Согдай и Талай во все глаза на меня смотрят. Рука Талай все еще лежала у Согдай на плече, и меня как огнем обожгло, стоило лишь мельком взгляд на них кинуть. Тут же выбежала я из дому, так и не сказав своим девам того, ради чего приехала, и слезы закипали на глазах.

Думала я тогда, что все теперь потеряла. Думала, отвернутся от меня и брат, и девы, и Талай. И совестно было, но как исправить, не знала. И от этой досады, от боли только тверже положила себе вернуться к жизни, какой учила нас Камка.

Придя домой, первым делом убрала занавесь от постели. Легла, но сон не шел: все стояли перед глазами Талай и Согдайка, взгляд их, друг к другу прикованный, объятие. Я вздрагивала, будто падала в пропасть, открывала глаза, вскакивала и глядела на ложе отца: вдруг он уже поднялся, и я опоздала выйти до света. Но он спал сном ровным и честным, и я снова ложилась, и опять начинала мучиться, и злилась, и не понимала, как только решилась на такое скромница Согдай. Недаром говорят, думала я со злостью, что чужачки гулящие. А Талай-то, Талай? Зачем тогда предлагает помочь мне выбрать коня, зачем вслед за мною ехал? И снова я вспоминала его, а потом Согдай – и вскакивала.

Так проходила ночь. Слышала я, как мамушка бродит по дому, словно дух, поправляет угли в очаге, как Очи пришла и легла подле меня. После и Санталай пришел, упал на постель. И дальше тянулась ночь в моем бдении, в ожидании утра, в мучении и ненасытных мыслях. Пыталась я себя успокаивать, что нет мне дела до них, что своя доля у каждого, и Талай мне не друг, и Согдай свой выбор еще не сделала. Но опять и опять видела его глаза, ее улыбку – и металась, как в горячке.

Лишь ненадолго погрузилась в сон, и привиделся мне *царь*, он сидел в засаде в каменистом распадке, и не могла я понять, живой это барс или мой ээ. Вздогнула, открыла глаза, приподнялась – нет отца. Проспала! – подумала я в ужасе, вскочила, натянула шубу, нож повесила к бедру, кое-как сапоги подвязала – и вон из дома.

Холод и мрак стояли над нашей горой. Черная еще была высь, и даже снег не светился. И холод жестче, как всегда бывает в преддверии света, обнял меня, залез под шубу, схватил за голову. Я надела шапку, затянула потуже рукава и пояс и бегом побежала к опушке.

Занималась я с радостью, хоть тяжело было отвыкшему телу. Но это лишь сильнее меня распаляло. И приседала, и бегала, а потом стала вокруг дерева с ножом прыгать, то нападая на него, то отскакивая, как от врага. Уже посветлело небо, лениво стал восходить золотой Солнцерог. Я запыхалась, остановилась, засунула шапку за пояс и только собиралась снова продолжить борьбу, как сзади меня окликнули:

– Что ты, сестра, с лесом воюешь? Или противников не хватает тебе?

Я обернулась: подъезжали Очи и Ильдаза, сзади них на конях сидели Согдай и Ак-Дирьи.

– Те, не разбудила меня, гордая! – продолжала Очи. – А я вчера понять не могла, о какой шубе толкует Санталай. Хорошо Ильдазка приехала. Будем вместе воевать или прогонишь? – спросила Очи, но я уже вприпрыжку бежала к ним: догадалась, что это она собрала дев, и такая благодарность, такая радость заиграла во мне, так в тот момент я их всех любила!

Стали мы бороться, и наша старая привычка – понимать каждое движение друг друга – проснулась в нас. Без слов чуяли мы, что соскучились по этой жизни и друг по дружке. И я так была счастлива, что не понимала, отчего злилась вчера. «Верно, правда дымом наполнило», – думала, и даже на Согдай могла смотреть без боли.

Утомившись, упали мы на снег передохнуть. Вьсь стала совсем светлая, голубая и ясная. День выдался теплый. Деревья тянулись к солнцу. Птицы прыгали в ветвях, их гомон звучал не по-зимнему.

– Пахнет весной, – сказала я, вглядываясь в лес.

– И снег мягкий, – кивнула Очи, сжала в кулаке снег. Легко, как мокрая шерсть, смялся он, и вода проступила меж пальцев.

– До весны еще далеко, – проворчала Ак-Дирьи. – Это теплые ветры с южных морей из-за гор вышли.

– Те! Что ты знаешь о море! – засмеялась я. – Говоришь как старая бабка.

– Все равно нет еще вашей весны, – надулась Ак-Дирьи.

– Ты хочешь, чтобы каждое утро мы здесь встречались? – спросила тут у меня Ильдаза.

– Да, как у Камки.

– Я сегодня совсем не ложилась, мне коня еще покормить да до стойбища вашего ехать, – сказала она. – И мать станет ругать, если полдня проводить здесь буду: работу в доме никто не сделает за меня.

– Приезжай и живи у нас, – пожала я плечом. – Дом у отца в одиннадцать углов, а живем сейчас вчетвером, кроме старой мамушки. Приходи, он разрешит, я знаю.

– Жить у царя! – поразились Ильдаза. – Как это можно?

– Разве ж мы не люди?

– У тебя младший брат неженатый, мать не пустит, – заупрямилась она.

– А женатый был бы, пустила? – усмехнулась Очи. Девы рассмеялись.

– Пф, твои шутки лесные, – фыркнула Ильдаза.

Тут в разговор вступила Согдай:

– Ты можешь жить в моем доме. Нас три сестры да мать. В женский дом тебя пустят?

– У тебя мать – дикарка. Не пустят меня к тебе.

– Кто не хочет скакать, говорит: конь захромал! – воскликнула я, раздражаясь. – Не хочешь так – приезжай каждый день, вот и весь разговор.

– Хорошо, я спрошусь у матери, – сказала Ильдаза и отвернулась. Я поняла, что она не спросится.

Девы замолчали. Холодным ветром подуло меж нами, но мне не хотелось того.

– Я вчера к Луноликой матери девам ездила, – сказала я.

Они оживились.

– Правда, что у них за забором стоят колья с головами убитых врагов? – спросила Ак-Дирьи. – И что они отрезают себе левую грудь, чтобы удобнее было стрелять из лука?

– И тела не моют, а мажутся с ног до головы глиной, чтоб казаться страшней? – спросила Ильдаза.

– Откуда вы это взяли? – удивилась я.

– Меня девы в стане засмеяли, как узнали, кем сделали меня духи, – ответила она. – Говорили, буду теперь как поганка ходить, вонючая.

– Глупости! Нет там голов, и груди у дев обе на месте. Все они такие же, как и мы.

– Молодые? – спросила Ак-Дирьи. – Мне говорили, там одни старухи.

– Кто говорил?

– Отец. Он как-то ездил к ним, когда у овец недород был. Рассказывал, все они там старые как гнилушки, а у некоторых даже растут усы, как у мужчин.

– Глупости! Я видела молодых дев. – Я решила не рассказывать, как пошутили надо мной в чертоге. Да и не знала, как удалось Таргатай превратиться в старуху.

– Я помню, две или три зимы назад старшую дочь у наших соседей духи забрали на служение Матери, – сказала Согдай. – Не могут так быстро стариться девы.

– Конечно, не могут! – обрадовалась я, потому что видела: не верит мне Ак-Дирьи.

– Ждут нас в чертоге? – спросила Очи.

– Ждут, – ответила я. – Если будем достойны. Сказали мне девы, что не окончено еще наше посвящение и не смеем мы пока себя их именем называть.

– Так вот чего ты вчера встрепенулась! – засмеялась Очи. – А мы понять не могли. Сан-талай потом даже место, где ты сидела, обыскал: вдруг, говорит, тут змея была и тебя ужалила. Девы рассмеялись, а я ощутила, что краснею. Вспоминать о вчерашнем не хотелось.

– Да, потому, – сказала я. – И правы они, не можем мы зваться...

– Те, Ал-Аштара, какая ты все же, – поморщилась Ильдаза. – Все-то у тебя должно быть правильно, даже тошно.

– Потому ее духи вождем и выбрали, – сказала Очи. – Должен же кто-то знать, что и как делать. Иначе с пути собьемся!

Хоть в ее словах обидного ничего не было, говорила она насмешливо, и девы заулыбались. Я растерялась: поняла, что сказала Очи что-то нелестное, что все они про меня давно между собой решили. Но не думала я, что подобное может быть дурно. И, не зная, что ответить, нахмурилась, поднялась и велела:

– Давайте продолжим, отдохнули уже.

– Те, разве не достаточно на сегодня? – протянула Ак-Дирьи. – Не показалось мне мало.

– Вставайте! У Камки полдня занимались.

– У Камки не было других дел, – сказала Ильдаза. – А меня дома мать ждет, чтобы на три дня вперед работы дать.

– Тебя отпрошу я у матери, – сказала я. – Сегодня сама к ней поеду.

– Представляю, как обрадуется она такой чести, – продолжала ворчать Ильдаза. – Сроду никто из вашего стана к нам не ездил, кроме как за сыром.

Но мне надоело это брюзжание, и я запустила в Ильдазку снегом. Она ахнула, а я наскочила на нее, и мы покатались, купая друг друга в снегу, а другие девы прыгали вокруг и подбрасывали нас, как во время борьбы. Скоро мы все вместе смеялись и кидали снежки.

– Хороши же ваши занятия! – долетел тут голос Санталай, и я вынырнула из сугроба. Он сидел на коне под холмом, и яркое солнце мешало видеть его.

– Может, меня к вам возьмешь, сестра? – смеялся он.

– Один ты нам не нужен! – крикнула Очи. – Одного мы за ногу раскрутим да за гору забросим. Приходи с друзьями!

– Те, какие девы у нас в стане, и не подъедешь! – рассмеялся брат. – Так подожди же, приеду с друзьями!

Каждый день стали мы собираться на опушке, а Санталай с парнями приезжал смотреть. Они кричали нам, смеялись, затевали тоже бороться, грозились подняться к нам. Натешившись, уезжали.

А после приезжал Зонар. Он не боролся с другими парнями, не кричал и не звал нас. Молча стоял под горой в стороне от всех, даже его конь, приученный на охоте к долгому бездвижью, не шевелился. Как из камня выбитый, темнел его силуэт под горой. И, не глядя вниз, я ощущала, когда он приезжал. Он долго стоял там, обычно другие парни уже уезжали, а он все смотрел. Неуютно мне было под этим взглядом.

В тот же день Ильдаза переехала жить к Ак-Дирьи в дом. Я сдержала слово и поехала к ее очагу, просила мать отпустить ее. Мать Ильдазы оказалась огромной женщиной, властной

и раздражительной. Сначала она говорила, что Ильдаза старшая, вся помощь в доме от нее. Но я сказала, что духи уже забрали Ильдазу, что противиться смысла нет, чуть позже, чуть раньше – уйдет она к девам в чертог. И тогда вдруг разрыдалась могучая эта женщина, стала ругать Камку, что отняла у нее дочь, и меня о чем-то упрашивать. Разревелся ребенок, испуганный, средняя девочка схватила его на руки, стала успокаивать и пытаться утешить мать. Она же ее обняла, чуть не задушила, и кричала, что старая злая Камка сделала их всех сиротами. Ильдаза все это время испуганно стояла в стороне и не смотрела на мать.

От этого крика я растерялась, но, на мое счастье, вернулся Ильдазкин отец. Он был молчаливым и мрачным, и с женой явно старался не иметь дела. Но, как вошел и понял, что творится в доме, велел Ильдазе собирать, что ей надо, и, не обращая внимания на крики жены, вышел из дома. Потом подвел Ильдазе высокого коня – верно, единственного, своего. «А того мы сами съедим, тебя проводим», – усмехнулся и не прощался более, только свистнул вслед, чтобы конь резвее летел.

Как отъехали мы подальше, Ильдаза вдруг сказала мне: «Спасибо». Я растерялась:

– За что?

– Дышать я теперь начну, а то мать не давала.

Скоро все девы раздобыли себе хороших боевых коней, а потом и оружие. Очи на несколько дней уходила в тайгу, била зверя и на мех выменяла мерина-полукровку, широкого, рослого, светло-каурой масти, и все оружие. На охоту она лук одолжила у меня, а стрел ей Зонар дал.

Я удивилась, когда узнала об этом.

– Чем отдавать будешь? Или так вы дружны, что без возврата дал он тебе стрел?

– Охотник охотника всегда поймет, – усмехнулась она. – Я б не просила, если бы Камка мой горит не спалила.

– Да, но чтобы просто так дал стрелы такой охотник, как Зонар?

– А чем он хорош? – вспыхнула Очи. – Эту зиму в стане сидит, летом траву жевать будет, – рассмеялась недобро. – Я еще с ним поспорю, что за день больше белок набью.

– Те, Очи! Он добр к тебе, а ты задаешься.

– Я в лесу росла, ваших законов не знаю, – фыркнула она.

Только у меня по-прежнему не было боевого коня. И хотя я помнила обещание Талая, просить помочь мне с конем не решалась: я и думать не позволяла себе о нем с того дня, как увидела их вместе с Согдай.

На сбор молодежи я ездить перестала. Вечера мои стали свободны, и, оставаясь дома, любила я слушать советы глав родов, суды и разборы споров, которые вел отец. Еще в детстве всегда пыталась я остаться в доме, когда приходили просители, но отец не позволял слугам и детям слушать суды и отправлял нас с мамушкой из дому. А теперь она уходила, а я оставалась. Тихо, как ээ, сидела в углу и все вбирала в себя.

Шли охотники и рудокопы, отдавали отцу меха и золото, чтобы участвовать в ярмарке будущей осенью. Отец все учитывал и отмеривал, какая доля в торгах будет у человека. Или вот два охотника: один одолжил другому стрел с железными зубьями, а тот хочет отдавать беличьими шкурками, и судят они, сколько шкурок надо за зуб. Отец считает. Вот два молодых охотника приехали делить угоды – только недавно стали дичь стрелять, еще своих границ не знают. Отец судит. А после придут из дальних станов главы родов с младшими сыновьями. Те станы теплые, там горы ниже, там хлеб растят и нам возят. С хлебом приехали они, а еще с вестями – слушает отец, слушаю и я, и все мне замечательным кажется, все интересно.

В один такой вечер, когда были у отца гости, в дверь постучали. Служанка открыла и сказала мне, что пришла Согдай. Я с удивлением вышла ей навстречу.

– Что ты? – спросила, вглядываясь в ее лицо. Но по глазам поняла, что ничего не случилось, и впустила: – Войди.

Мы сели недалеко от двери, чтоб не мешать гостям. Согдай с любопытством оглядывала дом.

– Я хочу, чтобы ты меня научила его точить, – сказала она наконец, протягивая мне меч. – Мать, как ты знаешь, не воин, а у отцовой жены просить не хочу.

Это был хороший боевой клинок, короткий и в меру тяжелый, лучший для конника, но уже не новый, местами ржавый, видно, давно им не пользовались.

– Разве ты не умеешь?

– Обычные ножи умею точить, оружие – нет.

– Сейчас гости у отца. Пришла бы днем, я б показала.

– Я завтра приду.

– Хорошо, – я кивнула, но не выпускала меча из рук. У основания клинка были округлые морды рыси, а рукоятка в виде сплетенного в косу конского хвоста, как заплетают боевым коням. – Откуда он у тебя? Какого он рода?

– Нашего. Мне брат подарил.

– Ты говорила, у матери твоей только дочери.

– Да. Это сын родного брата отца. Он еще просил меня тебе передать, – сказала вдруг Согдай, хитро сощурившись, – что зря от него прячешься. Он свое обещание помнит, а знакомство с ним тебя сил не лишит. Так, кажется, сказал.

Я вспыхнула. Сначала совсем не поняла ее слов, но негодование родилось прежде, чем попыталась понять.

– Что ты говоришь, Согдай? Или о свидании передаешь мне?! Да как ты решилась на такое? Какой еще брат, нет у тебя братьев! Такие слова оскорбляют воина Луноликой!

Хотела я еще что-то сказать, но осеклась, увидев, как она испугалась: глаза расширились, а лицо стало плоским.

– Что ты, Ал-Аштара, – заговорила она шепотом и попыталась схватить мою руку, но я отдернула ее. – О чем ты, царевна? Я и не думала... нет, нет...

Гости стали на нас оборачиваться, продолжать разговор мне не хотелось, и я сказала жестко:

– Возьми свой нож и уходи. Я не хочу видеть тебя в этом доме.

Но она не двинулась, глаза ее блестели, и все старалась она мою руку схватить.

– Царевна, Ал-Аштара... Да разве я думала, что эти слова... что ты так... Нет! Ничего этого в мыслях... ни у меня, ни у него... Это Талай, Ал-Аштара! Ведь я Талаю сестра, он передать о конях мне велел... что ваш уговор помнит... что с конем тебе поможет...

Она продолжала еще бормотать, но теперь я глядела на нее и не знала, как справиться с тем, что творилось во мне. Вмиг снова предстало, как спала Согдай на груди у Талая в доме братьев Ату. За все эти дни столько раз и с такой болью, самой мне неясной, образ этот являлся, но теперь будто новым светом все озарилось. Не любовными были те объятия – это сестра на плече старшего брата спала...

Я не знала, как не закричать, не заплакать, такая радость вдруг всколыхнулась в сердце. Как девы на праздник весны кричат, новый год начиная, – громко, сильно, и столько в том боли, и радости, и зова, и необъяснимого желания, – так и во мне сейчас все кричало, и я об одном только думала, чтоб не заметила этого Согдай у меня по лицу.

Потому стала провожать ее, уверяя, что больше не гневаюсь, а Талаю чтоб передала, что встречу с ним, как только отец разрешит взять коня из табуна. Согдай все норовила мою руку прижать к своему лбу в знак благодарности, но я отдергивала, говоря, что не к лицу ей, воину, этот жест служанки и, наконец, выводила.

А как она ушла, я подождала немного – и выскочила за дверь, упала лицом в снег. Казалось, что все лицо горит, словно я надышалась дыма. Полежав, перевернулась на спину и долго

смотрела на небо, затянутое тучами, без звезд. Снег таял на лице, стекал водой. Я слизывала его с губ и улыбалась. Мне казалось, что уже нестерпимо ясно пахнет весной.

Глава 12

Барс-конь

Через день Талай и Согдай подъехали к нашему дому на одном коне.

– Рано приехал, Талай! – крикнула я с порога. – Не спросила еще отца о коне.

– Я уж сам спросил, – ответил он, подъезжая к коновязи. – Вчера ездили с ним табун смотреть. Он разрешил выбрать любого.

Мое лицо загорелось, будто я к огню наклонилась.

– Что за забота? – сказала, как могла, строже. – Сама бы спросила отца.

– Не сердись, царевна, – улыбнулся Талай, спешившись. – Научи вот сестру клинок точить, и поедем к табуну. Не близко он, к вечеру бы успеть.

Мы пошли с Согдай за дом, где лежали в ларях точильные камни. Талай тоже с нами. Пока я учила ее, все чуяла его взгляд, но обернусь – он другим занят: то осматривает узду на стене, то перешучивается со служанками. Как мы закончили, я сходила за коньком в клеть и была готова. Но Талай спросил с усмешкой:

– А аркан не берешь, царевна?

– Разве у тебя нет? – растерялась я.

– Коня ловить не ты ли будешь?

– Талай, я говорила, что не умею, – смутилась я.

– Не говори, что не умеешь чего-то. Вот сестра мечи точить не умела, а ее научили. Бери аркан, Ал-Аштара, теперь сестра будет тебя учить коньков ловить.

– Ты умеешь? – с удивлением посмотрела я на Согдай.

– Я из рода конников, – кивнула она. – Мне духи аркан на посвящение достали. Если б ты не сделала меня воином, была бы я табунщицей.

Я не ожидала такого от тихой Согдай. Оставалось только накрутить аркан на локоть и двинуться за ними следом.

Царский табун ходил в урочище, где пенная река встречалась со своей сестрою. Хорошее было там место, трава сочная, по холмам тайга, так что кони не уходили. Зимой же их кормили особо, и сеном, и зерном, так что отличные высокие сильные кони были у отца, все золотых мастей, от темных до самых светлых. Страху не ведали те кони, и для охоты, и для битвы хороши были. Несколько пастухов и конников жили в урочище, следили за ними, отгоняли волков и людей, которые своих кобыл пытались подвести жеребцу, ведь иметь царских кровей лошадь хотел всякий. Но был в табуне вожак, который лучше любого пастуха за ними смотрел. Об этом жеребце мне отец рассказывал: какой он злой и дикий, с каждым годом все сложнее подпускает людей. Уже несколько раз пытался он увести табун из урочища, перевалив за гору. Один раз пастухи остановили, а другой неожиданно волки помогли. Отец рассказывал, что волков потом собирали и резали недобитых, а кони все живые ушли.

Все это я вспоминала по дороге. Представить себе, как выберу сейчас коня, как сама его поймаю, я не могла. Арканить, конечно, умела, но одно дело поймать овцу, а другое – дикого, под седлом не бывавшего коня.

– Приуныла царевна, – подшучивал надо мною Талай. – Или о барс-коне вспомнила? Хороший конь. Уже не одного человека покалечил. Пастухи говорят, твой отец жеребенка парным мясом выкармливал, чтобы злой стал. Но ты не бойся, воин, найдем на него управу.

Я смутилась и не отвечала.

Чтобы попасть в долину, мы перешли по льду большую реку и поднялись на гору. Сверху урочище напоминало лодку. Прямо под склоном стояли два легких пастушьих домика, а на дальнем краю, где виднелись загоны и было открытое место, еще три.

– Вон там сейчас барс-конь табун водит, – махнул Талай рукой на дальние лысые холмы. – А ниже их кормят, но туда они придут только к сумеркам. Мы с тобой, Ал-Аштара, поедем лесом, не хочу их пугать, не хочу у кормовых мест брать. Согдай, беги к людям, собирай всех.

Она отвязала от седла снегоступы, спрыгнула и легко, где бегом, где скользя, пустилась вниз с холма. Мы двинулись лесом, обходя урочище.

– Скажи, царевна, откуда дует ветер?

– Сзади, коню в левую ногу.

– Не годится. Барс-конь близко не подпустит. Будем обходить стороной. Время потеряем, зато не спугнем. Он вчера сразу понял, что не просто так я лошадей смотрю, – усмехнулся Талай, вспоминая встречу с конем, как с человеком.

– Ты хорошо его знаешь?

– Я-то хорошо, но и он неплохо меня изучил. Всегда догадывается, чего я хочу. Бывает, сам приводит ко мне больного. А если видит, что забирать иду молодняк, – в оба глядеть за ним надо.

– Отец говорил, пастухи боятся его, Талай. А ты не боишься?

– Барс-конь мне не враг, мы понимаем друг друга. Понимаем, что одному царю служим. – Талай говорил о коне как о равном, как о приятеле, с которым, и сам не знает, дружба связывает или соперничество.

Еще проехали молча, потом Талай снова спросил, куда дует ветер.

– Спереди, в левое плечо коню.

– Вот, теперь хорошо, – кивнул конник.

Мы стали подниматься выше, забирая левее. Лес уже редел, снега становилось меньше. Наконец вышли на открытое место, снег здесь был взрыт копытами, низкая замерзшая трава чуть колыхалась на ветру. Наши кони тоже стали склоняться и щипать ее, мы остановились.

– Выбирай, царевна, – по-хозяйски махнул рукой Талай. – Какой нравится?

Табун стоял поодаль, на границе с лесом. На низких ветках лиственницы развешано было сено, одни объедали его, другие выкапывали траву из-под снега, подросшие жеребята скакали возле матерей. Вожака определить было нетрудно. Он оказался пегим: белое пятно молоком растеклось по холке и спине, коснулось хвоста, но не достигло ног, иначе его жеребенком еще забрали бы из стада – у белоногих копыта хрупкие. Но вожак был силен, широк грудью, с длинными передними ногами, большой головой, словно выточенной из камня, и злыми глазами, и хотя он мирно пасся, не вскидывался, не стриг ушами, я понимала, что ничто не уходит от его внимания.

Я оглядела молодых коней. На свое знание я не надеялась – чутья на них у меня не было. Потому попросила своего ээ, чтобы подсказал, который конь – мой.

Только сделала это – вожак встрепнулся. Будто ветер прошел по табуну. Все отвлеклись от еды, задвигались. Фыркание вожака доносилось до нас. Табун медленно принялся уходить между деревьями, а вожак оставался на месте, не спуская с нас глаз.

Талай спросил:

– Ты что-то сделала, царевна?

– Попросила своего духа выбрать мне коня, – призналась я неохотно, ожидая, что Талаю это не понравится. Но конник рассмеялся:

– Сильный дух у тебя, Ал-Аштара! С таким легко получим, что надо. Давай гнать их под гору.

Он свистнул и пустил своего коня наперерез табуну. Скоро спины их замелькали между деревьев, и топот загудел по горе. Лесок здесь был лиственный, прозрачный, и я ясно видела, как понесся этот живой златогривый ветер, сбивая плотнее клин. Я пустилась за ним. Раздался голос рожка Талая – он сзывал табунщиков в урочище.

Скоро лесок кончился, и я увидела, что кубарем лечу вниз с холма вслед за клином, мчавшимся, точно единый зверь. Только вожак бежал поодаль, легко обгоняя или вдруг отставая, забегая с разных сторон, подгоняя своих. На меня он не смотрел, его беспокоил Талай. Вдруг, круто изогнув шею и прижав уши, барс-конь начинал приотставать, наскакивая боком на Талаева коня, метя ему в ноги, но потом делал несколько сильных прыжков и догонял табун.

Тут я заметила, что в клине что-то неладно. Как в котле, прежде чем закипеть похлебке, всплывает вдруг один пузырь, так там вспрыгивал один какой-то конек – то круп его, то выгнутая спина появлялись выше других, но потом он так же мчал дальше.

Мы катились, и я уже видела двоих всадников, поднимавшихся слева наперерез табуну. Тут конек стал взбрыкивать сильнее. Он будто пытался на бегу сбросить что-то у себя со спины. Мешал другим лошадям, табун стал распадаться, бег замедлился, а конька охватывал ужас, он то и дело выгибался, совершал странные прыжки. Смятение охватило табун, вожак стал ржать, а потом метнулся, разбив клин, и стал выгонять коня прочь, кусая за ноги и холку. Конек еще брыкался, выгибал спину и крутую шею, но вожак выгнал его, и тот, обезумев, пустился по холму вправо, наперерез нам с Талаем, как пущенная стрела.

И тут я заметила на его спине моего ээ-барса.

– Йерра! Йерра! – закричала я, подгоняя, как могла, мою горную лошадку, и развернулась за ним.

Сзади протрубил рожок, и я заметила, что конники снизу тоже развернулись в погоню. Скоро Талай нагнал меня. Он появился справа и что-то кричал, обгоняя. Но я не могла разобратъ. Ветер хлестал в лицо, выбивал слезы из глаз. Талай ушел вперед на своем коне: тот мог быстро бежать, раскидывая свои длинные ноги, как птица – крылья. Мой же горняшка достиг предела своей выносливости. Я слышала, как тяжело он хрипит. Я тоже задышалась, открыла рот, но не могла вздохнуть, из-за слез не разбирала дороги, сердце бубном гремело в моей голове. «Не догнать, – поняла я. – Поворачивай его, царь!» Но ничего не менялось.

«Чол», – вспомнила тут я, и – как вспышка молнии – увидела себя на спине рыжего коня. Но видение тут же пропало. Обида и ярость сдавили мне грудь. Я зажмурилась, пытаясь волей изгнать из себя чол, пытаясь представить себя на молодом коньке, но открыла глаза – он мчался к дальнему лесу, свободный, красивый.

И ярость покинула меня – я увидела, как он прекрасен, как легок, что даже Талай не может его нагнать. Копыта его не касались земли, голова летела по ветру, легкая на длинной шее. И сам он был – ветер. Владеть таким конем нельзя, думала я. Взять в полон ветер – нельзя. Любоваться полетом птицы – вот что можно.

Я представила, как сжала бы ногами его крутые рыжие ребра, вцепилась бы руками в гриву и стала едина с ним в этом полете. Сзади нас нагоняли, но не могли бы догнать. Мягко я потянула голову коня влево, стараясь его развернуть. Он сбился на крупную рысь, выставя вперед правое плечо. Вся его сила стремилась к лесу, но я поворачивала влево – к загону. Его бока заходили шумно, он стал разворачиваться против воли. Я сжала ему бока сильнее, он сделал три неверных скачка, а потом взял шаг и понесся к загону так же резво, как бежал до того. Он мотал головой, словно был опоен и пытался прогнать наваждение, но не вставал на дыбы и не брыкался. Изгородь была уже открыта, люди ждали и что-то кричали, и мой конь несся прямо туда.

Но тут я опомнилась – чол! – и увидела себя на спине рыжего, а сама была далеко позади, на задыхавшемся мокром горняшке, тряским шагом завершавшем последний свой бег. «Чол», – поняла я, и тут же видение исчезло: рыжий бился, кидаясь на изгородь внутри загона. Люди бросились к нему, Согдай кинула веревку ему на шею, и конь закрутился, встал на дыбы, запрыгал по загону, взрывая землю. Тут подъехал Талай, перемахнул изгородь и вскочил коню на спину, а тот заходил, из последних сил стараясь освободиться.

Когда я подъехала, его уже остановили. Табунщики держали натянутыми веревки, пленник бился, ржал, люди кричали – я же не разбирала ничего, как оглушенная, лишь шум стоял в голове. Талай надел рыжему на голову мешок, и он смирился. Табунщики вокруг смеялись.

– Талай! – кричали они. – Если будешь каждый день так вот прыгать, твоей жене придется под жеребца лазать, от тебя ничего не останется!

Я ощутила, что краснею от этих пастушьих шуток. А Талай устало посмеялся, лег на спине рыжего, обнял за потную шею и так лежал, отдыхая, поглаживал его и, казалось мне, что-то приговаривал ему в ухо. Я спешилась, взяла под уздцы своего взмыленного конька и хотела его поводить, чтоб отдышался, но он смотрел мутно. Кто-то из пастухов крикнул, чтобы оставила его, сами прирежут, и я отошла. Ноги мои ступали неверно.

– Хорошую кобылку выбрал тебе ээ, – крикнул Талай, похлопал рыжего по шее и спрыгнул. Я подивилась, как легко это ему удалось. Табунщики, потянув сильнее, заставили уставшую лошадь опуститься на передние колени, и Талай, одним движением сняв мешок, надел на нее недоуздок.

– Где табун? – спросила я.

– Барс-конь увел его. Для него эта кобыла – не отбитая, а изгнанная, он уже забыл о ней. – Талай перелез через изгородь и оказался рядом со мной. – Устала, царевна? Пусть кони отдохнут, пойдем в дом, там нас накормят.

Мы отправились в ближний пастушечий дом. Все были радостные и возбужденные, Согдай прыгала вокруг меня, как собачонка, дергала за руки, спрашивала, нравится ли мне все. Я же была как в тумане.

В тепле мне стало легче. Молодая жена одного из пастухов разлила всем густой молочной похлебки, заправленной грубой мукой. Она пыталась услужить мне больше, чем остальным, но мне это не нравилось, а она только сильнее старалась. Наконец она подослала ко мне своего маленького сына. Выпятив круглый грязный живот и глядя не на меня, а на кончик своего носа, он пробубнил тихим голосом, не хочу ли я ребрышко барашка. Все вокруг рассмеялись, а мне стало досадно, я отказалась, и мальчик с облегчением убежал в угол. А потом я поймала взгляд его матери, готовой разреветься, и мне стало совсем горько. Я не хотела обижать хозяйку, но и лишней чести мне было не надо. Отец тоже не любил ее принимать, говорил, это делает сердце гордым, а ум – алчным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.